

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Санкт-Петербург
2024

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.), М.П. Лепехин,
Р.Н. Ненашев, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 11 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2024. — 202 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00343-7 (вып. 11)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Одинадцатый выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

ЛЮДИ И КНИГИ

Гусева С.Ю., Горская Л.И., Хаздан С.Е. Юлия Михайловна Тарасова — первый руководитель Отдела изданий Академии наук БАН (к 90-летию со дня рождения)	5
Митрофанов В.В. Малоизвестный исследователь эпохи Смутного времени	13
Маркова Т.Б., Самара Л.О. Человек и ученый: к 100-летию со дня рождения Ю.С. Зубова (1924–2006)	23
Гальцин Д.Д. К 300-летию Иммануила Канта: прижизненные издания и ранняя русская кантиана в фондах НИОРК БАН (обзор выставки)	28
Беляев Н.С. Проект библиографического указателя о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова В.А. Мануйлова: опубликованное и неосуществленное	38

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Маркова Т.Б., Самара Л.О. Философия в зеркале Библиотеки Российской академии наук	51
Беляев Н.С. Издания из собрания Н.П. Лихачева в фонде Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы РАН	62
Федотова П.И. Почему начальная киевская летопись не могла содержать варяжской легенды?	77
Дымская Д.Д. К вопросу о систематизации римской литературы в Библиотеке Российской академии наук	89
Ильина О.Н. Личные библиотеки ученых в современной российской историографии	96
Иванов И.А., Глинская А.О., Чайковская А.А. Описание переплета старинных книг XIII–XIX веков: конструкция, особенности, терминология	115

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Данилов И.А. Научный семинар «Природные опасности прошлого. Стихия и культура: судьба библиотечных и других собраний в периоды катастрофических наводнений Петербурга» в Библиотеке Российской Академии наук	133
--	-----

Содержание

Андреева Н.С. Наводнение 1824 г. и Императорская Академия наук: неизвестный архивный документ	139
Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. Из истории природных катаклизмов во Франции. Парижское наводнение 1910 года	144

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бекжанова Н.В. Деятельность отделов Библиотеки Академии наук по созданию реальных каталогов в 1930-е гг.	148
Лепехин М.П. О поэте Иване Бездомном в окружении психиатров	168

С.Ю. Гусева, Л.И. Горская, С.Е. Хаздан

**ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ТАРАСОВА —
ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК БАН**
(к 90-летию со дня рождения)

Гусева Светлана Юрьевна — кандидат философских наук, главный хранитель фондов научно-исследовательского отдела изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Lvaganova@yandex.ru

Хаздан Софья Евгеньевна — магистр культурологии, главный библиотекарь научно-исследовательского отдела изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена заведующей Отделом изданий Академии наук БАН и Бронированным фондом академических изданий Президиума АН СССР Ю.М. Тарасовой, более 30 лет обеспечивавшей сохранность документального наследия Российской академии наук.

Ключевые слова: Юлия Михайловна Тарасова, Библиотека Российской академии наук, Бронированный фонд, издания Академии наук.

2024 год стал юбилейным не только для Российской академии наук, но и для основанной в 1714 году Петром I академической библиотеки. В БАН были проведены научные конференции, семинары, выставки, посвященные памятным датам в истории первой в России государственной библиотеки. Особое внимание было уделено организации выставок, материалы которых знакомят нас с судьбами сотрудников БАН. Одним из ведущих специалистов Библиотеки последней трети XX — начала XXI в. была Юлия Михайловна Тарасова (28.07.1934–11.07.2008) — первый руководитель Отдела изданий Академии наук (ОИАН) БАН.

Юлия Михайловна Горностаева родилась 28 июля 1934 г. в городе Боброве Воронежской области [1; 2, с. 728–729]. Отец Юлии Михайловны был военнослужащим, мать — педагогическим работником. В годы Великой Отечественной войны семья Горностаевых жила в Рязанской области, отец погиб в 1942 г. на фронте под Ленинградом, поэтому рано возникший интерес Юлии Михайловны, «ребенка войны», к истории, судьбе города на Неве, а также особое, неравнодушное отношение к теме ленинградской блокады неслучайны. В 1942 г. Юлия Михайловна поступила в среднюю школу в городе Пронске Рязанской области. После войны, в 1949 г., семья переехала в Воронеж, где мать Юлии Михайловны поступила на работу в Воронежский государственный политехнический институт. В 1952 г., получив аттестат зрелости в средней школе № 32, Юлия Михайловна поступила на исторический

факультет Воронежского государственного университета. В годы учебы участвовала в научно-студенческих кружках, в комсомольской жизни вуза, проходила археологическую практику в знаменитой Костенковской археологической экспедиции. Окончив университет с красным дипломом, в 1957–1959 гг. работала завучем и учителем истории Никоновской семилетней школы Верхнехавского района Воронежской области, с сентября 1959 по январь 1961 гг. — учителем в средней школе № 42 г. Воронежа.

В 1961 г. Юлия Михайловна Горностаева вышла замуж за сотрудника Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и переехала на постоянное место жительства в город на Неве. Лев Михайлович Тарасов (1925–2010), супруг Юлии Михайловны, доктор исторических наук, сегодня известен как один из ведущих отечественных специалистов по эпохе палеолита. Для самой Юлии Михайловны Тарасовой переезд в Ленинград совпал с началом долгой, плодотворной деятельности в Библиотеке Академии наук. С этим научным учреждением оказалась связана вся ее дальнейшая судьба.

Юлия Михайловна Тарасова поступила на работу в БАН в апреле 1961 года. Первые два месяца она проработала библиотекарем справочно-библиографического сектора Отдела обслуживания, в июне 1961 г. была принята в Отдел гигиены книги. Ее руководителем и наставником стала заведующая отделом Мария Яковлевна Марова (1913–?). В течение 10 лет Юлия Михайловна работала в должности реставратора, изучала особенности консервации и восстановления документов на бумажных носителях, выступала перед сотрудниками Библиотеки с лекциями, освещающими вопросы изобретения, изготовления, свойств различных видов бумаги. Знания, полученные в Отделе гигиены книги, она применяла, работая с рукописными материалами, книгами и журналами, хранящимися в подразделениях БАН. Работу реставратора Ю.М. Тарасова успешно сочетала с учебной на заочном отделении Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, в который перевелась из Воронежского государственного педагогического института. В 1964 г. она получила диплом учителя русского языка и литературы средней школы.

В июне 1971 г. Юлия Михайловна, специалист с двумя высшими образованиями, реставратор-практик, стала заведующим Бронированным фондом академических изданий Президиума АН СССР, сменив на этом ответственном посту Василия Федоровича Экономова¹.

С точки зрения современного библиотековедения, Бронированный фонд — это «особо выделенная часть экземпляров произведений, созданных данным научным, учебным или иным подобным учреждением, представляющих интеллектуальный результат (продукт) его деятельно-

¹ Экономов В.Ф. (1904–1992) в 1934 г. окончил Коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского, в 1949 г. — Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении, отмечен многими правительственными наградами: Орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Дважды избирался депутатом Василеостровского районного Совета Ленинграда. Распоряжением Президиума АН СССР был назначен зам. директора по кадрам БАН СССР, а позже — заведующим Бронированным фондом (1957–1971) [2, с. 862].

сти в продолжение всего периода существования учреждения. Сохраняется в статусе неприкосновенного исторического артефакта» [3, с. 28].

Бронированный фонд Академии наук, которым более 30 лет руководила Ю.М. Тарасова, является преемником основанной в 1728 г. Книжной палаты АН. Он был включен в состав БАН в 1944 г. Этот фонд печатной продукции Академии наук условно можно разделить на две части. Одна часть представляет собой неприкосновенный запас изданий, опубликованных Академией наук и ее учреждениями с первых лет их существования. Вторая часть фонда предназначена для формирования и пополнения книжных собраний научных организаций, учреждений культуры, находящихся в нашей стране и за рубежом, она также может быть использована для временного экспонирования.

Сотрудники Бронфонда на протяжении многих десятилетий решали задачи, которые ставили перед ними Президиум Академии наук и дирекция БАН. Магистральными направлениями деятельности этого библиотечного подразделения всегда оставались комплектование, каталогизация, организация, хранение и предоставление академических изданий. В 1973 г. под руководством Ю.М. Тарасовой был осуществлен переезд Бронированного фонда (его объем составлял 1 110 000 единиц хранения) из главного корпуса БАН на Васильевском острове (Биржевая линия, д. 1) в здание, построенное в поселке Коломяги (Макулатурный проезд, д. 5) для размещения коллекций ленинградских академических учреждений. Подразделение БАН, которое возглавляла Юлия Михайловна, в связи с завершением этого масштабного мероприятия и за успехи, достигнутые в социалистическом соревновании, неоднократно награждалось почетными грамотами. В 1983 г. в газете «Ленинградская правда» была напечатана статья о Бронированном фонде [4, с. 4].

1986 год — время организации в БАН объединенного отдела изданий Академии наук. В его состав вошло три подразделения, сотрудники которых работали с изданиями Академии наук: отдел Бронированного фонда, сектор Академического собрания, ранее входивший в отдел рукописной и редкой книги, и группа библиографов Научно-библиографического отдела, участвовавших в создании ежегодника «Библиография изданий АН СССР» [5, с. 101]. Ю.М. Тарасова стала первым заведующим нового отдела, с сохранением должности заведующего сектором Бронированного фонда. Она руководила отделом, быстро ставшим одним из ведущих подразделений БАН, вплоть до 2004 г. В последние годы своей жизни она исполняла обязанности главного хранителя Бронированного фонда академических изданий РАН.

С 1987 г. по распоряжению Президиума АН СССР Бронированный фонд стал выполнять функции методического центра бронированных фондов академических изданий союзных республик. Бронированный фонд принимал активное участие в формировании фондов отечественных и зарубежных библиотек (США, Финляндии, Югославии, Польши, Словакии, Индии и др.). С 1944 по 2004 г. в академические библиотеки бывших союзных республик было отправлено 807 051 издание, в научные учреждения зарубежных стран — 142 237. В 2001 г. по просьбе Президиума РАН 49 изданий было передано президенту РФ В.В. Путину для подарка Шанхайскому университету [6, с. 172–173]. В 2004 г. 500 изданий

передано в Ирак Багдадскому университету; в 2005 г. гуманитарная помощь была оказана школе в Беслане, пострадавшей от террористического акта — туда было передано 450 изданий. В 2007 г. издания Академии наук были отправлены в научные и культурные учреждения г. Тобольска (более 1000 изд.), в Южный Научный центр РАН (более 13 000 изд.).

Юлия Михайловна Тарасова принимала активное участие в общественной, научной жизни библиотеки. Она была одним из организаторов мероприятий по спасению книг, пострадавших в пожаре 1988 г., возглавив Комиссию по сохранности фондов БАН. Имя Ю.М. Тарасовой было хорошо известно руководителям ленинградских академических институтов, предприятий, учреждений культуры и многим неравнодушным жителям города на Неве, оказывавшим бескорыстную помощь БАН, а также отечественным и зарубежным реставраторам, участвовавшим в восстановлении ценных документов, пострадавших от огня и воды.

Долгое время важным направлением работы Бронированного фонда была выставочная деятельность, традиции которой возникли еще в дореволюционный период [7]. Сотрудники Бронированного фонда готовили материалы для демонстрации на мероприятиях, приуроченных к юбилейным датам Академии наук, награждались Почетными медалями и грамотами ВДНХ. Выставки организовывались в БАН и на площадках Ленэкспо, в Ледовом дворце, книги выдавались для временного экспонирования в другие учреждения и регионы. Основными темами выставок, в подготовке которых принимали участие сотрудники Бронированного фонда, были сюжеты из российской истории, книгоиздание Академии наук, история Санкт-Петербурга, пушкиниана, востоковедение, история российского флота [8, с. 6–7].

Научная, научно-методическая, выставочная деятельность ОИАН и его подразделений получила свое отражение в публикациях Ю.М. Тарасовой. Это материалы, вошедшие в сборники организационно-распорядительной документации БАН, статьи, посвященные истории подразделений академической Библиотеки, проблемам сохранности библиотечных фондов и работе с читателями, наиболее значимым выставкам ОИАН БАН. До наших дней сохраняет свою актуальность работа, посвященная изданиям Академии наук в фондах БАН, подготовленная Ю.М. Тарасовой в соавторстве с К.В. Лютовой [5]. Особый интерес представляют статьи, раскрывающие историю и современное состояние Бронированного фонда, публикации, посвященные теме ликвидации последствий пожара в Библиотеке Академии наук 14–15 февраля 1988 г.

За доблестный труд в БАН Юлия Михайловна Тарасова была награждена почетными грамотами Президиума РАН, государственными наградами Российской Федерации, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

В августе 2024 г. в читальном зале Академического собрания была организована книжно-иллюстративная выставка, посвященная 90-летию со дня рождения Ю.М. Тарасовой. На выставке были представлены книги, документы, фотографии из фондов отдела, архивные материалы, освещающие основные этапы биографии, трудовой и научной деятель-

ности Ю.М. Тарасовой. Выставка вызвала интерес у сотрудников и читателей БАН. Среди посетителей выставки было много коллег и соратников Юлии Михайловны, специалистов, избравших делом своей жизни служение одному из старейших академических учреждений России — Библиотеке Российской академии наук.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список работ Юлии Михайловны Тарасовой²

1982

1. Положение об отделе бронированного фонда изданий Академии наук СССР // Организационно-распорядительная документация Библиотеки Академии наук СССР. — Ленинград, 1982. — Вып. 2 : Положения об отделах. — С. 57–59.

1983

2. Бронированный фонд академических изданий Президиума АН СССР // Из истории академических библиотек : сб. науч. тр. — Москва, 1983. — С. 105–118. — (Библиотеки Академии наук СССР и академий наук союзных республик).

1984

3. Организация сохранности книжных фондов в Библиотеке Академии наук СССР : инструкт.-метод. документы / БАН СССР ; сост.: Н.А. Абиева [и др.] ; редкол.: Н.А. Абиева, К.В. Лютова (отв. ред.). — Ленинград : БАН, 1984. — 79 с. — Среди сост. Ю.М. Тарасова.

1985

4. Иванова Е.В. Проблемы сохранности книжных фондов в Библиотеке АН СССР / Е. В. Иванова, Ю. М. Тарасова // Советское библиотековедение. — 1985. — № 6. — С. 80–82.

5. Желтова О.М. Система мероприятий по обеспечению сохранности книжных фондов Библиотеки Академии наук СССР / О.М. Желтова, Е.В. Иванова, Ю.М. Тарасова // Книжные фонды: вопросы комплектования и сохранности : (материалы конференции). — Москва, 1985. — С. 216–226. — (Библиотеки Академии наук СССР и академий наук союзных республик).

1986

6. Сохранность книжных фондов Библиотеки АН СССР за 270 лет существования // Организация сохранности книжных фондов в академических библиотеках : сб. науч. тр. — Ленинград, 1986. — С. 6–15.

1987

7. Желтова О.М. Работа с читателями по обеспечению сохранности книжных фондов в централизованной библиотечной системе Библиотеки АН СССР / О.М. Желтова, Ю.М. Тарасова // Проблемы обслуживания читателей : (материалы конференции). — Москва, 1987. — С. 212–223. — (Библиотеки Академии наук СССР и академий наук союзных республик).

² Фамилия автора в заголовке и в первых сведениях об ответственности не повторяется за исключением публикаций, подготовленных Ю.М. Тарасовой в соавторстве.

8. Организационно-распорядительная документация Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 7. Документы, регламентирующие деятельность Библиотеки Академии наук СССР по организации сохранности книжных фондов / БАН СССР; сост.: Н.А. Абиева [и др.]; редкол.: К.В. Лютова (отв. ред.) [и др.]. — Ленинград: БАН, 1987. — 128 с. — Среди сост. и редкол. Ю.М. Тарасова.

1988

9. Система мероприятий по проблемам сохранности книжных фондов Библиотеки Академии наук СССР // Проблемы сохранности фондов научных библиотек: сб. науч. тр. — Ленинград, 1988. — С. 6–16. — *Отв. ред. сб. Ю.М. Тарасова.*
1989

10. Роль специализированных комиссий и групп в работе по спасению и восстановлению книжных фондов Библиотеки АН СССР, пострадавших при пожаре // Проблемы сохранности книжных фондов: сб. науч. тр. — Ленинград, 1989. — С. 38–43. — *В составе редкол. сб. Ю.М. Тарасова.*

1990

11. Научно-методическая и научно-исследовательская работа Библиотеки АН СССР по проблемам сохранности фондов // Сохранность культурных ценностей и стихийные бедствия: международное сотрудничество с Библиотекой Академии наук СССР: [материалы международ. симп. (Ленинград, 24–28 сентября 1990 г.)]. — Ленинград, 1990. — С. 6.

1991

12. Бронированный фонд Президиума АН СССР как источник комплектования академических библиотек // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбилейн. науч. конф., 28 ноября — 1 декабря 1989 г. — Санкт-Петербург, 1991. — С. 77–83.

1992

13. Лютова К.В. Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук / К.В. Лютова, Ю.М. Тарасова; Б-ка РАН; отв. ред. В.П. Леонов. — Санкт-Петербург: БАН, 1992. — 112, [2] с.

1997

14. Леонов В.П. Библиотека Академии наук к 300-летию Российского флота / В.П. Леонов, Ю.М. Тарасова // Российская наука — Военно-морскому флоту. — Москва, 1997. — С. 383–390.

1998

15. Библиотека Академии наук, 1988–1998: цифры, факты, новые документы / И. Беляева, Т. Зверева, В. Журапаров [и др.]. — [Б.м.: Б.и., Б.г.]. — 50 с.: ил. — *Среди авт. ст. Ю. Тарасова.*

16. Отдел изданий Академии наук Библиотеки РАН: краткая история и перспективы развития // Наука и техника: вопросы истории и теории. — Санкт-Петербург, 1998. — Вып. 14: Тезисы XIX годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (23–28 ноября 1998 г.). — С. 27.

1999

17. Роль комиссии по сохранности в спасении и восстановлении пострадавших фондов // БАН: 10 лет после пожара: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 февраля 1998 г.). — Санкт-Петербург, 1999. — С. 82–86.

2000

18. Периодические издания в фондах Отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН // Библиотечные фонды: проблемы и решения. — 2000. — № 1. — URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag01/15.php?papka=12&id_sec=11 (дата обращения: 19.10.2024).

2001

19. Леонов В.П. Военно-морской флот и первая российская государственная библиотека / В.П. Леонов, Ю.М. Тарасова, Е. А. Савельева // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. — Санкт-Петербург, 2001. — Т. 1. — С. 406–416.

20. Академическое собрание Библиотеки Российской академии наук: история, современное состояние, перспективы // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева: междунар. Лихачевские науч. чтения (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2001 г.). — Санкт-Петербург, 2001. — С. 79–81.

2002

21. Леонов В.П. Коллекция изданий Академии наук — основа и результат развития фундаментальной науки / В.П. Леонов, Ю.М. Тарасова // Наука и техника: вопросы истории и теории. — Санкт-Петербург, 2002. — Вып. 18: Тезисы XXIII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). — С. 10–12.

22. Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии наук (краткая история, современное состояние и перспективы развития) // Библиотечные фонды: проблемы и решения. — 2002. — № 3. — URL: https://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag03/tarform.php?папка%3D12%26id_sec%3D11 (дата обращения: 29.07.2024).

2003

23. Беляева И.М. Бронированный фонд изданий Российской академии наук: история формирования, современное состояние и перспективы развития (к 275-летию юбилею) / И.М. Беляева, Ю.М. Тарасова // Федоровские чтения, 2003. — Москва, 2003. — С. 428–435.

24. Проблемы сохранения фондов академических изданий в Библиотеке РАН // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 февраля 2003 г.). — Санкт-Петербург, 2003. — С. 104–108.

25. Санкт-Петербург — морская столица России: (по материалам книжно-иллюстративной выставки академических изданий Библиотеки РАН) // Наука и техника: вопросы истории и теории. — Санкт-Петербург, 2003. — Вып. 19: Материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург и мировая наука» (23–27 июня 2003 г.). — С. 384–388.

2004

26. Бронированный фонд академических изданий как национальное достояние российской науки // Библиотечные фонды: проблемы и решения. — 2004. — № 6. — URL: <http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag06/4a.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

27. Бронированный фонд академических изданий Российской академии наук как источник комплектования академических библиотек // Книга и мировая цивилизация: материалы одиннадцатой междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 20–21 апреля 2004 г.): в 4 т. — Москва, 2004. — Т. 3. — С. 170–174.

2005

28. Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. — 2005. — № 3 (29). — С. 4–10.

2006

29. «Подводным силам России — 100 лет» — выставка в Библиотеке РАН // Библиотечные фонды: проблемы и решения. — 2006. — № 10. — URL: <http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag10/13.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

2007

30. О некоторых изданиях по Японии в Бронированном фонде Библиотеки РАН // Россия и Япония : сб. науч. тр. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 81–86.

Список источников

1. Тарасова Юлия Михайловна: личное дело // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 2 л. Д. 1617.
2. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 569–1143. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия; т. 14).
3. Библиотечный фонд: словарь-справочник / науч. ред. Ю.Н. Столяров; [сост., предисл. Е.И. Ратниковой, Н.З. Стародубовой, Л.М. Толчинской]. Москва: ИНФРА-М, 2018. 158, [2] с. (Библиотека малых словарей «ИНФРА-М»).
4. Викторова Е. Для будущих ученых: работа у них такая // Ленинградская правда. 1983. 10 июля (№ 160). С. 4.
5. Лютова К.В., Тарасова Ю.М. Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 112, [1] с.
6. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий как источник комплектования академических библиотек // Книга и мировая цивилизация: материалы одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 20–21 апреля 2004 г.: в 4 т. Москва: Наука, 2004. Т. 3. С. 170–174.
7. Кульматова Т.В., Гусева С.Ю. Участие Книжного склада Императорской Академии наук в международной книжной выставке в Софии в 1910 г. // Наука и Библиотека: сб. науч. тр. / БАН. Санкт-Петербург, 2024. Вып. 10. С. 15–20.
8. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. Санкт-Петербург, 2005. № 3. С. 4–10.

GUSEVA S., GORSKAYA L., KHAZDAN S. Yulia Mikhailovna Tarasova — the first head of the Department of the Academy of Sciences editions Russian Academy of Sciences Library (on the 90th anniversary of the birth)

Guseva Svetlana Yurievna — Candidate of philosophical sciences, responsible curator of the funds of the Scientific Research Department of the Academy of Sciences editions Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

Gorskaya Larisa Igorevna — Candidate of pedagogical sciences, senior researcher at the Scientific Research Department of the Academy of Sciences editions Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Lvaganova@yandex.ru

Khazdan Sofya Evgenievna — Master of culturology, chief librarian of the Scientific Research Department of the Academy of Sciences editions Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to Yu.M. Tarasova — head of the Department of the Academy of Sciences editions of the Russian Academy of Sciences Library and the head of the Reserved fund of academic editions of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. Yu.M. Tarasova provided the preservation of the documentary heritage of the Russian Academy of Sciences for more than 30 years.

Keywords: Yulia Mikhailovna Tarasova, Russian Academy of Sciences Library, reserved fund, editions of the Academy of Sciences.

В.В. Митрофанов
**МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЭПОХИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин», Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС Санкт-Петербург, Россия, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

АННОТАЦИЯ

На основании новых архивных материалов восстанавливается хронология работы Д.В. Цветаева над исследованиями и публикацией архивных документов по истории Смутного времени. Выясняются оценки, данные С.Ф. Платоновым отдельным трудам варшавского профессора, очерчивается круг его коммуникативных связей.

Ключевые слова: Дмитрий Цветаев, Сергей Платонов, Смутное время, переписка, архивные материалы.

К 105-летию памяти Д.В. Цветаева

На фоне недавно опубликованных писем (38) Д.В. Цветаева (1852–1920) своему ученику Г.Г. Писаревскому (1868–1952) (а всего авторы статьи насчитали их 227 [1; 2]), наша публикация содержит корреспонденцию из 15 небольших писем [3, д. 4514], адресованных С.Ф. Платонову — будущему академику, ставшему после смерти В.О. Ключевского во главе российских историков. Но содержание этих писем позволяет существенно дополнить лаконичную, на фоне отрывочных сведений, информацию об авторе. Тем более это важно в связи не только с юбилейной датой памяти Д.В. Цветаева, но прежде всего с тем, что его творческое наследие «долгое время оставалось вне поля зрения отечественной историографии», хотя ученый стоял «у истоков изучения проблем немецкой колонизации в России» [1, с. 214].

Хронологически письма охватывают значительный временной период — целых 20 лет. При этом письменное общение было не регулярным, а эпизодическим. Несколько писем (1–4) касаются вопросов публикации статей в «Журнале Министерства Народного просвещения» («ЖМНП»), где С.Ф. Платонов являлся помощником главного редактора В.Г. Васильевского [4; 5]. Между ними было налажено регулярное письменное общение по вопросам взаимодействия с авторами, корректуры, объема статей, очередности их публикации и др. Там встречается и фамилия Д.В. Цветаева. Например, 1 апреля 1892 г. В.Г. Васильевский писал «о просьбе Цветаева поместить его ответ Лебедеву тоже в мае...», на следующий день — 2 апреля: что стоит поместить в очередном номере «...еще ответ Цветаева Амфиану Лебедеву» [6, д. 2459].

На ряде писем (№ 1, 2, 3, 7, 8) имеются пометы С.Ф. Платонова об ответах, также есть указание на их получение, что говорит о взаимности переписки.

Наибольшие научные достижения Д.В. Цветаева традиционно связывают с разработкой «немецкого» вопроса, включающего общественно-религиозную тематику. На это указывает и его главный труд [7]. Молодой историк С.Ф. Платонов напишет на монографию небольшой отзыв, который будет опубликован в «ЖМНП» в 1886 г., правда без подписи. Отметив ряд недостатков, рецензент признавал книгу «полезным и ценным приобретением нашей исторической литературы» [8, с. 223].

Как показывают письма, одной из тем научного поиска Д.В. Цветаева была эпоха Смутного времени, которая напрямую пересекалась с научными интересами С.Ф. Платонова — признанного авторитета в изучении этой эпохи [9]. Поэтому Д.В. Цветаев, обращаясь к этому времени, часто просит совета, порой помощи, «любезных указаний» или сообщить неизвестные, но, возможно, имеющиеся у С.Ф. Платонова сведения о времени «московского разорения». Складывается впечатление, что исследователь не всегда имел возможность ознакомиться с выходящей литературой, новыми источниками и боялся что-либо пропустить. Это видно, когда он пишет об описи имущества бывшего царя В. Шуйского и просит указать на «какие-либо материалы», «не бывшие в печати данные», копии грамоты Сигизмунда и др.

Действительно, документальная часть по эпохе постоянно обновлялась, выявлялись и вводились в научный оборот новые свидетельства. Д.В. Цветаев издавал небольшие брошюры объемом несколько десятков страниц, называя их выпусками, где помещал обнаруженные в архивах документы [10]. Был и такой казус, когда Д.В. Цветаев просил вернуть подаренный С.Ф. Платонову выпуск (11), так как, согласно условиям нового договора на его издание, прежние выпуски необходимо было изъять.

В начале XX в. провинциальные любители истории, готовясь к 300-летию Смуты, собирали, выявляли новые, ранее неопубликованные документы, относящиеся к Смутному времени. С.Ф. Платонов принял непосредственное участие в подготовке Новгородским обществом любителей древности «Арсеньевских бумаг», предисловие к которым и написал [11]. А Нижегородская губернская ученая архивная комиссия, сначала под его руководством, а затем под руководством С.В. Рождественского, готовила специальный юбилейный том документов, в том числе и из шведских архивов [12]. Именно в этой связи и упомянуты «нижегородцы» (11), с которыми Д.В. Цветаев не был знаком и, следовательно, не знал и о содержании сборника, уже готового для выхода в свет [12]. Позже опубликованные документы были названы «уникальными» [14]. В это же время С.Б. Веселовский тоже готовил аналогичные материалы к изданию [15], но ему были известны некоторые частности работы нижегородских краеведов.

Стоит отметить, что многие просьбы Д.В. Цветаева С.Ф. Платонов игнорировал, ссылаясь, что «отошел» от темы, не откликнулся он и на приглашение теперь уже управляющего МАМЮ принять участие в съезде Членов Археологического института и выступить с докладом. При этом проживание обещалось бесплатное.

Публикации Д.В. Цветаева о Смуте не могли внести концептуальных изменений, а носили скорее информационный, дополнительный харак-

тер, поэтому невысоко ценились признанным знатоком эпохи. Об этом свидетельствует и отсутствие его фамилии в перечне разработчиков темы в известной статье С.Ф. Платонова [16]. На это указывают и редкие упоминания Д.В. Цветаева, но отмечаются недостатки исследователя при анализе сочинений князя И.А. Хворостинина. Указано было на пропуск ссылки на такое важное сочинение как «На иконоборцы и на вся злая ереси». Дважды С.Ф. Платонов в своих статьях писал о неточностях цитирования Д.В. Цветаевым документов [17, с. 119, 304, 305, 320]. При этом в изданной к 300-летию избрания царя новой династии брошюре имеются ссылки на четыре исследования С.Ф. Платонова и на работы его учеников — П.Г. Васенко и П.Г. Любомирова [18].

В ряде писем упоминается Публичная библиотека (№ 5, 6, 11) как место хранения редких, уникальных памятников письменности, пожар в библиотеке Главного Штаба (№ 10), личная библиотека С.Ф. Платонова (№ 3) [19]. Становится известным и другой авторитетный корреспондент Д.В. Цветаева — академик А.Ф. Бычков, директор Публичной библиотеки.

Таким образом, публикуемые письма важны для восполнения лакун в научной биографии профессора Д.В. Цветаева, восстановления ранее неизвестной хронологии его работы по изданию документов по истории Смуты. Думается, что вышедшие из-под его пера исследования, особенно монография о Шуйском, как и приложения к ней, и другие публикации имеют значение для раскрытия проблем эпохи Смутного времени, но на фоне классических исследований С.Ф. Платонова и его учеников они потерялись в историографии. Тем более, что подробного анализа не было сделано.

Письменное общение Д.В. Цветаева с С.Ф. Платоновым позволяет очертить круг их корреспондентов, определить вопросы, которые представляли взаимный интерес, понять уровень развития историографии Смутной эпохи в конце XIX — начале XX в. Кроме того, можно говорить о многолетнем интересе Д.В. Цветаева к этому времени, в связи с чем его следует отнести к заинтересованным исследователям и издателям документов, относящихся к этому периоду.

Кроме того, адреса, где были написаны письма, позволяют назвать места проживания Д.В. Цветаева в Варшаве (ул. Иерусалимская аллея, 35; Уяздовская аллея, 8; Войская, 19) и Москве. А также место службы — профессор Варшавского университета, Коммерческое училище в Москве, Архив МАМЮ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Д.В. Цветаева С.Ф. Платонову

№ 1

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «26/ II».

23 февр[аля] [18]93.

Милостивый Государь,

Сергей Федорович.

Благодарю Вас за любезное предупреждение относительно посылки гранок. Так я теперь и делаю. Не успел отправить первые две гранки под заказной бандеролью, я на всякий случай посылаю другой экземпляр их.

Заглавие ответа нельзя ли оставить такое, как означено оно на гранках.

Что же касается до количества журнальных оттисков, то я просил бы Вас сделать распоряжение о доставке их мне возможно побольше. Типографией обыкновенно высылаются авторам, кажется, экземпляров 12; на бумагу за добавочное число я посылаю ей несколько рублей.

Примите уверение в полном моем к Вам уважении. Дм. Цветаев.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 1–1 об.

№ 2

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «Отв[ет] 3/ III».

Милостивый Государь,

Сергей Федорович.

Типографии я послал всего два рубля в плату за бумагу на оттиски, сверх, как я считал нормой, 12-ти (такое число я получил прежде); но оказывается, что Редакция сама предоставляет до 25 экземпляров — в таком случае и разговаривать мне не о чем. Оттиски я просил прислать мне журнальные, без переверстки. Амфиану¹ ответить следует, это прямо обязательно для меня; но тратить деньги на особые оттиски, право, нет охоты, да едва ли, в интересах серьезного дела, это и нужно.

Прилагаю при сем 6-ю гранку. Если еще есть и возможность, то будьте добры, нельзя ли велеть исправить так, как означено у меня в ней. Буде придется несколько и поплатиться мне за перепечатку в «Журнале», то делать нечего. Прошу Вас.

Простите, что причинил и причиняю Вам беспокойство. Искренно благодарю Вас за доброжелательную готовность.

Примите уверение в полном своем к Вам уважении.

Дм. Цветаев. 28 февр[аля] [18]93.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 2–2 об.

№ 3

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «Послано 4/ III».

Милостивый Государь,

Сергей Федорович.

При печатании в «В[аршавских] Унив[ерситетских] Известиях» окончания моего ответа приходится иногда ссылаться на начало, помещенное в «Ж.М.Н. просвещения»², для большего удобства даже на страницы его. Не могу ли поэтому просить

¹ Лебедев Амфиан Степанович (1833–1910) — русский богослов, профессор харьковского университета по кафедре церковной истории.

² Цветаев Д.В. Странные приемы исторической критики. По поводу рецензии г. Амфиана Лебедева на историческое исследование «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований // ЖМНП. 1893. № 3. С. 213–261. Известен и ответ: Лебедев А.С. Ответ г. Дм. Цветаеву на его «Странные приемы исторической критики. Харьков, тип. А. Дарре. 1893. 6 с.

Вас сделать зависящее от Вас распоряжение о возможно скорой высылке мне пока хотя одного экземпляра этого начала.

Вместе с прочитанными листами я отправил Вам экземпляр изданных мной архивных и рукописных материалов. Прошу Вас присоединить его к богатству Вашей библиотеки. Проведя прошлое лето в Москве, я подготовил было к печати второй том, но чудак Амфиан поотвлек меня от этой работы. Теперь руки снова посвободнее и второй том начнет свое типографское путешествие. Когда окончу, тоже пришло.

Всегда готовый к услугам. Дм. Цветаев.

2 марта 1893. Варшава, Иерусалимская аллея, 35.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 3–3 об.

№ 4

Варшава, Иерус[алимская] аллея, 35.

31 марта 1894.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

В настоящее время у меня приближается к окончанию монография о пребывании царя Василия Шуйского и его тела в Польше. Вы так много занимались той эпохой, а потому не будете ли столь любезны, не сообщите ли мне, нет ли чего в русских летописях о данном предмете (в особенности о жизни и смерти Ш[уйско]го в Гостынинском замке), чего бы не было еще издано. Этим очень обяжете меня. От кого получено сообщение, мною будет обозначено с признательностью. Всегда готовый к услугам. Дм. Цветаев.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 4–4 об.

№ 5

Варшава, Иерус[алимская] аллея, 35. 16 апреля 1894.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Текст о Шуйском у меня уже в гранках. Если б я от Вас получил теперь хоть самое краткое сообщение, то в т[аком] с[лучае] счел бы себя обязанным Вам. Не думаю, чтоб Арх[еологическое] Общ[ество] посетовало за сотрудничество, так как сам Афанасий Федорович³ прислал мне существенные справки из П[у]б[личной] Библиотеки. Будьте добры. На всякий случай, на неск[олько] дней задержу верстку. Всегда готовый к услугам. Дм. Цветаев.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 5.

№ 6

Варшава, Иерус[алимская] аллея, 35. 22 апр[еля] [18]94.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Опись имущества, оставшегося после смерти Шуйского в Гостынинском замке⁴, находящаяся в сборнике И[мператорской] Публичной Библиотеки, № 303–307, л. 42–48, издана в Актах Исторических, т. II, № 340, и ею не раз пользовались в истор[ической] литературе. На мой запрос Афанасию Федоровичу не имеется ли в этом сборнике еще чего-либо о Шуйских, сравнительно с помещенном в Акт[ах] исторических, он ответил мне, что о них там еще нет ничего. Отличается ли чем опись, о которой Вы повели речь?

Псылаю Вам свою брошюру о Петре во Франции⁵. Ваш слуга. Дм. Цветаев.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 6–6 об.

³ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — русский историк, археолог, библиограф, палеограф, академик, директор Публичной библиотеки (1882–1899).

⁴ В период Смутного времени в Гостынинском замке, с июня 1611 г. содержался в заключении свергнутый с престола русский царь Василий Шуйский, где и умер в сентябре 1612 г.

⁵ Цветаев Д.В. Петр Великий во Франции // Русское обозрение. 1894. № 2. С. 607–648. Вскоре статья вышла отдельной брошюрой.

№ 7

Помета С.Ф. Платонова: «Отв[ет] 25/X [1]900.

Милостивый Государь, Многоуважаемый Сергей Федорович.

Недели через две я выпущу I том «Приложения» к своему историческому исследованию «Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше». Теперь я пишу предисловие и пересматриваю всю книгу. При пересмотре мне вспомнилось, что в нашей с Вами переписке об Описи имущества Шуйских вышли какие-то недомолвки или недоразумения, точно не сумею уже теперь сказать. Посылаю Вам напечатанную мною «Опись». Не будете ли любезны, не потрудитесь ли сообщить мне, что Вы считали бы полезным присоединить, я мог бы это оговорить в Предисловии, сославшись на Ваши любезные указания.

Кстати, другая еще просьба. В «польских делах» Моск[овского] Главн[ого] Архива Мин[истерства] Ин[остранных] Дел нет оснований для сообщения Бодянского⁶ о представлении Шуйского Сигизмунду под Смоленском (примеч[ание] к рус[скому] переводу Корта, Чтения М[осковского] Общ[ества] Ист[ории] и Др[евностей] Рос[сийских] 1864, III, отд. IV, стр. 377, и в отдельном издании перевода). Не встретился ли Вам «источник» для этого сообщения и каким, в смысле достоверности, он кажется Вам? Весьма обяжите меня своим ответом.

Примите уверение в совершенном уважении Дм. Цветаев.

Варшава, Уяздовская аллея, 8. 20 окт[ября] 1900.

Вашу докторскую я дал своим студентам специалистам для рефератов о ней. И так всегда я делаю по отношению крупных новинок в рус[ской] истор[ической] науке.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 7–8.

№ 8

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «Отв[ет] 16/ III».

Многоуважаемый Сергей Федорович.

От некоторых из русских и западных ученых специалистов, ознакомившихся с первою книгою Приложений к исследованию о ц[аре] Шуйском, получено мною несколько новых дополнительных документов. Как в большинстве ни отрывочны эти данные, но в общем хоре каждый голос пригодится, и я с удовольствием помещу их во 2-й книге Приложений, которой напечатано уже более 200 страниц. Вы оч[ень] обяжали бы меня сообщением каких-либо материалов, если б и у Вас нашлись какие-нибудь соответственно.

За отклик на получение моей книги благодарю Вас.

Примите уверение в преданности Вам. Дм. Цветаев. Варшава. Уяздовская аллея, 8. 6 марта 1901⁷.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 9–9 об.

№ 9

Посылаю Вам статью свою о ц[аре] Шуйском⁸, прошу Вас сообщить мне, если б у Вас из петербургских рукописей и дел имелись к[акие]-л[ибо] еще не бывшие в печати данные. Очень обяжете меня. Я приступил к печатанию всего исследования, куда, с изменениями, войдет эта статья первою главой.

Спасибо за внимание к моим печ[атным] работам на наших Жен[ских] курсах.

Надеюсь вскорости прислать Вам «К истории Смутного времени» собрание новых документов, особенно важна переписка между Жолкевским⁹ и Сигизмундом в 1610 году.

⁶ Бодянский Осип Максимович (1808–1877) — филолог, историк, археограф, один из первых славистов в России.

⁷ К письму имеется конверт с текстом: «Его Высокоородию. Сергею Федоровичу Платонову. Г. Декану и профессору Университета. С.-Петербург» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 10).

⁸ Цветаев В.Д. Пленение царя Василия Ивановича Шуйского с братьями // ЖМНП. 1905. № 5. С. 31–49.

⁹ Жолкевский Станислав (1547 или 1550–1620) — польский полководец начала XVII века, гетман польный коронный и великий коронный, позже канцлер великий коронный.

Преданный Вам Дм. Цветаев. Варшава, Войская, 19. 21 июня 1905 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 11–11 об.

№ 10

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Сообщив об отъезде Жолкевского с Шуйскими из Москвы к Смоленску, Соловьев (т. VIII, гл. VII, 4-го издания, стран[ица] 309) продолжает: «20 октября король писал боярам: и по договору, вашему с гетманом Жолкевским, велели мы князей Василия¹⁰, Дмитрия¹¹ и Ивана¹² Ивановичей Шуйских отослать в Литву...». Повидимому, грамота эта Сигизмунда¹³ боярам от 20 октября 1610 г. имелась в которой-либо из рукописей библиотеки Главного Штаба, указанных Соловьевым в 34-м примечании. Главный Штаб теперь уведомляет меня, что одна из этих рукописей («Wurpawa...¹⁴») «исключена за утрату из каталога еще в 1894 г.», а другая («Materialy») «сгорела во время пожара Библиотеки в 1900 году».

Нет ли у Вас копии с этой грамоты Сигизмунда или не знаете ли, где бы можно было отыскать таковую? С истинным уважением к Вам. Дм. Цветаев.

Варшава. Войская, 19. 22 авг[уста] 1905.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 12–12 об.

№ 11

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Простите, что снова приходится беспокоить Вас.

Один из здешних ученых обществ постановил мой сборник «К истории Смутного времени» издать цельностью. Формат его журнала иной. Требуется первый выпуск перепечатать и отдельно не выпускать его, таково условие. Я обещал.

Поэтому оч[ень] прошу Вас о возвращении (по почте бандеролью или казенным пакетом) мне первого выпуска. Когда появится сборник, я не замедлю представить его Вам.

Когда дойдет очередь печатания и Сборников документов Имп[ераторской] Пуб[личной] библ[иотекой] позвольте присылать их Вам. Хотя — как скромно пишете — и отошли теперь от той эпохи, но Вы так много занимались в рукописном материале библиотеки, что б[ыть] м[ожет] вспомнится Вам, что указали бы ввести.

С нижегородцами15@@ не знаком, но едва ли можно ожидать оттуда новых указаний. Помнится, они, года два тому назад, обращались в Варшавское генерал-губернаторское управление, а это указало им на мои «Приложения» к Шуйскому, бывшим тогда уже в печати.

С истинным уважением к Вам Дм. Цветаев.

Москва. Остонецка. Императорское Коммерч[еское] училище. 20 марта 1910.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 13–14.

№ 12

Глубокоуважаемый Сергей Федорович

Мною составлен сборник существенных документов по истории Смутного времени. Объем стран[иц] 300. Первый выпуск посылаю Вам¹⁶. Второй печатается.

¹⁰ Шуйский Василий Иванович (1552–1612) — царь (1606–1610).

¹¹ Шуйский Дмитрий Иванович (ок. 1560–1612) — князь, воевода, боярин. После воцарения старшего брата Василия, не имевшего детей, считался наследником престола.

¹² Шуйский Иван Иванович (ок. 1566 — ок. 1638) — русский государственный и военный деятель, боярин.

¹³ Сигизмунд III (1566–1632) — король польский и великий князь литовский с 27 декабря 1587 г., король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 г.

¹⁴ Экспедиция, поход — с пол. Речь идет о рукописи Пасторской экспедиции.

¹⁵ Имеются в виду краеведы, состоящие в Нижегородской ГУАК, по ее инициативе готовился юбилейный сборник документов к 300-летию Смуты. В этом проекте в первые годы принимал непосредственное участие С.Ф. Платонов, потом передал дела своему ученику С.В. Рождественскому.

¹⁶ Цветаев Д.В. К истории смутного времени. Собрание документов. Москва: Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр. в Варшаве, 1910. Вып. 1. 33 с.

При этом я просил бы Вас. Не укажете ли на какой документ, который также вошел бы сюда. Изданный где-либо отдельно или в к[аком]-л[ибо] журнале, он не будет так доступен и известен, как в однородной группе. Кому документ обязан привлечением, мною будет в книге означено. Чем на бо́льше укажете, тем большее спасибо Вам.

С истинным уважением к Вам Дм. Цветаев.

Москва. Остонецка. Имерат[орское] коммерч[еское] Училище. 15 марта 1910 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 15–15 об.

№ 13

Многоуважаемый Сергей Федорович

Послал Вам книжку о моем представлении по управлению Архивом, прошу Вас не будете ли любезны прислать мне или для Архива отгиск Вашей статьи «К истории земских соборов» (из Жур[нала] для всех, 1905). Эта статья оч[ень] требуется мне. По этому вопросу Вы потом еще не оставили ли чего? Преданный Вам Дм. Цветаев.

Москва. Девичье поле. Арх[ив] М[инистерства] Ю[стиции]. 14 марта 1912 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 16.

На бланке управляющего Московским Архивом Министерства Юстиции.

№ 14

Глубокоуважаемый Сергей Федорович

Позвольте просить Вашего доброго внимания к подателю сего письма, моему бывшему студенту по Варшавскому университету Николаю Исидоровичу Мишееву¹⁷.

Начавший педагогическую службу в 1 С-Пе[тер]бургской мужской гимназии, он преподает теперь, главным образом, в педагогических классах институтов Александровского и Павловского и гимназии принца Ольденбургского. При массе уроков, он умеет и успевает писать и печатать свои работы. Последняя из них по времени «Очерки по истории Всеобщей литературы» вышла в 3 книгах в качестве учебного руководства VIII класса в женских гимназиях и институтах Ведомства¹⁸.

Дополнительные сведения о нем, если бы Вы пожелали, могут, конечно, дать его начальства.

Ему хотелось бы иметь занятия в Вашем Институте¹⁹.

Прошу принять уверение в глубоком уважении. Дм. Цветаев. Москва. 23 апре[ля]1912.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 17–17 об.

№ 15

4 мая 1913 г.

Милостивый государь, Сергей Федорович.

Прилагая при сем приглашение на Съезд Членов Императорского Археологического Института Императора Николая II-го, имею честь покорнейше просить Вас не отказать сделать 25–27 мая сообщение на Съезде. В интересах заблаговременного распределения занятий секции и по необходимости представить подробную программу на утверждение Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича, я очень просил бы Вас по возможности ускорить уведомление меня об избранной Вами теме доклада, по адресу: Москва. Девичье Поле. Архив Министерства Юстиции, Управляющему Архивом проф. Дмитрию Владимировичу Цветаеву.

Не пришлете ли, многоуважаемый Сергей Федорович, доклад, если прибыть Вам неловко.

¹⁷ Мишеев Николай Исидорович (1878–?) — драматург, литературный критик, искусствовед.

¹⁸ Ведомство Учреждений Императрицы Марии.

¹⁹ Речь идет о Женском педагогическом институте, директором которого в 1903–1916 гг. был С.Ф. Платонов.

Примите уверение в истинном моем уважении и искренней преданности.
Дм. Цветаев.

Р.С. Бесплатное помещение в случае Вашего желания Вам будет предоставлено Директором Института А.И. Успенским (Зубовский бульвар, д. Дворцового ведомства).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 18.

Типографский оттиск с рукописными дополнениями.

На бланке Съезда Председателя секции русской истории съезда императорского Археологического института.

Его Превосходительству Сергею Федоровичу Платонову

Господину Директору Императорского Женского Института С.-Петербург. М. Посадская, 26

Управляющий Московским Архивом Министерства Юстиции²⁰.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 19.

Список источников

1. Казарова Н.А., Лобова В.В. Письма Д.В. Цветаева Г.Г. Писаревскому (начало) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 214–232.
2. Казарова Н.А., Лобова В.В. Письма Д.В. Цветаева Г.Г. Писаревскому (окончание) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 222–241.
3. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4514. Л. 1–20.
4. Митрофанов В.В. «Поздравляю себя с приобретением желанного сотрудника»: письма В.Г. Васильевского С.Ф. Платонову (1885–1890) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 17–30.
5. Митрофанов В.В. «Пожалуйста, распорядитесь согласно с обстоятельствами...»: письма В.Г. Васильевского С.Ф. Платонову по редакционным вопросам (январь–август 1891 года) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2024. Т. 34. Вып. 1. С. 219–233.
6. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2459. Л. 15 об., 16.
7. Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI–XVII вв. Москва: Университ. Тип. 1886. 462 с.
8. [Платонов С.Ф. Рецензия на книгу Д.В. Цветаева «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI–XVII веках» (М., 1886)] // ЖМНП. 1886. № 3. С. 223
9. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова. 1910. 642 с.
10. Цветаев Д.В. К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. Москва: печатня А. Снегиревой. 1916. 40 с.
11. Платонов С.Ф. Предисловие к Арсеньевским шведским бумагам // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 5–7.
12. Митрофанов В.В. Отчеты С.Ф. Платонова в Нижегородскую губернскую ученую архивную комиссию // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. Электронный международный научный журнал. 2022. Т. 3. Вып. 2. С. 69–89.
13. Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. Сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Б.м., б.г. (Действия НГУАК. Т. XI). 570 с.
14. Филатова Ю.В. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия и историческая наука. Нижний Новгород, 2000. С. 74–105.
15. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Мат-лы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 5: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. 1911. 228 с.

²⁰ Текст на конверте.

16. Платонов С.Ф. Вопрос об избрании М.Ф. Романова в русской исторической литературе. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1913. 16 с.
17. Платонов С.Ф. Собрание сочинений в 6-ти т. Москва: Наука. 2012. Т. 3. 558 с.
18. Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. Москва: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. 79 с.
19. Митрофанов В.В. О статусе библиотеки С.Ф. Платонова: 1918–1925 гг. // Наука и библиотека. Сборник научных трудов / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2024. Вып. 10. С. 169–177.

MITROFANOV V. A little-known researcher of the Time of Troubles

Mitrofanov Viktor — Professor of the Department of “Civil Law Disciplines”, University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

Based on new archival materials, the chronology of D.V. Tsvetaev’s work on research and publication of archival documents on the history of the Time of Troubles is being restored. The estimates given by S.F. Platonov of individual works of the Warsaw professor are clarified, and the circle of his communicative connections is outlined.

Keywords: Dmitry Tsvetaev, Sergey Platonov, Time of Troubles, correspondence, archival materials.

УДК 02-051 Зубов Ю.С.
ББК 78.347.41 (2Рос)-8 Зубов Ю.С.

Т.Б. Маркова, Л.О. Самара

**ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ:
к 100-летию со дня рождения Ю.С. Зубова (1924–2006)**

Маркова Татьяна Борисовна — доктор философских наук, зав. сектором библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Самара Людмила Орестовна — главный библиотекарь сектора библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sonysamlu@gmail.com

АННОТАЦИЯ

К 100-летию выдающегося российского ученого, библиографа, педагога Ю.С. Зубова в Кабинете библиотековедения БАН была подготовлена выставка, на которой представлены его основные работы в области отраслевой библиографии, культурологии, информатизации. Его теоретическое наследие до сих пор востребовано и не теряет своей актуальности.

Ключевые слова: Юрий Сергеевич Зубов, рекомендательная и отраслевая библиография, информационная культура личности, библиография искусства, кабинет библиотековедения, выставка.

21 мая 2024 г. в Кабинете библиотековедения БАН открылась выставка, посвященная юбилею выдающегося российского ученого, библиографа, педагога, организатора науки, участника Великой отечественной войны — Юрия Сергеевича Зубова.

Юрий Сергеевич Зубов родился в 1924 году в Пензе, где прошли его школьные годы. Добровольцем ушел на фронт, был контужен в самом конце войны в знаменитом танковом сражении на территории Пруссии. За боевые заслуги он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», «За взятие Кенигсберга». После окончания войны Юрий Сергеевич окончил филологический факультет (1948), аспирантуру Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. В 1952 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы» [1] и сразу получил приглашение на работу в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (ныне РГБ), где впоследствии руководил сектором художественной литературы и искусства отдела рекомендательной библиографии, вплоть до 1962 г. Им была разработана и выпущена целая серия популярных рекомендательных библиографических пособий, которые принесли ему авторитет и признание в области рекомендательной библиографии.

На выставке представлены рекомендательные указатели: «Советская литература 1956 г.» (Москва, 1957), «Советская литература» (Москва, 1958), «Книги советских писателей» в двух выпусках (Москва, 1958 и

1962); «Путешествия, приключения, фантастика» (Москва, 1964); указатели, посвященные творчеству писателей — В.В. Маяковского, М.М. Шолохова, Ж. Верна, Э. Хемингуэя, Дж. Олдриджа¹.

Работая как библиограф-практик, Юрий Сергеевич сформировался и как ученый, внесший значительный вклад в теорию рекомендательной библиографии. В 1960 г. в третьем номере журнала «Советская библиография» была опубликована статья Ю.С. Зубова «Об основных чертах системы библиографических пособий по художественной литературе», во многом определившая развитие рекомендательной литературной библиографии. «Для каждой группы читателей существуют или должны быть созданы общие тематические и персональные пособия по художественной литературе. Взятые в комплексе, они призваны ответить потребностям данной группы как в плановом самообразовательном чтении и изучении литературы, так и в удовлетворении текущих литературных интересов...» [2, с. 21].

В 1962–2000 гг. Ю.С. Зубов преподает в Московском библиотечном институте (МГИК). С его именем связано формирование таких вузовских курсов как «Библиография искусства», «Отраслевое библиографоведение», «Издания художественно-эстетического комплекса», «Информационная культура личности». Им составлены в соавторстве учебные программы к этим курсам². Юрий Сергеевич долгие годы возглавлял заочный библиотечный факультет, заведовал кафедрой отраслевой библиографии, основал и в течение 15 лет руководил кафедрой информационно-аналитической деятельности.

Ю.С. Зубов — автор около 150 научных публикаций. С 1963 года Юрий Сергеевич активно участвовал в подготовке ежегодников «Библиография советской библиографии» (с 1992 г. «Библиография российской библиографии»)³, в 1984–1997 гг. осуществлял научное редактирование обзора «Советская библиография в... году. [3, с. 136]. В 1969 г. вышел учебник для библиотечных техникумов «Отраслевые библиографии», в котором им написан раздел «Рекомендательная библиография литературы по искусству» (Москва, 1969, с. 431–484) [4].

В 1973 г. под его редакцией и в соавторстве с Е.П. Погорелой и А.А. Туровской издательством «Книга» выпущен первый в мировой практике учебник «Библиография искусства», который знакомит читателей с различными видами изданий по искусству, с печатной библиографической

¹ См., например, Зубов Ю.С. Советская литература 1956 г.: рекоменд. указ. Москва, 1957. 171 с.; Золотарева Е.Д., Зубов Ю.С. Советская литература (1957): рекоменд. указ. Москва, 1958. 141 с.; Зубов Ю.С., Кабалкина Э.Н. Книги советских писателей: рекоменд. указ. [в 2-х вып.]: вып. 1. Москва, 1958. 139 с.; Книги советских писателей рекоменд. указ. [в 2-х вып.]: вып. 2 / Ю.С. Зубов и др. Москва, 1962. 144 с.; Зубов Ю.С. В.В. Маяковский: краткий рекоменд. указ. лит. Москва, 1955. 94 с.; Зубов Ю.С. Сатира В.В. Маяковского: рекоменд. указ. лит. / под общ. ред. д-ра филол. наук А.И. Метченко. Москва, 1955. 86 с.; Шалашова З.П., Зубов Ю.С. Путешествия, приключения, фантастика: рекоменд. указ. худож. лит. /под ред. Ю.С. Зубова. Москва, 1957. 210 с.; Музыка [Вып. 9]:рекомнд. указ. лит. / Е.Е. Левина; под общ. ред. Ю.С. Зубова; Гос. 6-ка СССР им. В. И. Ленина. Москва, 1961. 98 с.

² См. например, Зубов Ю.С., Ласькова Л.В., Сляднева Н.А. Издания литературно-художественного комплекса: учеб. программа для библиотечного факультета. Москва, 1987. 24 с.; Зубов Ю.С., Сляднева Н.А. Отраслевое библиографоведение: учеб. программа. Москва, 1990. 24 с.; Зубов Ю.С., Андреева И.М. Информационная культура личности: учеб. программа. Москва, 1994. 24 с.

³ Речь идет об издании Библиография советской библиографии. 1964: ежегодник. Москва: Книга, 1965.

продукцией и деятельностью библиотек в области искусства [5]. Монография Ю.С. Зубова «Библиография в художественном развитии личности» (Москва, 1979) была отмечена первой премией на конкурсе научных работ Министерства образования. В рамках информационно-психологического подхода автором разработана теория духовного развития личности на основе данных других наук и рассмотрены общие закономерности художественного развития личности. Особое внимание уделено библиографии как средству организации самообразования в библиотеках [6].

Значительный вклад ученый внес в развитие теоретических основ библиографической науки: в разработку психолого-педагогической, знаниевой, информационно-культурологической библиографоведческих концепций, подхода к библиографии как к системе свернутого знания. Особо следует отметить статью «Библиография как система свернутого знания», опубликованную в сборнике «Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения» (Москва, 1981). Она является одной из самых активно цитируемых работ в области библиографоведения [7]. А в статье Ю.С. Зубова «Областная универсальная научная библиотека за порогом 2000 года» дан прогноз развития библиотеки как интеллектуального центра [8].

После защиты диссертации в 1988 г. «Библиотечно-библиографическое управление художественным развитием личности (теоретические основания)» [9], результатом его интеллектуальных и организационных усилий стало такое научное направление как информационная культура личности. «Информатизация, — писал он, — сложный и неоднозначно влияющий на общество феномен, с одной стороны, приносит блага в плане развития информационных технологий, а с другой стороны, внедряющий технократическое мышление, чем дисгармонизирующий общество. Поэтому средством преодоления этого противоречия может стать только новая культура, предотвращающая, сглаживающая дисбалансы, привносимые информатизацией, а именно информационная культура общества и личности» [10, с. 82].

Юрий Сергеевич Зубов стоял у истоков Международной академии информатизации. В 1993–94 гг. он сформировал в рамках Международной академии информатизации отделение информационной культуры для углубленного исследования гуманитарных проблем информатизации. С его помощью было создано Краснодарское региональное отделение Международной академии информатизации. Идеей Юрия Сергеевича стало проведение Международных научных конференций по проблемам информационной культуры. Под его руководством и при его непосредственном участии было проведено 14 ежегодных конференций, издано 14 сборников тезисов и материалов этих конференций⁴. Параллельно он издавал научные сборники в серии «Проблемы информационной культуры»: «Информатизация и информационная культура», «Интеграция духовного мира личности и общества как задача информационного мировоззрения» (в соавторстве с В.М. Петровым), «На пути становления

⁴ См., например, Информатизация и проблемы гуманитарного знания: тез. докл. Междунар. науч. конф., Краснодар-Новороссийск, 14–15 сент. 1995 г. / науч. ред. И.И. Горлова, Ю.С. Зубов. Краснодар, 1995. 446 с.

методологических и организационных основ информационной культурологии»⁵.

В последние годы жизни Ю.С. Зубов работал в Краснодарском университете культуры и искусств профессором кафедры документоведения и информационной культуры. Он создал диссертационный совет по специальности 05.25.03 — «Библиотекведение, библиографоведение и книговедение», консультировал, оппонировал, редактировал сборники материалов конференций.

Культуролог И.И. Горлова писала: «Человек обретает бессмертие в делах своих. Как сказано в Библии: «И воздастся каждому по делам его...». В отношении Юрия Сергеевича можно утверждать, что его дела носят не только материальный характер, но это и та душевная теплота, которую он распространял вокруг себя. Это те мысли и идеи, которые он щедро дарил своим ученикам, коллегам, друзьям. Это те искры, которые ему удалось зажечь в сердцах и душах людей» [10, с. 83].

Список источников

1. Зубов Ю.С. Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1951. 18 с.
2. Зубов Ю.С. Об основных чертах системы библиографических пособий по художественной литературе // Сов. библиография. 1960. № 3. С. 15–24.
3. Лидер информационной культурологии // Библиография. 1999. № 6. С. 136–137.
4. Отраслевые библиографии: учебник для учащихся библиотечных техникумов и библиотечных культурно-просветительных школ. Изд. 2-е, доп. Москва: «Просвещение», 1969. 488 с.
5. Зубов Ю.С. Погорелая Е.П., Туровская А.А. Библиография искусства: учебник / под ред. доц. Ю.С. Зубова. Москва: «Книга», 1973. 303 с.
6. Зубов Ю.С. Библиография и художественное развитие личности: монография. Москва: «Книга», 1979. 143 с.
7. Зубов Ю.С. Библиография как система свернутого знания // Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения: межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; под общ. ред. проф. О.П. Коршунова. Москва: МГИК, С. 23–40.
8. Зубов Ю.С. Ласькова Л.В. «Областная универсальная научная библиотека за рубежом 2000 года (штрихи к прогнозу) // Формирование систем библиографического обслуживания в регионе: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: И.Г. Моргенштерн (отв. ред.) и др. Челябинск: изд-во ЧГИИК, 1991. С. 48–57
9. Зубов Ю.С. Библиотечно-библиографическое управление художественным развитием личности (теоретические основания): специальность 05.25.03 «Библиотекведение и библиографоведение»: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Гос. б-ка им. В.И. Ленина. Москва, 1988. 31 с.

⁵ На выставке были представлены издания: Зубов Ю.С. Информатизация и информационная культура // Проблемы информационной культуры: сб. ст. / Междунар. акад. информатизации, отд-ие информ. культуры; под ред. Ю.С. Зубова и И.М. Андреевой. Москва, 1994. С. 5–11.; Зубов Ю.С., Петров В.М. Интеграция духовного мира личности и общества как задача информационного мировоззрения // Проблемы информационной культуры: сб. ст.: вып. 3. Информационное мировоззрение и информационная культура / Междунар. акад. информатизации, акад. гуманитар. наук, Моск. гос. ин-т культуры, Рос. гос. б-ка; науч. ред. Ю.С. Зубов и В.А. Фокеев. Москва: изд-во МГИК, 1996. С. 9–12.; Зубов Ю.С. На пути становления методологических и организационных основ информационной культурологии // Проблемы информационной культуры: сб. ст.: вып. 6. Методология и организация информационно-культурологических исследований / науч. ред. Ю.С. Зубов, В.А. Фокеев. Москва, 1997. С. 3–9.

10. Горлова И.И. Ю.С. Zubov — ученый и человек // Библиотекосведение. 2009. № 5. С. 80–83.

MARKOVA T., SAMARA L. A man and a scientist: on the 100th anniversary of the birth of Y.S. Zubov (1924–2006)

Markova Tatyana — doctor of Philosophical Sciences, Head of Sector of the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Samara Ludmila — Chief librarian of Sector of the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sonysamlu@gmail.com

ABSTRACT

On the occasion of the 100th anniversary of the outstanding Russian scientist, bibliographer, teacher Y.S. Zubov, in the Library Science Room of the RASL was prepared an exhibition, which presents his main works in the field of branch bibliography, cultural studies, informatization. His theoretical legacy is still in demand and does not lose its relevance.

Key words: Yuri Sergeevich Zubov, recommendation and sectorial bibliography, information culture of personality, bibliography of art, library science room, exhibition.

УДК 061.4
ББК 79.17

Д.Д. Гальцин

К 300-ЛЕТИЮ ИММАНУИЛА КАНТА: прижизненные издания и ранняя русская кантиана в фондах НИОРК БАН (обзор выставки)

Гальцин Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена печатным изданиям конца XVIII — начала XIX вв., связанным с Иммануилом Кантом (1724–1804) и хранящимся в фондах Научно-исследовательского фонда редкой книги БАН. Эти издания были представлены в 2024 г. на выставке отдела, посвященной 300-летию со дня рождения философа.

Ключевые слова: Иммануил Кант, редкая книга, Библиотека Академии наук, частные книжные собрания, история философии.

В апреле 2024 г. исполнилось 300 лет со дня рождения Иммануила Канта. На выставке, подготовленной по этому случаю в научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (НИОРК БАН), представлены издания как раннего, «докритического», так и позднего «критического» периода творчества философа, пособия, составленные учениками Канта по его лекционным материалам, публикации, где впервые в России упоминалось имя Канта, и ранние переводы кантовских работ. Выставка была подготовлена сотрудниками НИОРК БАН Д.Д. Гальциным, Е.В. Лудиловой, Е.В. Ковриженко.

Самое раннее прижизненное издание в собрании НИОРК БАН — «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (Рига, Иоганн Фридрих Харткнох, 1771), наиболее позднее — «Логика» (Кенигсберг, Фридрих Николовиус) 1800 г., опубликованная кантианцем Бенямином Готтлобом Йеше. В собрании НИОРК БАН три первых издания кантовских критик — «Критики чистого разума» (Рига, Иоганн Фридрих Харткнох, 1781), «Критики практического разума» (Рига, Иоганн Фридрих Харткнох, 1788), «Критики способности суждения» (Берлин и Либав, Лагард и Фридрих, 1790). Некоторые экземпляры кантовских изданий прежде были частью библиотек учебных заведений — Виленской духовной академии, Римско-католической духовной академии, Коммунистической академии, или принадлежали выдающимся собирателям книг — Владимиру Сергеевичу Михалкову, Николаю Петровичу Лихачеву. Многие издания, представленные на выставке — продукция фирмы знаменитого рижского книгопечатника Иоганна Фридриха Харткноха-старшего (1740–1789), прославившегося тесным сотрудничеством со многими видными литераторами и учеными эпохи Просвещения

(И.Г. Гердер, И.Г. Гаман, Л.И. Бакмейстер, Ф.К. Гадебуш, А.Л. Шлёцер)¹ [1]. Именно у Харткноха вышли первые издания трех «Критик» и многие другие сочинения философа.

Наиболее раннее сочинение Канта, которое хранится в фондах отдела — «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (Рига, Фридрих Харткнох, 1771) [3]. Это раннее сочинение Канта обрело большую популярность, при жизни философа оно выдержало шесть изданий. Первое издание «Наблюдений...» вышло в 1764 г., исходя из гравированной виньетки на титульном листе (“Carthouche mit Zweigen”, «картуш с гирляндой»), этот экземпляр идентифицируется как третье издание [4, с. 18–19]. В рукописной помете на нашем экземпляре указана цена — 2 руб. 50 коп.

Роскошный экземпляр первого издания «Критики чистого разума» (Рига, Иоганн Фридрих Харткнох, 1781) [5], как следует из владельческой надписи на титульном листе, был приобретен в 1823 г. Эрнстом Робертом Фогтом (1805–1866)². Старинный остзейский купеческий и пасторский род Фогтов известен с XVII в., в XIX в. Фогты удостоились дворянства. Эрнст Роберт, видимо, приобрел книгу Канта в пору своего студенчества, позже он большую часть жизни прослужил пастором в родном селении Сессау (Курляндия, совр. Сесава в Латвии) в 1830–1865 гг. [6]. Настоящий переплет и золотой обрез книга приобрела уже позже, когда, по-видимому, стала частью другой частной библиотеки. Экземпляр содержит карандашные пометы на полях, в том числе критические по отношению к тексту. Так, на с. 50 карандашом очеркнуто первое предложение первого раздела второй части сочинения «Трансцендентальная логика» («О логике вообще»), которое в русском переводе Н. Лосского звучит так: «Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (восприимчивость к впечатлениям), а второй — способность познавать через эти представления предмет (спонтанность понятий). Посредством первой способности предмет нам дается, а посредством второй он мыслится в отношении к представлению (как одно лишь определение души)» [6, с. 50; 7, с. 70]. Читатель прокомментировал эти аксиоматические для Канта утверждения лаконично: “falsch”. Не менее безапелляционно тот же читатель охарактеризовал целый раздел «Трансцендентальной диалектики», посвященный критике паралогизмов чистого разума: “ss. 348–392 fehlt in die folgenden Auflagen” — «с. 348–392 он заблуждается в последующих выкладках» [6, с. 348].

Первое издание «Критики практического разума» также вышло в Риге (И.Ф. Харткнох, 1788) [8]. Другой экземпляр этого сочинения в нашем фонде — часть конволюта из двух аллигатов (второй из которых — «Критика способности суждения», Берлин и Либава, Лагард и Фридрих, 1790) [9]. Как явствует из шифра и штампа на титульном листе первого аллигата, экземпляр принадлежал фондам Института книги, документа, письма (1931–1935), прежде будучи частью собрания Николая Петровича Лихачева (1862–1936). Нахзац содержит помету Николая Петровича:

¹ Кроме того, старший Харткнох имел тесные коммерческие связи с Российской Академией наук, будучи посредником в книжной торговле с Россией [2].

«Очень редкие первые издания. Книга обошлась 13 руб. 1912 г. Н. Лихачев». От прежнего владельца, неустановленного Макса Ригера (Max Rieger), осталась на форзаце именная гравированная наклейка-экслибрис со стилизованным под средневековую миниатюру изображением рыцаря, эмблематической совой и девизом “Tenebris delector” («меня радуется тьма»).

Экземпляр «Пролегоменов ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки» (Рига, И.Ф. Харткнох, 1783) [10] происходит из собрания ленинградской Коммунистической академии, часть книжных собраний которой после ее упразднения в составе около 2400 экземпляров была передана БАН в 1937 г. [11, с. 35]. В 1783 г. вышло три издания «Пролегоменов» у Харткноха, по виньетке на титульном листе (“Stab mit Rankengewinde”, «шест с завитой порослью») можно заключить, что данный экземпляр первого издания [4, с. 29]. Экземпляр содержит пока не прочитанный немецкий текст на листе, приплетенном в конце блока.

Двухчастное сочинение «Метафизика нравственности», изданное в 1797 г. в Кенигсберге у Фридриха Николовиуса, представляет собой последнюю работу Канта по так называемой практической философии — две ее части посвящены соответственно «Учению о праве» (Rechtslehre) [12] и «Учению о добродетели» (Tugendlehre) [13]. Экземпляр НИОРК происходит из собрания библиотеки Виленской академии, в середине XIX в. вошедшей в состав библиотеки Римско-католической духовной академии в Петербурге (РКДА). К этому же собранию принадлежит экземпляр «Метафизических начал естествознания» (Riga: J.-F. Hartknoch, 1786) [14]. Это сочинение канонизировало ньютонову механику, фактически уравнивая ее с «априорным познанием Природы», а успех сочинения способствовал формированию в немецких университетах системы физико-математического образования.

И в том и в другом случае перед нами первые издания этих сочинений. Судя по ряду зачеркнутых шифров на форзацах и наклейках-формулярах экземпляров, эти книги во время хранения в РКДА стояли на полках рядом и, возможно, составляли часть «кантовского» корпуса, единовременно поступившего еще в Виленскую библиотеку. Как известно, в БАН книги упраздненной католической академии передавались, начиная с 1927 г., наши экземпляры содержат пометы заведующей сектором редкой книги в Отделе редкой и рукописной книги БАН Елизаветы Ивановны Бобровой (1898–1976), датированные 1952 (?) — 1953 гг. К книгам РКДА (но не Виленской библиотеки) относится также экземпляр «Оснований к метафизике нравственности» (Рига, И.Ф. Харткнох, 1785, первое издание) [15], который, что примечательно, содержит на обложке помету: “Theologie”.

Два других экземпляра происходят из собрания Владимира Сергеевича Михалкова (1817–1900), «библиотеки села Петровского». Во-первых, это «Логика» (Кенигсберг, Фридрих Николовиус) 1800 г. [16], так называемая «логика Йеше». Этот учебник был составлен по просьбе философа его учеником Готтлобом Беньямином Йеше (Jäsche) по рукописным материалам, которые Кант использовал, читая курс логики в университете Альбертина с 1770 г. Настоящее издание — первое, что определяет-

ся по запятой после указания издателя на титульном листе (при этом отсутствует лист с опечатками, видимо, удаленный при переплетении). Есть основания полагать, что великий русский библиофил, любивший называть себя «старый дерптский студент» [17], приобрел эту книгу еще проходя университетский курс: на титульном листе есть гербовый частновладельческий штамп с рукописным шифром «12», а на форзаце помета “W. Michalcoff 2R” (несомненно, с указанием цены).

Последняя книга, напечатанная стараниями самого Канта, — «Антропология с прагматической точки зрения» (Кенигсберг, Фридрих Николовиус, 1798) также является переработкой университетских лекций Канта (1772–1796). Это сочинение считается одной из важных вех складывания антропологии (в самом широком смысле — физической и культурной) как науки. На форзаце мы находим читательскую помету — эпиграмму Шиллера «Кант и его толкователь» (Kant und seine Ausleger):

Wie doch ein einziger Reicher so viele Bettler in Nahrung
Setzt! Wenn die Könige bauen, haben die Kärrner zu tun [19, с. 262].

Сколько единый богач обеспечить способен убогих!
Царь воздвигает чертог — значит, при деле батрак.

Ниже находится помета самого В.С. Михалкова с указанием года приобретения книги: «Влад. Михалков СПб. 46». В это время молодой Михалков служил в столице в Министерстве иностранных дел [20].

Примечательно второе издание «Религии в пределах только разума» (Кенигсберг, Ф. Николовиус, 1794) [21], которое, судя по штампу и «бэровскому»³ шифру, поступило в БАН в первой половине XIX в., а точнее, вероятно, в 1833–1835 гг., когда библиотекарем II отделения БАН служил Андрей Иванович Шёгрэн (помета “Sjögr.” близ шифра). Непонятна история экземпляра прижизненного кантовского издания сочинения, тесно связанного с «Религией в пределах только разума» — «Спора факультетов» (Кенигсберг, Ф. Николовиус, 1798)⁴ [23].

Хотя долгое время в литературе господствовало убеждение, что кантовская философия в России XVIII–XIX вв. воспринималась скорее негативно, в последние десятилетия такой взгляд существенно корректируется новыми исследованиями [24, 25]. Первым упоминанием кантианской философии в литературе, напечатанной в России, считается речь, написанная для чествования 28 годовщины воцарения Екатерины II профессором Московского университета Иоганном Вильгельмом Людвигом Мельманном (1765–1795). Речь была написана на латыни, и так и не была прочитана, упоминание о Канте в ней содержится при описании состояния гуманитарной науки и в особенности образования в Германии. Мельманн говорит о «более строгой философии» (*philosophia severior*), которую определяет как кантианскую в сноске: «Все это место относится к состоянию современной литературы в германских землях, по моему суждению; а эта «более строгая философия», которая сделала себе та-

² Текст надписи: “E. Robert Voigt 1823”.

³ Шифр по системе, разработанной Карлом Максимовичем Бэром (1792–1876), в 1835–1862 гг. служившим библиотекарем-академиком Второго (иностранного) отделения БАН [22, с. 115].

⁴ Экземпляр содержит запись Е.И. Бобровой, датированную 21 февраля 1953 г.

кое доброе имя, как будет ясно ниже, мне, которому служба и обязанности препятствуют иметь досуг, удобный для ее изучения, известная в большей степени по разумению других, чем по моему собственному, чтобы не показалось, что я намекаю, будто она скрыта от публичного взора невесть какими темными мистериями и таинствами, есть [философия] кантианская, направление, получившее свое имя от прославленного кенигсбергского философа» [26, с. 38]. Впоследствии кантовская философия будет фигурировать в «деле Мельманна»⁵: немецкий философ был обвинен в безбожных речах, допрошен, лишен должности и выслан из страны; он умер по дороге в Германию, по-видимому, из-за полицейских разбирательств, подорвавших его физическое и психическое здоровье. Судя по ответам, которые сохранились в записях допросов Мельманна, он был хорошо знаком с этическим учением Канта и даже идентифицировал себя как «кантиста»; в целом ему вменялось в вину распространение в Москве идей «Религии в пределах только разума» [24, с. 162–164].

В 1793 г. имя Канта появляется в другой латинской публичной речи, тоже посвященной Екатерине II, содержащей рассуждение по вопросу, «что следует полагать о роскоши, приносит ли она более пользу людям, городам и монархиям, или вредит, и если так, то в какой степени и каким образом можно ослабить и искоренить этот вред?» Речь была написана и произнесена профессором Московского университета, учителем Н.М. Карамзина Матвеем Богдановичем (Иоганном Маттиасом) Шаденом (1731–1797). В речи Шадена Кант упоминается в сноске, где перечисляются сочинения мыслителей-моралистов конца XVIII в. [27, с. 66].

На выставке представлены первые издания переводов кантовских сочинений 1800-х годов, определивших вектор рецепции кантианства в России в последующие десятилетия. Первым из кантовских переводов стало «Кантово основание для метафизики нравов, с немецкого языка переведенное Яковом Рубаном» (1803) [28]. Автор перевода Яков Андреевич Рубан (ок. 1760–1805/1806) был выпускником Московского университета и профессором Черноморского военного училища в Николаеве; свой перевод он посвятил адмиралу Н.С. Мордвинову (1754–1845), возможно, рассчитывая на карьерные перспективы. По замечанию А.Н. Круглова, значение работы Рубана в том, что «это был перевод сочинения самого Канта, а не второисточника о Канте, выдаваемого за произведение самого кенигсбергского мыслителя... [П]ереводчику удалось подыскать соответствующую русскую терминологию, которая во многих местах даже по современным канонам весьма удачно передает немецкий оригинал» [24, с. 113–114]. Вместе с тем сам выбор сочинения для перевода довольно симптоматичен — долгое время в России в основном обращают внимание именно на этические и эстетические сочинения Канта. В следующем, 1804 г. в Санкт-Петербурге вышел перевод «Наблюдений над чувством прекрасного и возвышенного» профессионального переводчика и члена Российской Академии наук Романа Максимовича Цебрикова (1762/1763–1817) [29], причем этот труд мыслился переводчиком в качестве комментария к прежде изданной им «практической логике»

⁵ О значении Мельмана для русского образования и о «деле Мельмана» см. [24, с. 144–166].

немецкого педагога Петера Вийома (1746–1806) [30]⁶. Обе книги поступили в БАН в первой половине XIX в., о чем свидетельствуют «бэрвские» шифры и характерные библиотечные штампы.

Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» оставил знаменитое описание своей трехчасовой беседы с Кантом в Кенигсберге 19 июня 1789 г. В 1791 г. записки были напечатаны в издаваемом им «Московском журнале» и сразу же принесли Карамзину славу как писателю [32]. В первую очередь Кант предстает здесь как религиозный философ, речь, которую вкладывает ему в уста Карамзин, своей темой имеет посмертное существование человека (которое обосновывается этическими аргументами). При этом упоминается, что Кант «записал» для путешественника «титутлы двух своих сочинений, которых я еще не читал: *Kritik der pracktischen Vernunft*, и *Metaphysik der Sitten*» [32, с. 172]. Это первое в русской литературе упоминание о данных сочинениях, до этого, возможно, Карамзин получил некоторое представление о докритическом периоде философии Канта от своего московского друга, немецкого поэта Якоба Ленца (1751–1792) или от своего учителя Шадена [25, с. 19–20].

Другое, менее известное описание встречи с Кантом, принадлежит перу Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1762–1851) в 13-м письме цикла «Письма из Москвы в Нижний Новгород»⁷ [33]. Муравьев-Апостол посетил философа в 1797 г., проезжая через Кенигсберг к месту своей дипломатической службы. Хотя предмет разговора с Кантом не касался философии (речь шла о «знаменитейших писателях, как то о Лессинге, Гердере, Шиллере и наконец о Клопштоке» [33, с. 225]), письмо, в котором появляется это воспоминание, носит характер философского эссе и посвящено теме пределов человеческого познания и критериев его истинности. Муравьев-Апостол противопоставляет в человеке память и воображение — «два первые орудия, служащие к сооружению всех наук, следовательно и философии», притом «к памяти принадлежит *прошедшее*: ряд минувших наблюдений; к воображению — *будущее*: созерцание *возможного*: — анализис и синтезис» [33, с. 219]. Обе способности, согласно Муравьеву, по отдельности «недостаточны», поскольку увлекают в две крайности: память и чрезмерная опора на прежний опыт — в крайность эмпиризма, воображение и чрезмерное внимание к возможному — в крайность идеализма. Всю историю человеческого познания мира автор видит в противоборстве двух начал, которые в различных комбинациях (где преобладает одно из них) проявляют себя в различных философских школах (например, «Талесова в Ионии, Пифагорова в Италии») и направлениях мысли (скептицизм и догматизм, эмпиризм и «умозрение», материализм и идеализм). Причем, судя по всему, Муравьев не считал, что современные ему философы добились искомого принципа «*середка на половине*» [курсив М.-А.]: «Если бы можно было мне осмеливаться сделать свое заключение, то я бы сказал: главная ошибка состоит в том, что метафизики вздумали *доказывать* то, что не подлежит никакому доказательству» [33, с. 217–223]. Далее сле-

⁶ О Петере Вийоме см. [31].

⁷ Экземпляр БАН происходит из Эрмитажной библиотеки.

дует охарактеризованный в литературе как иронический [24, с. 85] биографический пассаж о встречах Муравьева-Апостола с Кантом и Клопштоком, которые, по мнению мемуариста, суть «первостатейные философ и поэт, которые друг друга не понимают!» [33, с. 227]. Однако следует обратить внимание на окончание письма, неожиданно обретающего глубоко личное звучание. Свои размышления о философе и поэте Муравьев резюмирует сентенцией, однозначно превозносящей «синтезис» (то есть искусство в лице Клопштока) над «анализисом» (то есть метафизикой в лице Канта): «если некоторые только, особливо одаренные люди, будут в силах постигать отвлеченности кенигсбергской школы, зато весьма многие будут всегда восхищаться прелестью клопштоковой музы». В письме явно прослеживается сопоставление двух улыбок — улыбки Канта (по-видимому, иронической — «я и теперь, как будто вижу перед собой Канта и улыбку его... улыбку, напоминающую мне нечто вольтеровское») и улыбки Клопштока («я вижу тебя перед собой; вижу на устах твоих улыбку, не сарказм обличающую, а всю доброту ангельской твоей души»). Наконец, письмо завершается вполне романтическим приемом: «— Ах! и еще вижу тебя, держащего на коленях Лизу мою — тогда прекрасное дитя! — Ты обещал ей счастье... счастье! — Там! — Там, Клопшток, сдержи слово свое! —» [33, с. 227–228] Речь идет о младшей дочери Муравьева, Елизавете Ивановне, в замужестве Ожаровской, умершей в конце 1814 г. (письмо писалось во время траура по ней). Мемуарист обращается с просьбой к умершему в 1803 г. Клопштоку позаботиться о посмертном «счастье» своей дочери, напоминая ему о данном им «слове». Если у Карамзина метафизика Канта выступает в том числе как герменевтика загробного существования, то у Муравьева-Апостола поэт Клопшток изображается вполне в духе эстетической философии романтизма как посредник между людьми и загробным миром в силу своей непосредственной близости к истинной реальности, которую философ постигает извне (метафизики, по Муравьеву, «поставили себя вне круга человеческих понятий для того, чтобы лучше *судить* об орудиях сих понятий» [33, с. 224]). Здесь фигура кабинетного ученого Канта, чьи попытки постичь «последние вопросы» внушают крайнее сомнение, противопоставляется вдохновенному художнику-мистагогу, которому и отдается предпочтение автора. Впоследствии, как известно, эта дихотомия станет важной для русской художественной литературы первой четверти XIX в. [34, с. 12–19].

Наконец, на выставке были представлены пособия по философии начала XIX в., которые познакомили русскую ученую публику с идеями Канта. «Система практической философии» профессора Московского университета Филиппа Христиана (Христиана Егоровича) Рейнгард (1764–1812) была переведена с французского его учеником [35]; эта «система» базировалась на основных посылах кантовской философии (в первую очередь на автономии нравственного закона). При Рейнгардте (1807–1810 гг.) в Московском университете преподавалась кантовская философия и был объявлен конкурс студенческих работ на эту тему [24, с. 187–189; 25, с. 37–38]. Еще более последовательным кантианцем был Людвиг Генрих Якоб (1759–1827), преподававший в Харьковском университете в 1807–1809 гг. и составивший для гимназий Российской империи

курс философии в 6 частях (1811–1814). Наиболее откровенно влияние Канта в разделе «Начертание нравственной философии» (ч. 4). Наконец, в первом оригинальном русском учебнике по истории философии профессора Санкт-Петербургского университета Александра Ивановича Галича (1783–1848) Канту уделяется довольно почетное место среди современных философов; тем не менее Галич, будучи шеллингианцем, показывает, что «критическая философия» Канта и его учеников, от которой ждали, что она «примирит разногласия и успокоит человечество в его важнейших задачах», напротив «подала повод к многообразным покушениям, отчасти пустить опять в ход древние, до известной степени исправленные догматические системы, отчасти и самую критическую философию... обработать в систему неограниченного знания... и искать успокаивающей мудрости в идее Безусловного (Absolutum), в коем сливаются противоположности бытия и знания» [37, с. 218–219]. Примечательно, что в экземпляре БАН именно страницы, содержащие критику кантовской философии, несут на себе карандашные очеркивания и карандашные читательские пометы на полях: «Да», «Хор.», «Хорош». При этом Галич в 1821 г. был обвинен вместе с некоторыми своими коллегами попечителем Санкт-Петербургского учебного округа П.Д. Руничем в безбожии и сочувствии революционным идеям. Во время разбирательства Рунич голословно обвинил Галича в том, что тот предпочитает «безбожного Канта самому Христу» [цит. по: 24, с. 270]. Возможно, причиной тому стало пространное изложение кантовских учений в его «Истории философских систем».

Связанные с именем Канта ранние издания, хранящиеся в фондах НИОРК БАН, насколько можно судить, представляют собой довольно характерную для первой половины XIX в. подборку подобного рода, однако судьба отдельных экземпляров нашего собрания представляется интересной в контексте истории частных и общественных книжных собраний России, а в определенных случаях — и ранней истории рецепции идей Канта. Как можно видеть на приведенных выше примерах, российский читатель воспринимал идеи Канта одновременно с глубоким почтением перед «более строгой философией» и критикой в отношении кантовой теории познания.

Список источников

1. Савельева Е.А. Издательская фирма И.Ф. Гарткнохов в Риге и ее публикации о России в XVIII в. // 400 лет книжного дела в Латвии (1588–1988). Рига: Зинатне, 1988. С. 53–55.
2. Зайцева А.А. Книготорговая деятельность Гарткнохов и Петербургская академия наук // 400 лет книжного дела в Латвии. Рига: Зинатне, 1988. С. 42–44.
3. Kant I. Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen. Riga: bey Friedrich Hartknoch, 1771. 110 s.
4. Warda A. Die Druckschriften Immanuel Kants (bis zum Jahre 1838). Wiesbaden: Henrich Stadt, 1919. 62 s.
5. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Riga: verlegt Johann Friedrich Hartknoch, 1781. [12], 856 S.
6. Voigt, Ernst Robert (1805–1866) // Baltisches Biografisches Lexikon digital / URL: <https://bbld.de/GND1231146206>

7. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского. Москва: Мысль, 1994. 591, [1] с.
8. Kant I. Kritik der practischen Vernunft. Riga: bey Friedrich Hartknoch, 1788. 292 s.
9. Kant I. Kritik der Urtheilskraft. Berlin, Libau: bey Lagarde und Friederich, 1790. LVIII, 476, [1] s.
10. Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1783. 222 s.
11. Киселева Л.И. Редкие книги Библиотеки Академии наук СССР. Ленинград: Наука, 1987. 69 с.
12. Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1797. XII, LII, 235, [1] s.
13. Kant I. Metaphysik der Sitten / Zweiter Teil. Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1797. X, 190, [1] s.
14. Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Riga, bey Johann Friedrich Hartknoch, 1786. XXIV, 158 s.
15. Kant I. Die Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Riga, bey Friedrich Hartknoch, 1785. [16], 128 s.
16. Immanuel Kants Logik: Ein Handbuch zu Vorlesungen. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1800. XIV, 232 s.
17. Почитатель-сосед. Памяти В.С. Михалкова // Русские ведомости (№ 349) 16 декабря 1900. С. 4.
18. Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1798. XIV, 334 s.
19. Schiller F. Sämtliche Werke. B. 1. München: Hanser, 1962. 1015 s.
20. Сахаров И.В. Родовая библиотека Михалковых и ее собиратели // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. Вып. 3. Ленинград: БАН, 1986. С. 112–119.
21. Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft [2 Aufl.]. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1794. XXVIII, 314, [1] s.
22. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской Академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. Кн. 1. 568 с.
23. Kant I. Der Streit der Facultäten in drey Abschnitten. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1798. XXX, 205, [1] s.
24. Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX вв. Москва: Канон, 2009.
25. Nemeth Th. Kant in Imperial Russia. Cham: Springer, 2017.
26. Mellman J.-W.-L. Oratio de communi omnis educationis et institutionis consilio in solennibus anniversariis imperii ab augustissima et potentissima totius Rossiae autocratore Catherina II, optima patriae matre ante annum 28 suscepti ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebrandis a.d. 28. Junii anni 1790. Mosquae: In Typographia Universitatis Per V. Okorocow, 1790. 40 p.
27. Schaden J.M. Quaeritur: Quid statuendum de Luxu, Est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime, proficius vel noxius, Et si hoc, vel quaetenus sit, Quomodo vis eius noxia debilitanda ac frangenda? Quaestionem hanc ex principiis moralibus ac politicis oratione solemnii cum augustissimae ac potentissimae monarchae magnae Dominae Catharinae II. Rossiae totius imperatricis ac autocratoris piae felicitis patriae matris optimae auspiciis imperii Universitas caesarea Mosquensis pia mente recoleret in conventu ejusdem solemnii d. XXX. Jun. MDCCXCIII. Mosquae: typis Universitatis: per V. Okorocow, 1793. 78 p.
28. [Кант И.] Кантово основание для метафизики нравов, с немецкого языка переведенное Яковом Рубаном. Николаев: В типографии Черноморского штурманского училища, 1803. [8], XVII, 177, [1] с.
29. Кант И. Иммануила Канта Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного, в рассуждении природы и человека вообще и характеров народных особенно; служащие к объяснению некоторых мест Вилиомовой практической логики. Санкт-Петербург: В Театральной типографии, 1804. 141 с.
30. Вийом П. Вилиома практическая логика или деятельное умословие, руководствующее легчайшим способом к познанию истины и здравому суждению о раз-

ных предметах [Пер. Р.М. Цебрикова]. Санкт-Петербург: При Губернском правлении, 1802. XVI, 307, [1] с.

31. Villaume, Peter // *Deutsche Biographie* — Villaume, Peter (deutsche-biographie.de) / URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz83787.html>

32. [Карамзин Н.М.] Письма русского путешественника (Продолжение) // *Московской журнал*. Ч. 1. Москва: В Университетской типографии у В. Огорокова, 1791. С. 168–172.

33. Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. Письмо тринадцатое // *Сын отечества: Исторический, политический и литературный журнал*. Ч. XIX. Санкт-Петербург: В типографии Ф. Дрехслера. С. 217–228.

34. Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. Москва: Канон, 2012. 480 с.

35. Рейнгард Ф.Х. Система практической философии Христ. Филип. Рейнгарда... пер. с франц. С. Кувичинским. Москва: В Университетской библиотеке, 1807. XXXVIII, [2], 312 с.

36. Якоб Л.Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, изданный от Главного правления училищ. Ч. 4. Начертание нравственной философии... Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1814. 120 с.

37. Галич А.И. История философских систем / По иностранным руководствам, составленная и изданная Главного педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем; В двух книгах / Книга вторая, содержащая в себе историю новейшей философии. Санкт-Петербург: Печатано в типографии М. Иверсена, 1818 – 1819. 287 с.

GALTSIN D. Immanuel Kant's 300th birthday: lifetime editions of his work and early Russian reception of Kant in Rare Book Department of Russian Academy of Science Library (a description of an exhibition)

Galtsin Dmitry — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Rare Book Department Russian Academy of Science Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

ABSTRACT

The article looks at the printed books of the late 18th — early 19th centuries related to Immanuel Kant (1724–1804) stored at the Rare Book Department of Russian Academy of Science Library. The copies concerned were exhibited in 2024 to honor the philosopher's 300th birthday.

Keywords: Immanuel Kant, rare book, Russian Academy of Science Library, private book collections, history of philosophy.

УДК 82.09
ББК 91.9:83

Н.С. Беляев

**ПРОЕКТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В.А. МАНУЙЛОВА:
опубликованное и неосуществленное**

Беляев Николай Сергеевич — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук, заведующий Лермонтовским кабинетом Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Изучение истории создания персональных библиографических указателей является одной из важных проблем отечественного библиографоведения. В.А. Мануйлов, известный историк литературы и педагог, в 1930-е гг. занимался методикой подготовки библиографии, связанной с М.Ю. Лермонтовым. В первый том опубликованного им труда вошли произведения М.Ю. Лермонтова, вышедшие в 1824–1935 гг. Второй том, включивший в себя публикации о М.Ю. Лермонтове, не был завершен. На основе архивных документов и материалов, находящихся в Лермонтовском кабинете Отдела БАН при ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), были реконструированы структура и контент второго тома библиографического указателя, посвященного М.Ю. Лермонтову.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, Виктор Андроникович Мануйлов, библиография художественной литературы.

Виктору Андрониковичу Мануйлову (1903–1987), известному отечественному литературоведу и педагогу, посвящено немало статей и мемуаров. Однако в настоящее время отсутствует полноценная публикация, раскрывающая его деятельность как организатора библиографической работы в области изучения жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Между тем его вклад в решение данной проблемы значителен. Примечательно в этом ключе, что В.А. Мануйлов считал библиографию одной из важных составляющих научной работы.

Как отмечал он сам, несколько перефразируя высказывание С.Д. Балухатого: «Особенно большое значение приобретает библиография в литературоведении, где без критического учета литературного наследия того или иного писателя немислимо воссоздание истории текста и невозможно конкретное изучение социально-исторического резонанса, вызванного тем или другим литературным явлением. Наконец, научная библиография в ряде случаев вскрывает и подсказывает исследователю не только пути его изысканий, но и самые проблемы, таящиеся в материале» [1, с. 5].

В связи с разными обстоятельствами к началу 1930-х гг. не было ни одного исчерпывающего источника, которым могли бы воспользоваться специалисты, занимающиеся данным вопросом. В.А. Мануйлов вполне справедливо считал, говоря о литературе, связанной с М.Ю. Лермонтовым, что «пора подвести итоги, учесть и критически разобраться в этом вековом наследии» [1, с. 6]. Время библиографов-одиночек осталось

в прошлом, теперь для решения столь важной проблемы необходимо было создать группу из заинтересованных лиц. Общеизвестно, что В.А. Мануйлов немало лет являлся сотрудником Научной библиотеки имени М. Горького Ленинградского государственного университета, поэтому на практике хорошо знал библиографическую работу. Гармоничное сочетание в В.А. Мануйлове знающего литературоведа, опытного библиографа и великолепного организатора обеспечивало этому важному начинанию заслуженный успех. В состав творческого коллектива, призванного заниматься подготовкой будущего пособия, вошли: В.А. Мануйлов, К.Д. Александров, Н.А. Кузьмина, С.С. Емелин, имевшие богатый опыт в области литературоведения и библиографии.

Несколько подробнее хотелось остановиться на биографиях его участников, имена которых в большинстве своем малоизвестны даже специалистам.

Константин Дмитриевич Александров (1907 — между 1942 и 1966) — литературовед, библиограф, библиотечный работник, родился в Нижнем Новгороде, родственник общественного деятеля и писателя А.С. Гациского. В 1929–1934 гг. учился на историко-лингвистическом факультете Ленинградского государственного университета, но курса не окончил. В 1930–1932 гг. работал старшим библиотекарем Библиотеки Ленинградского института философии, лингвистики и истории, затем в разных учреждениях, в т.ч. в Белгоскино. По всей вероятности, К.Д. Александрова и В.А. Мануйлова связывали не только рабочие, но и теплые дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. В 1940 году К.Д. Александров подарил ему свою фотографию со стихотворной дарственной надписью:

*Дорогому Виктору Андрониковичу Мануйлову.
Чтоб не страдал мануйловед,
Ища сред[ы — Н.Б.], Ему мешавшей, —
Пусть этот фетровый портрет
Овеет взор его уставший.*

К. Александров. 2.VII.40

Вероятно, в конце 1930-х гг. К.Д. Александров вернулся в Нижний Новгород. В 1939 году вышел составленный им сборник «А.С. Гациский. [Публицист, краевед-исследователь Нижегородского Поволжья]» (Горький, 1939) [2]. К.Д. Александров участвовал в Великой Отечественной войне, был лейтенантом стрелковых частей Красной Армии, в ноябре 1941 года ранен, оказался в госпитале, после февраля 1942 года о его судьбе сведений нет. Единственно достоверно известно из письма И.Л. Андроникова к В.А. Мануйлову, датированного 31 декабря 1966 года, что на тот момент К.Д. Александрова уже не было в живых [3, л. 2.].

Кузьмина Надежда Александровна (1894–1954) — библиограф, сотрудник Научной библиотеки имени М. Горького Ленинградского университета, проработала в ней около 40 лет, являлась главным библиотекарем,

Виктор Андроникович Мануйлов. Фотография, середина XX в.

Константин Дмитриевич Александров. Фотография, 1940 г.

старшим редактором, награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» [4, 5].

Емелин Степан Степанович (1895–1942) — прозаик, поэт, журналист, автор повести об А.С. Пушкине «Зеленая лампа» (Ленинград, 1939). Примечательно, что это издание было в библиотеке В.А. Мануйлова со следующей дарственной надписью на форзаце: «Дорогому Виктору Андрониковичу Мануйлову — неутомимому агитатору и пропагандисту этой книги, благосклонному ее рецензенту — с сердечной благодарностью за участие и заботу. Автор 1940. Январь». С.С. Емелин умер в блокадном Ленинграде.

Крайне скудны сведения о распределении обязанностей среди этого творческого коллектива, на титульном листе первого тома «Материалов для библиографии М.Ю. Лермонтова» стоят две фамилии — К.Д. Александров и Н.А. Кузьмина. Однако, если заглянуть в предисловие к изданию, написанное В.А. Мануйловым, то можно обнаружить, что «Алфавитный указатель произведений Лермонтова и авторов статей и рецензий» принадлежит К.Д. Александрову, библиография приписываемых М.Ю. Лермонтову произведений была составлена Н.А. Кузьминой, а список автографов и рисунков писателя подготовлен С.С. Емелиным. Возникает вполне законный вопрос, кто был основным автором этого труда. Существенная часть сохранившихся до нашего времени карточек к данной работе в основном была написана рукой К.Д. Александрова, но это материалы для второго тома, о котором речь будет впереди. Примечательно, что В.А. Мануйлов все лавры передал К.Д. Александрову и Н.А. Кузьминой, за что его довольно жестко уже в 1960-е гг. журил И.Л. Андроников, считая, что сотрудники лермонтовской библиографической группы, руководимой им, выполняли только техническую работу [3, л. 2].

Следует отметить, что данный указатель создавался на договорных отношениях с издательством и вышел под грифом Института литературы (Пушкинский Дом), редакция тома принадлежала В.А. Мануйлову, ответственным редактором являлся Б.М. Эйхенбаум, а ученым корректором был тогда еще начинающий исследователь, впоследствии академик — Д.С. Лихачев. В качестве консультантов проекта были приглашены ведущие исследователи-литературоведы — М.П. Алексеев, П.Н. Берков, В.М. Лавров, Л.Б. Модзалевский, Л.П. Семенов и др., а также сотрудники крупнейших книгохранилищ — Государственной публичной библиотеки, Библиотеки ИРЛИ, Библиотеки Академии наук, Научной библиотеки Ленинградского государственного университета.

Итак, именно В.А. Мануйлов смог представить по-настоящему научную программу по созданию библиографии жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Она должна была состоять из двух томов. Первый том вобрал в себя издания отдельных произведений и собрания сочинений писателя, начиная с 1824 года. Основными разделами являлись «Библиография текстов Лермонтова», «Стихотворения, приписываемые Лермонтову», «Воспроизведение автографов Лермонтова», «Воспроизведение

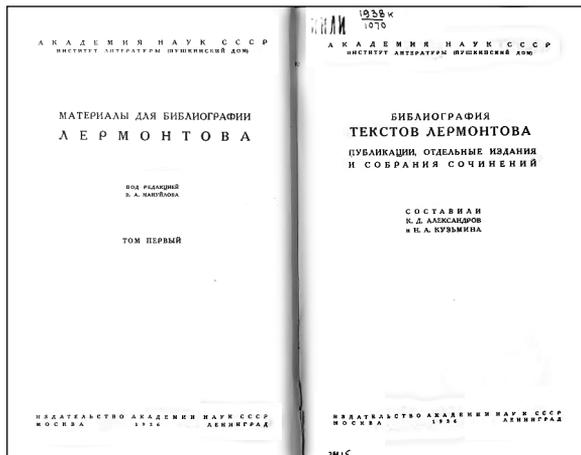
рисунков Лермонтова», «Алфавитный указатель произведений Лермонтова, приписываемых ему стихотворений и автографов», а также «Именной указатель».

Главный принцип подачи всего материала, сохранившийся и до нашего времени — непосредственный просмотр всех источников *de visu*, а те случаи, где это было невозможно сделать, особо оговаривались. Кроме того, специально были фронтально просмотрены основная периодика 1860-х гг., значительное количество журналов и газет за юбилейные 1891 и 1914 гг. Все названия лермонтовских произведений даны единообразно в соответствии с наиболее авторитетным тогда изданием сочинений М.Ю. Лермонтова, выпущенным К. Халабаевым и Б. Эйхенбаумом в 1931 году [6].

Особого внимания заслуживает систематизация материала не по году выхода издания, а в хронологии получения цензурного разрешения, что очень важно для специалистов. Каждая библиографическая запись сопровождалась подробной аннотацией, включавшей сведения о первой публикации, цензурных пометах, критическими статьями и ссылками на последующие публикации. Таким образом для исследователя открывалась уникальная возможность проследить издание каждого лермонтовского текста на протяжении многих десятилетий, ознакомиться с критикой.

Как отмечал сам В.А. Мануйлов: «это только первый свод «Материалов для библиографии», но свод по возможности единообразный и проверенный» [1, с. 10]. Еще на стадии рукописи «Материалы...» получили высокую оценку Б.М. Эйхенбаума. Не считая нужным делать пересказ этого отзыва, который был помещен в один из сборников петербургских «Лермонтовских чтений» [7, 8], хотелось бы остановиться на наиболее важных моментах, отмеченных в нем: во-первых, требовалось изменить структуру самой книги — расположить библиографические записи «по жанрам самого материала»; во-вторых, дать «хронологическую канву» жизни и творчества М.Ю. Лермонтова, где были бы обозначены особенности изучения биографии поэта.

Вскоре после публикации первого тома «Материалов...» в 1936 году, в журнале «Литературный критик» вышла рецензия известного отечественного библиографа Н.В. Здобнова, само ее название говорило о многом — «О библиографии классиков и библиографическом педантизме» [9]. Любопытно, что в библиотеке В.А. Мануйлова этот номер со статьей Н.В. Здобнова сохранился с говорящей лаконичной дарственной надписью одного из участников лермонтовского проекта — К.Д. Александрова — «От пострадавшего обанкротившемуся перу библиографии К.А. 4/VIII 37».

Материалы для библиографии Лермонтова. Т. 1. Москва–Ленинград, 1936. Титульный лист издания

Казалось, что столь авторитетный отзыв должен был сыграть существенную роль в продолжении дальнейшей работы лермонтовской группы, организованной В.А. Мануйловым, однако именно он в значительной степени положил конец этому важному начинанию. В своей статье Н.В. Здобнов справедливо говорит об отсутствии достаточного количества библиографических работ как общих, так и персональных по русской литературе. Признавая, что положение с М.Ю. Лермонтовым в этом вопросе крайне неудовлетворительно, он считает, что качество издания В.А. Мануйлова «оставляет желать лучшего», так как на нем «лежит печать прежнего упрощенства» и в то же время «модных» в последние годы «библиографических излишеств». В конечном итоге недостатки «Материалов...», по мнению Н.В. Здобнова, сводились к следующему: плохая организация всего процесса; негативная оценка источниковедческой базы для библиографического указателя; «засоренность» второстепенными и ненужными материалами; непродуманность внутренней структуры, из-за чего значительные публикации теряются среди маловажных; излишняя подробность и т.д.

Иногда сам тон рецензии, несмотря на довольно серьезно поставленные ей перед автором «Материалов...» задачи, выглядел явно некорректным: «Обратимся к систематике. На ней также лежит печать исключительного педантизма и плохо понятых задач научной библиографии. Весь материал расположен в едином хронологическом порядке. Таким образом свалены в общую кучу и первые публикации, и новые варианты, и собрания сочинений, и постатейно расписанные перепечатки в хрестоматиях. Разобраться в этой куче чрезвычайно трудно» [9, с. 285].

Н.В. Здобнов упрекал составителей пособия в формализме в изложении материала. Не будем забывать, что ответственным редактором тома был Б.М. Эйхенбаум, против его известного метода в литературоведении как раз и развернулась в печати 1937 года позорящая ученого травля. И все же нельзя расценивать данную рецензию лишь только как тенденциозную. Н.В. Здобнов нашел целый ряд положительных моментов в работе группы В.А. Мануйлова: «В каждой записи даны исчерпывающие и точные формально-библиографические сведения. Всегда указывается: дата цензурного разрешения и фамилия. [...] Во многих случаях даны полезные аннотации текстологического и библиографического характера. В каталогизационном отношении «Материалы» выдерживают самые строгие требования» [9, с. 284]. Положительным был и общий вывод рецензента: «Составители проделали большую работу и отнеслись к ней весьма добросовестно, дав первую капитальную сводку публикаций лермонтовских текстов, более углубленно проработанную, чем в ряде аналогичных библиографий» [9, с. 286].

Однако наиболее интересная часть рецензии — это рекомендации и дискуссионные вопросы. Первые можно свести к следующему: сузить хронологические рамки и в то же время более глубоко и полно проработать материал; систематика должна быть максимально эффективной, а весь представленный массив следует структурировать по нескольким отделам: а) первые публикации и новые материалы; б) собрания сочинений и сборники; в) издания отдельных произведений; г) перепечатки в антологиях и хрестоматиях» [9, с. 285]. Среди спорных положений,

выдвинутых Н.В. Здобновым, стоит назвать ориентацию исключительно на год издания при включении публикации в хронологический ряд. Цензурное разрешение дает для исследователя более существенную информацию, чем время выхода тиража, который не столь затруднительно установить, другое — должна быть система соответствующих отсылок. Между тем излишняя дробность в библиографическом описании, как и всякая дополнительная информация, крайне полезна специалистам.

Однако, несмотря на статью Н.В. Здобнова, работа по лермонтовской библиографии продолжалась, о чем было заявлено еще во вступительной статье к первому тому «Материалов...» [1, с. 9]. Благодаря недавно обнаруженным архивным материалам известно, что группа библиографов, возглавляемая В.А. Мануйловым, теперь состояла из следующих лиц — К.Д. Александрова, Н.А. Кузьминой, С.С. Емелина и Л.Г. Гринберг, в то время заведовавшей Пушкинским кабинетом библиотеки ИРЛИ [10, с. 516–520]. О текущей работе и возникавших сложностях в ней можно узнать из писем К.Д. Александрова к В.А. Мануйлову за 1937 год, помещенных в качестве приложения к этой статье.

К 1938 году весь массив библиографического материала был собран и представлял собой картотеку, следующим этапом должна была быть сверка *de visu*, аннотирование и систематизация. Однако для завершения этого процесса необходимы были финансовые средства, которые предполагалось получить от заинтересованного в этой книге издательства. Известно, что общий объем второго тома составлял 40 авторских листов, вся его редакция полностью лежала на В.А. Мануйлове. Между тем необходимо было разрешить несколько других важных вопросов: во-первых, определить степень полноты включения в библиографический указатель несущественных газетных заметок, разделов хрестоматий и учебников; во-вторых, следует ли учитывать все рецензии или только значительные; и третье, самое важное — Институту русской литературы, под грифом которого выходили «Материалы...», необходимо было разобраться с «характером и типом издания», с подобной проблемой В.А. Мануйлов уже сталкивался при работе над первым томом.

По просьбе ИРЛИ В.А. Мануйлов подготовил развернутую структуру второго тома, которая выглядела следующим образом:

«Содержание второго тома:

Биографическая, критическая литература о Лермонтове, переводы произведений Лермонтова на языки народов СССР и зап.<адно>европейские, Лермонтов в изобразительных искусствах, театре, кино, музыке и т.д.

Порядок расположения материала:

Возможны три варианта:

Первый вариант — строго хронологический порядок распределения материала уже принятого для первого тома нашего издания. Этот порядок был также принят С.Д. Балухатым для библиографии Горького: «Критика о Горьком». Хронологический порядок распределения материала наиболее легкий и наименее ответственный для составителей, но он грешит тем, что небольшая доля ценного материала тонет в общей массе второстепенных по своему значению изданий, не говоря уже о незначительных газетных заметках, которые и специалистам не всегда интересны.

Второй вариант — материал распределяется по типам изданий. Сначала идут монографии, сборники, затем журнальные статьи и наконец газеты. Эта система также применена А.Г. Фоминым [...] Но едва ли не прав тов. Здобнов, утверждающий, что «читателю безразлично, где напечатан тот или иной материал — в монографии, сборнике, журнале или газете; для него важна систематика материала по содержанию». (Литературный критик. 1937. № <4>. С. 258).

Третий вариант — систематическое распределение материала. По этому плану весь том предположительно будет разделен на следующие части:

I. Биография.

1) Общие биографические монографии и очерки.

2) Материалы для биографии (документы, дневник[и — Н.Б.] современников, мемуары).

3) Биографические исследования и статьи, посвященные отдельным периодам жизни Лермонтова: а) предки Лермонтова, б) детство Лермонтова (1814–1826), в) Лермонтов в Московском университетском пансионе и Московском университете (1827–1832), г) Лермонтов в Школе гвардейских подпрапорщиков (1832–1834), д) Лермонтов в Петербурге до первой ссылки (1834–1837)», е) Стихи на смерть Пушкина, ж) Лермонтов в первой кавказской ссылке (1837), з) Между двумя ссылками (1838–1840), и) Дуэль с Барантом, к) Лермонтов на Кавказе (1840–1841 гг.), л) Последний приезд в Петербург (1841), м) Последняя дуэль и смерть Лермонтова.

II. Научно-критическая литература о Лермонтове.

1) Общая характеристика творчества Лермонтова.

2) Литературные связи и влияния: а) Лермонтов и Вальтер Скотт, б) Лермонтов и Байрон, в) Лермонтов и Шатобриан, г) Лермонтов и Пушкин и т.д.

3) Лермонтов и русская литература (влияние Лермонтова на последующих писателей и поэтов).

4) Лирика Лермонтова.

5) Поэмы Лермонтова.

6) Драматургия Лермонтова.

7) Проза и письма Лермонтова.

8) Исследования и статьи, посвященные отдельным произведениям Лермонтова.

III. Лермонтов в художественной литературе, театре и кино.

1) Стихи, посвященные Лермонтову и стихи о Лермонтове,

2) Рассказы, повести и романы о Лермонтове,

3) Пьесы и фильмы о Лермонтове,

4) Инсценировки произведений Лермонтова в театре и кино.

IV. Лермонтов в музыке.

V. Лермонтов в изобразительных искусствах (включая литературу о памятниках Лермонтову).

Приложение

1. Переводы произведений Лермонтова на языки народов СССР и зап.<адно>европейские.

2. Источники для библиографии.

3. Указатели алфавитный, периодических изданий и т.д.» [11, л. 69, 70].

Как видно, предложенная В.А. Мануйловым вариативность систематизации материала позволяет выбрать оптимальную структуру его расположения. Наиболее интересным с научной точки зрения был третий вариант «Систематическое распределение материала», состоявший из трех крупных блоков (биографический, научно-критический, М.Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве и литературе) — он полностью соответствовал основному назначению библиографического указателя — многоаспектному раскрытию жизни и творчества М.Ю. Лермонтова в опубликованных источниках. Между тем с практической точки зрения он имел существенный недостаток — один и тот же источник мог находиться в разных тематических подразделах, отсюда возникала проблема излишнего дублирования. В то же время, если остановиться на первом варианте строго хронологического расположения материала, а систематический прядок использовать для научно-вспомогательного предметно-систематического указателя в дополнение к основной части, то все становится на свои места, подобная методика впоследствии была предложена и реализована на практике О.В. Миллер.

Немаловажно, что проект второго тома «Материалов...» был изучен ведущими специалистами — литературоведом и заведующим библиографическим сектором ИРЛИ А.Г. Фоминым и ответственным редактором первого тома Б.М. Эйхенбаумом. Они единодушно пришли к выводу, что издание второго тома «следует признать чрезвычайно желательным», и сочли, что наиболее удачным является систематический способ распределения материала, который все же требует определенной доработки. Прежде всего, первую часть следует начать с общих работ о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, а раздел «Биография» первым пунктом должен содержать «Материалы к биографии», во вторую часть необходимо ввести раздел «Лермонтов в оценке русской критики», «Приложения» переформатировать в самостоятельные отделы — в частности, в «Источники для библиографии», а также более продуманно подойти к библиографии переводов. К тому же, что касается самого наполнения библиографического указателя, то здесь следовало использовать только основные газетные публикации, дополнительно продумать критерии отбора учебных пособий. И, самое важное, всю эту работу следовало вести, непосредственно консультируясь с библиографическим сектором ИРЛИ [11, л. 73].

Примечательно, что 28 мая 1938 года состоялось очередное заседание Библиографического совета Института русской литературы Академии наук СССР, на нем присутствовали В.А. Мануйлов, С.Д. Балухатый, К.Д. Александров, А.Г. Фомин и другие. Заслушав расширенный доклад В.А. Мануйлова о плане второго тома «Материалов...», члены собрания решили принять предложенную В.А. Мануйловым структуру тома, с возможными уточнениями, когда уже весь материал будет подготовлен. Кроме того, в издание предполагалось дополнительно включить: научно-популярную литературу о М.Ю. Лермонтове, «попутные мысли и замечания» о М.Ю. Лермонтове в различных публикациях, представляющих безусловный интерес, переиздания книг, связанных с М.Ю. Лермонтовым, наиболее существенные газетные статьи. В то же время было решено отказаться от помещения во второй том сведений о переводах

произведений М.Ю. Лермонтова и практически всей учебной литературы, за исключением «наиболее выдающихся трудов». При этом аннотации ко всем библиографическим записям должны были иметь описательный характер [11, л. 67].

Существенно, что вся эта важная библиографическая работа представляла большой интерес для Института русской литературы, особенно если учитывать, что в 1938 году началась подготовка академического собрания сочинений М.Ю. Лермонтова, для чего, собственно, и был создан Лермонтовский кабинет. К сожалению, по целому ряду причин второй том «Материалов...» так и не увидел свет. И здесь существенную роль сыграла не только неоднозначная рецензия Н.В. Здобнова, но и ряд других факторов: отсутствие заинтересованности у издательства в этой работе, кроме того, сам В.А. Мануйлов, вероятно, хотел переформатировать «Материалы...», соединив их с другим своим трудом, посвященном биографии М.Ю. Лермонтова, во всяком случае, в приведенном ранее отзыве Б.М. Эйхенбаума такое предположение вполне просматривается. Как известно В.А. Мануйлов в 1939 году выпустил новую книгу — «Лермонтов. Жизнь и творчество» [12], считая ранее задуманное им издание не осуществимым.

Не имея достаточных сведений об окончательной «задумке» В.А. Мануйлова, позволим себе все же обратиться к исследованию дальнейшей судьбы второго тома, а вернее, того, что от него сохранилось.

Как известно, в конце 1930-х гг. В.А. Мануйлов специально для создаваемого Лермонтовского кабинета продал картотеку, отражавшую опубликованные источники, связанные с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова [10, с. 323–324]. До нашего времени сохранился ее фрагмент, находящийся в Лермонтовском кабинете отдела БАН при ИРЛИ РАН. Прежде всего, это библиографические материалы за 1825–1940-е гг. — в основном статьи из журналов и сборников, монографии; во-вторых, сведения о переводах произведений поэта на десятки иностранных языков. В значительной степени уцелели рубрики из III–V частей первоначального плана второго тома «Материалов...»; перечислим их в том порядке, в каком они расположены в каталожном ящике: «Книги общего характера», «Критические замечания на романы из произведений Лермонтова», «По поводу опер», «Лермонтов в музыке. Общие статьи», «Рецензии на театральные постановки инсценировок и пьес Лермонтова», «Литературные вечера», «Кинофикация произведений Лермонтова», «Лермонтов по радио», «Лермонтов-художник», «Лермонтов в изобразительном искусстве (бюсты, портреты)», «Юбилейные заседания и панихиды. Выставки», «Монополия Глазунова», «История русской литературы и учебники средней школы», «Отзывы о хрестоматиях». Отдел, обозначенный как «II очередь» — «Проза, посвященная Лермонтову», «Проза о Лермонтове», «Инсценировки произведений Лермонтова по алфавиту», «Пьесы о Лермонтове», «Упоминания Лермонтова в художественной литературе», «Эпиграфы из Лермонтова», «О переводах вообще», «Об английских переводах».

Любопытен также не предполагавшийся, видимо, к использованию раздел «Литература о Лермонтове на иностранных языках» со следующим наполнением — «Не взято по незначительности материала (цитаты)»,

«Не взято по незначительности материала (упоминания)», «Не взято: Русские тексты в иностранных изданиях», «Произведения, посвященные Лермонтову», «Неизвестные, расположены в алфавите языков», «Переводы произведений Лермонтова (в алфавите языков, затем в алфавите русскоязычного написания произведений писателя)».

Общий объем материала включал несколько тысяч карточек, более детальная идентификация затруднена, так как следует точно определить составителя библиографических описаний, однако значительная их часть явно принадлежала К.Д. Александрову.

Просматривая предложенную рубрикацию с точки зрения современного ее прочтения, становится очевидным, что она явно уступает ныне принятой: излишнее деление внутри тем «М.Ю. Лермонтов в искусстве» и «М.Ю. Лермонтов в художественной литературе» выглядит явно неоправданным. Однако эта «систематика материала» интересна в историографическом отношении, заметную ценность представляет само наполнение рубрик и общего хронологического ряда, особенно для каталога Лермонтовского кабинета библиотеки ИРЛИ. В дальнейшем имело бы смысл инициировать подобного рода сверку. В то же время возникает вопрос, что делать с имеющимся массивом карточек для второго тома «Материалов...» после окончания этой работы, которые сами по себе, вероятно, представляют историческую ценность как уникальный артефакт.

В конечном итоге В.А. Мануйлову удалось не только создать экспериментальную модель библиографического пособия, учитывающего все аспекты, связанные с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова, но и в значительной степени реализовать ее на практике, тем самым сделав существенный вклад в развитие лермонтоведческой науки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма К.Д. Александрова В.А. Мануйлову [13, л. 2–5]

Дорогой учитель!

Без Вашей моральной поддержки я начинаю падать духом. Дела худые не веселят. Надька¹ опять дурит. Прекратила работать, может на месяц, а если сможет совсем. Месяц совместной с ней работы просто утомил меня. Все слезы и психологические разговоры. Это так *entre nous soit dit*². Емеля³ звонил мне, передавал 100 р., которые Вы ему обещали перед отъездом. Я его постараюсь разубедить. Ведь я ему передал Вашу записку, он хотел сам писать.

Свидание с Фоминным⁴ все еще не состоялось. Но вечерний с ним разговор по телефону произвел удручающее впечатление. Из Москвы с ревизией ИРЛИ при-

¹ Имеется в виду Н.А. Кузьмина.

² Между нами говоря (фр.).

³ Имеется в виду С.С. Емелин.

⁴ Фомин Александр Григорьевич (1887–1939) — литературовед, библиограф, педагог, заведующий сектором библиографии ИРЛИ (1937–1939).

⁵ Аникин Николай Адрианович (1904 — после 1945) — литературовед, военный журналист, сотр. ИРЛИ (1934–1939), заведующий Архивом ИРЛИ (1937–1939).

ехало 7 человек, было собрание. На нем выступали Аникин⁵, Лебедев-Полянский⁶ и Гуляев⁷ — и основной грех ИРЛИ оказывается по их выступлениям заключается в том, что он выпускает идеологический брак — библиографию Лермонтова.

В общем крови здорово и все больше нас. Фомин счел остроумнее промолчать, ибо нашел для защиты ситуацию не подходящей. Так скажите — окончательно подписан договор на 2-й том? Фомин, говорит, что если нет, то положение сильно осложнится. Для меня это звучит грустно. Без работы, без аванса и с такой маркой. После этого куда устроиться? Словом требуется экстренное [отесание] настоящей ситуации. Есть ли смысл работать и т.д. А то ведь я оказываюсь один, надо спешить, а меня странно расхолаживает неопределенность положения, денежные перспективы и т.д. [...] Как Ваша биография — движется? Думаю, неприятности наши, да, наверное, у Вас и собственные есть, корреспонденции и пр. не спасают Вас и [тем] от всевидящего ора. [...] Ваш К. Александров. Родителям Вашим передайте привет. 16/IV 37 Ленинград «36» Гусев 5/14

P.S. После всего сообщенного Фоминим думаю, что «Письмо в редакцию» помещать не надо, ибо оно вызовет еще больший взрыв гнева присяжных литературоведов-библиографов. Так-то лучше: собака лает — ветер разносит, тут хоть одна, а если появится целая свора, укротить будет труднее⁸. На эту статью по крайней мере все реагируют иронически. Согласитесь, что расчет верен.

Дорогой Виктор Андроникович!

От Вас я имею, кажется, уже три письма, на которые не знал, что ответить. Сегодня я еще раз звонил и на сей раз ругался с Тинтуркой⁹. В конце апреля говорил — в начале мая, в начале мая — конец мая, теперь вообще не назначает никакого срока. Денег с меня в издательство не поступало, даже зарплату, видите ли, не выдают — полное банкротство. Когда будут деньги ему неизвестно. На мой вопрос, в какую же (при получении денег) очередь мы получим гонорар, толком отказался ответить, может-де все [предположительно], а какой еще возможен вариант, он даже убоился сказать по телефону, — люди всегда умалчивают о своих искренних стремлениях, пытаясь их облачить в прекрасную форму «либо» с многоточием, под которым всегда скрывается суть истины. Для нас с Вами это не только грусть, но и отчаяние. А меня еще черт попутал, на новой работе в Белгоскино (на канале Грибоедова) получить подотчетные суммы. Словом, если в долговую не укутут, то от ожидаемой манны небесной к тому времени останутся рожки да ножки, зубов [нрзб.] не будет. Об [ИРЛИ]стах больше ничего не слышно, да и мало интересует. Ни об каком обсуждении речи нет (опять-таки я не слышал). Специально я не буду узнавать, пусть, действительно, они попробуют заочно этим заняться, это хороший козырь. А утвердить план второго тома мы сможем. И осенью, если Фомин прав будет, а то [же] и Гослитиздат, думаю, почти готовую работу примет.

Я понемногу пополняю нашу *desederat'u* по всяким справочникам и соответствующим книгам выписываю литературу, в кот. может быть материал о Лермонтове. Я недавно нашел книгу Калинина Мих.Ив., в которой он пишет о Лермонтове (упоминает вернее)¹⁰. Эйхенбауму¹¹ я систематически надоедаю своим звонком, но он отделяется занятостью. Просто напросто, он наверное, не собирается иметь ко 2-му тому отношения, а потому и не считает нужным вести со мной разговоры.

⁶ Лебедев-Полянский Павел Иванович (1882–1948) — литературовед, академик АН СССР, директор ИРЛИ (1937–1948).

⁷ Гуляев Василий Георгиевич (1903–1982) — литературовед, генерал-майор, заведующий библиотекой ИРЛИ (1936–1937).

⁸ Речь идет о рецензии Н.В. Здобнова на «Материалы...».

⁹ Вероятно, прозвище одного из крупных работников издательства, где предполагалось опубликовать второй том «Материалов...».

¹⁰ Более подробно см.: Кайев А.А. М.И. Калинин о художественной литературе // Учен. зап. Орехово-Зуев. пед. ин-та. 1955. Т. 2. Фак-т рус. яз. и лит. Вып. 1. С. 3–51.

¹¹ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — историк литературы, педагог, сотрудник ИРЛИ (1926–1929, 1935–1949, 1956–1959).

До чего мерзка каста интеллигентов, я это давно говорил, и доволен, что я все-таки не имею подлинной культуры и лоска, чтобы причислять себя к оным. Нейман¹², как и все остальные, камень приберег на будущее, но стиснул его в правой руке настолько плотно, что не смог разжать, отпустить на несколько минут, с тем что б в этот момент чиркнуть маленький, хотя бы интеллигентный ответ. Я понимаю, что люди есть люди, но интеллигенции свойственно еще лицемерие и может в большей степени, чем кому-либо.

Вот речи, которых значенье¹³
Темно и ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Ленинград
15.V.37 Ваш К. Гацкий¹⁴

Дорогой учитель!

Вы извините меня за хамское молчание — меня охватила лень потрясающая. Я несколько раз начинал письмо, но при всем сознании необходимости его, не мог закончить. Решил, что открытку-то осилю. Итак, вкратце о делах. Тинтурка совсем исчез — его заменяет Кузьмин¹⁵, кот. утверждает, что в конце июня нам деньги заплатят. Адрес Бор.Вл. Неймана: Москва, ул. Горького, Дегтярный пер., д. 5, кв. 3 (на мое слезное письмо он не ответил), адрес Дм.Ив. Абрамовича¹⁶ — Смоленск. Почтамт. До востребования Евдок.Вас. Пясецкой¹⁷ для Д.И.А. (или Чуриловский переулок, д. 3). От Куриленкова¹⁸ ничего не получал, зато от Ушаковой¹⁹ из Лермонт. домика получил приглашение, кот., к сожален., не могу воспользоваться. В Горьком затевается сборник к столетней годовщ. моего предка (апрель 1838 г.), в кот. предлагают мне участвовать. Для этого мне необходимо в августе поработать в его архиве в Горьком. Горьком молчит, меня же это тоже мало трогает. Статья Здобнова мне понравилась, но адреса его я не узнал (он москвич). [...] Все самое существенное. Пожалуйста извините мою молчаливость.

Ваш К. Александров.

Список источников

1. Материалы для библиографии Лермонтова. Т. 1. Москва–Ленинград, 1936.
2. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 31, 32.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 3. Д. 321.
4. Сиротская А.Г. Сведения о работе Научной библиотеки им. Горького при Ленинградском университете в период Великой Отечественной войны / А.Г. Сиротская, Н.А. Кузьмина // “Мы знаем, что значит война...”: воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет: 65-летию Великой Победы посвящается / С.-Петербур. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2010. С. 465–470.
5. Н.А. Кузьмина. Некролог // Ленингр. ун-т. 1954. № 6 (872), 19 февр. С. 4.
6. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений / под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. 5-е изд. Москва – Ленинград, 1931.

¹² Нейман Борис Владимирович (1888–1969) — литературовед, педагог, лермонтовед.

¹³ Перефразирование первой строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Есть речи — значенье» (1839).

¹⁴ К.Д. Александров использовал фамилию своего предка — писателя А.С. Гацкого.

¹⁵ Кузьмин — сотрудник издательства, где предполагалось опубликовать второй том «Материалов...».

¹⁶ Абрамович Дмитрий Иванович (1873–1955) — историк литературы, педагог, лермонтовед, член-корреспондент АН СССР, сотрудник РНБ (1910–1927), преподаватель Смоленского педагогического института (1939–1941).

¹⁷ Пясецкая Евдокия Васильевна — жена литературоведа Д.И. Абрамовича.

¹⁹ Вероятно, Куриленков Василий Иванович (1906–1952) — историк литературы и журналист.

¹⁸ Ушакова-Данилюк Аделаида Николаевна (? — после 1937) — музейный работник, научный сотрудник Домика Лермонтова в Пятигорске, знакомая В.А. Мануйлова.

7. Миллер О.В. Отзыв Б.М. Эйхенбаума о работе В.А. Мануйлова «Материалы для библиографии Лермонтова» // Лермонтовские чтения-2013. Санкт-Петербург, 2014. С. 181–182.
8. Эйхенбаум Б.М. О работе В.А. Мануйлова «Материалы для библиографии Лермонтова» // Лермонтовские чтения-2013. Санкт-Петербург, 2014. С. 183–186.
9. Здобнов Н. О библиографии классиков и библиографическом педантизме // Лит. критик. 1937. № 4. С. 282–286.
10. Беляев Н.С. История Библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016. Санкт-Петербург, 2019.
11. РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 189.
12. Мануйлов В.А. Лермонтов. Жизнь и творчество. Ленинград, 1939.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 3. Д. 324.

BELYAEV N. The draft of bibliographic index M.Y. Lermontov's life and work by V.A. Manuilov: published and unrealized

Belyaev Nikolay — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher assistant at the Russian Academy of Sciences Library, Head of the Lermontov Study in the Department of Russian Academy of Sciences Library at The Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

ABSTRACT

The studying of the history of the creation of personal bibliographic indexes is one of the important problems of the Russian bibliography. V.A. Manuilov, a well-known literary historian and teacher, was engaged in the methodology of preparing a bibliography associated with M.Y. Lermontov in the 1930s. The first volume of his published work includes the works of M.Y. Lermontov, published in 1824–1935. The second volume, which included publications about M.Y. Lermontov, was not completed. Based on archival documents and materials kept by the Lermontov Office of the Department of the RASL at the IRLI RAS (The Pushkin House), the structure and content of the second volume of the bibliographic index dedicated to M.Y. Lermontov were reconstructed.

Key words: M.Y. Lermontov, V.A. Manuilov, Bibliography of fiction.

Т.Б. Маркова, Л.О. Самара

ФИЛОСОФИЯ В ЗЕРКАЛЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Маркова Татьяна Борисовна — доктор философских наук, зав. сектором библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Самара Людмила Орестовна — главный библиотекарь сектора библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sonysamlu@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Ко дню философии в Кабинете библиотековедения БАН была подготовлена выставка, на которой были представлены немецкие философы XVIII века Г.В. Лейбниц и Х. Вольф, оказавшие влияние на становление и развитие Библиотеки Академии наук в Петербурге. Особое внимание уделено Иоганну Даниэлю Шумахеру и его библиотечной деятельности, благодаря которой Петербургская библиотека стала первой общедоступной библиотекой, библиотекой нового для России типа. Освещено влияние французских просветителей XVIII века на отечественное библиотечное дело (Вольтера и Д. Дидро).

Ключевые слова: век Просвещения, философия, Академия наук, Библиотека Академии наук, Иоганн Даниэль Шумахер, Петр I, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Христиан фон Вольф, Вольтер, Дени Дидро, Жан Лерон Д'Аламбер.

21 ноября 2024 года в Кабинете библиотековедения БАН открылась выставка «Философия в зеркале Библиотеки РАН», которая преследовала следующие цели: осветить влияние философии на нашу Библиотеку и ее развитие; отметить роль философов-просветителей XVIII века (особо отметим, что в 2024 г. отмечается 330 лет со дня рождения Вольтера) в становлении Библиотеки; раскрыть значение библиотечной работы Шумахера в связи с датой 310-летия с начала разбора им фондов нашей Библиотеки (1714), а также с 335-летием со дня его рождения в следующем году. Именно поэтому особое внимание уделено XVIII веку — веку Просвещения, веку философии и становления нашей Библиотеки.

В первой четверти XVIII века в России были проведены важные преобразования, существенно повлиявшие в дальнейшем на библиотечное дело в России. По мнению историка библиотечного дела Б.Ф. Володина, в этот период в России зародилось новое мировоззрение, согласно которому роль библиотеки стала оцениваться как исключительно важное в деле просвещения [1].

Точкой отсчета формирования в России библиотечного дела в западноевропейском ключе стала Библиотека Академии наук, преобразованная Петром I из его личной библиотеки в общедоступную государственную. Еще во время Великого посольства царь стал задумываться о необходи-

мости многих преобразований. Он встречался с учеными, интересовался книжными собраниями, книжными раритетами, устройством библиотек, книготорговлей, типографиями. С особым вниманием Петр I изучал предложения известных деятелей немецкого Просвещения, философов Готфрида Вильгельма Лейбница, Христиана Вольфа, касавшиеся организации в России Академии наук и Библиотеки.

Знаменитый философ Г.В. Лейбниц (1) вошел в историю библиотечного дела как библиотековед, определивший важнейшие принципы деятельности библиотеки и библиотекаря, как составитель схемы библиотечной классификации, в основу которой была положена его собственная систематизация наук. Его идеи в области библиотековедения были воплощены в придворной библиотеке в Вольфенбюттеле (княжество Брауншвейг-Вольфенбюттель).

Лейбниц стал первым среди немецких философов, обратившим внимание на Россию. Сохранилась его обширная переписка с Петром Первым, в которой он затрагивал широкий круг проблем. Особенно Лейбниц занимал вопрос о благоустройстве России, просвещении русского народа и введении в России европейского образования. Так, в своей записке 1708 г. он писал, что для распространения наук и художеств в России нужны библиотеки, музеи по естественной истории и другие культурно-просветительные учреждения [2, с. 648–649].

В 1711 г. в Торгау состоялась встреча Лейбница с Петром, во время которой немецкий ученый развил перед императором свои идеи. Он считал возможным «дать научному делу в России такую организацию, которая обеспечила бы его правильное развитие <...> и могла быть создана как новый город, построенный по плану одного архитектора, правильнее и красивее чем старый» [2, с. 648]. Такой организацией Лейбниц видел Академию как профессиональное сообщество, устроенное по типу коллегии. Система образования должна быть трехступенчатой и включать в себя школы, университеты, академии [2, с. 754; 3, с. 128].

Консультировал Петра I и немецкий философ-естествоиспытатель — Христиан Вольф, ученик и последователь Г.В. Лейбница. В своем письме от 1723 г. он высказал монарху тогдашнее всеобщее мнение европейских ученых о том, что России нужен университет, выпускники которого со временем и составят «полноценную» Академию наук [4, с. 38]. Из переписки известно, что Лейбниц склонялся к Академии, Вольф — к университету.

Российский император учел мнение обоих немецких ученых, но воплотил их по-своему. Он основал Академию наук и обязал ее членов обучать российских молодых людей, создав тем самым базу для университета.

Христиан Вольф стал одним из первых иностранных почетных членов Академии наук. И хотя его приезд в Россию не состоялся, он сохранил дружественный интерес к делам российского просвещения и помогал подбирать для Академии ученых. Об этом свидетельствуют представленные в экспозиции работы «Христиан Вольф и философия в России» (Москва, 2001), третий выпуск альманаха Философский век «Христиан Вольф и русское вольфианство» (Санкт-Петербург, 1998) (2). Саму созданную в Петербурге Академию наук он называл «раем для ученых» [5,

с. 47]. В первом томе издания «Российская академия наук. Персональный состав» содержатся автобиографические сведения о нем (3).

По указу Петра I из-за границы приглашались в Россию специалисты в разных научных областях. Одним из переселенцев из Франции стал и молодой философ Иоганн Даниель Шумахер, впоследствии первый библиотекарь Библиотеки его Величества в Петербурге, а затем и первый секретарь императорской Академии наук.

Советский и российский библиографовед Валерий Павлович Леонов в своих многочисленных публикациях привлек в наши дни внимание общественности к фигуре Шумахера как директора Библиотеки и его деятельности на библиотечном поприще, подчеркивал его значительную роль в библиотечном строительстве. Положительную оценку давали Шумахеру и предшественники Валерия Павловича — П.П. Пекарский, С.П. Луппов, а также наши современники — Е.А. Савельева, Ю.Н. Столяров (4).

В.П. Леонов приложил немало усилий в поисках изображения Шумахера в архивах и библиотеках нашей страны и за рубежом. К сожалению, поиск не дал результатов, и мы не знаем, как выглядел Шумахер. Остались только письма, документы, протоколы, написанные им самим.

По своему происхождению И.Д. Шумахер был эльзасским немцем. Он родился в 1690 г. во Франции, в г. Кольмар. Окончив Страсбургский университет, занимался словесностью, богословием, юриспруденцией. В 1711 г. он защитил диссертацию «О Боге, Мире и Душе» на степень магистра философии и был оставлен при университете. Биографические сведения о Шумахере содержатся в работах П.П. Пекарского, В.П. Леонова, М.П. Лепехина, Е.А. Савельевой, Ю.Н. Столярова (5). В летописи АН СССР содержится инструкция, данная Петром I Шумахеру перед заграничной поездкой (6).

В Россию И.Д. Шумахер поступил под начало лейб-медика Р. Арескина в качестве секретаря по иностранной переписке и библиотекаря книжного собрания Петра I. Государевы библиотека и кабинет редкостей составляли тогда как бы единое целое и размещались в одном из помещений Летнего дворца. Шумахер стал их хранителем. В его обязанности входили разборка книг и экспонатов, составление на них описей или каталогов, а когда библиотека и кабинет редкостей переехали в Кикины палаты и открылись для публики (1719) — выдача книг на дом, экскурсии для знатных гостей и иностранцев [6, с. 11].

К своим обязанностям Шумахер относился с величайшей ответственностью, чем заслужил благодарность Арескина и благосклонность императора. Историограф И.Д. Шумахера П.П. Пекарский констатировал, что в первые годы своей службы в Петербурге Шумахер «выказывал неутомимую деятельность, и расторопность» [цит. по: 7, с. 118].

Смерть своего первого начальника лейб-медика Р. Арескина Шумахер посчитал концом своей карьеры в России и думал готовиться к отъезду на родину: «После его Арескина смерти в 1719 г. просил я Абшита...» [8, с. 83]. Однако преемник Арескина Л.Л. Блюментрот оставил его в прежней должности, а Петр I не только это одобрил, но и предоставил Шумахеру длительный отпуск с поручениями по его должности. В частности, Шумахеру надлежало купить необходимые для библиотеки книги,

ознакомиться с крупнейшими западноевропейскими книгохранилищами и их каталогами, с системой расстановки книг в частных и общественных библиотеках и с аукционными каталогами.

По возвращении в Россию Шумахер подал императору подробный отчет, в котором дал обстоятельные комментарии по всем поручениям. Из его отчета, опубликованного П.П. Пекарским, видно, что Шумахер посетил многие библиотеки Англии, Франции, Германии и Голландии, досконально изучил их работу — вплоть до того, что переписал каталоги их фондов (7). Ряд каталогов он привез в Петербург. Перечень купленных им за границей книг впечатляет — 541 том (314 названий). Это главным образом труды западноевропейских ученых и ученых обществ, а также каталоги частных библиотек, в том числе и аукционные [6, с. 13].

В течение одиннадцати лет Шумахер был единственным хранителем Библиотеки и Кунсткамеры, которые в 1725 г., после открытия Петербургской Академии наук, стали одними из первых ее учреждений. Шумахер руководил Академией, Библиотекой, Кунсткамерой и типографией вплоть до середины XVIII в. Его правомерно считать первым официальным библиотекарем и музейным работником.

Заведующий научно-исследовательским отделом истории книги С.П. Луппов, анализировавший функционирование Библиотеки Академии наук в эти годы, утверждает: «Никогда еще в России не существовало такого крупного, так хорошо организованного и так активно используемого книжного собрания. И на многие годы система работы Библиотеки АН явилась образцом для всех других библиотек, одна за другой возникших в России в петровское и послепетровское время» [9, с. 357–358].

Современники, европейские ученые, особенно историки, считали Библиотеку «ценнейшей как по количеству, так и по качеству книг». Один из них писал: «...я вижу перед собою все, о чем только когда-либо мог мечтать». Приведем еще одно свидетельство современника: «Чтобы дать Вам представление о Библиотеке, могу передать Вам уверения господина И.Г. Дювернуа, что какую бы только редкую книгу по математике, медицине и физике он ни пожелал, он все находил в Библиотеке» [цит. по: 10, с. 27–28].

Эта высокая оценка Библиотеки — результат неустанных трудов первого российского библиотекаря И.Д. Шумахера. Сам Шумахер признавался: «Я чувствую в себе внутреннее удовольствие, что я моими трудами государству и народу показал полезныя и приятныя услуги. Примеры тому: АН, Библиотека, Кунсткамера, типография, словолитня, грьдоровальная палата и прочие департаменты...» [11, с. 47].

Первый профессиональный библиотекарь в России был больше чем просто библиотекарь. Его вклад в отечественную науку, книжную культуру и — особо — в библиотечное дело и библиотековедение можно суммировать следующим образом:

1. Шумахера можно считать основателем академического архива. По его инициативе в структуре академии появилось архивное подразделение. Им был заведен точный учет всех входящих и исходящих академических бумаг.

2. При Шумахере в 1727 г. была открыта академическая типография, выполнявшая государственные и частные заказы на все виды издательских работ. При типографии были устроены различные ремесленные и производственные мастерские, которые также часто выполняли частные заказы, пополняя академическую казну. Для продажи напечатанных тиражей академических изданий была организована Книжная лавка.

3. В течение многих лет Шумахер состоял единственным организатором и хранителем Библиотеки и Кунсткамеры (кабинета редкостей), а затем десятилетиями руководил Библиотекой императорской АН и художеств. При организации Библиотеки он перенял все лучшее из зарубежного опыта и создал библиотеку нового для России типа — публичную библиотеку, открытую для всех желающих. Профиль библиотечного фонда был универсальным по содержанию и научным по целевому и читательскому назначению.

4. Шумахер подготовил и издал первые печатные каталоги с описанием фондов Кунсткамеры и Библиотеки (Камерный каталог 1742 г.), а также описание академического здания — «Палаты Санкт-Петербургской академии наук». Издание помогало знатым иностранным гостям знакомиться с достопримечательностью Санкт-Петербурга, которой была на то время Академия наук. Камерный каталог и «Палаты» стали первым своеобразным путеводителем по АН и ее фондам, а также прообразом городских путеводителей.

5. Шумахер ввел в библиотечную практику абонементное (очное и заочное) обслуживание.

6. Большое внимание Шумахер уделял сохранности библиотечного фонда, требуя соблюдения правил пользования книгами, невзирая на лица и звания.

7. Занимаясь комплектованием, Шумахер ввел практику постоянного консультирования со специалистами. Это позволяло приобретать наиболее важные издания и повышало качество фонда.

8. Стремясь к полноте и систематичности библиотечного фонда, Шумахер установил прочные связи с зарубежными книготорговцами и приобретал у них библиотечные и книготорговые каталоги, что позволяло выявлять лакуны в библиотечном фонде.

9. Недостаточность финансирования Библиотеки вынудила Шумахера практиковать межбиблиотечный книгообмен дублетными изданиями, что стало новой для России формой экономичного комплектования.

10. Шумахер был не только библиотекарем и руководителем Библиотеки, но и первым российским библиотековедом. Тщательно изучив постановку библиотечного дела в нескольких европейских странах и обобщив европейский библиотечный опыт в своих отчетах, он впервые выступил фактически как эксперт в области сравнительного библиотековедения.

Шумахер разобрался в типологии библиотек своего времени, разделив их на «публичные (общественного пользования) и «приватные» (частные). Здесь он выступил как представитель общего библиотековедения.

11. А вот к систематизации библиотечных фондов Шумахер подошел как философ. Сопоставляя иностранную и русскую часть Библиотеки, он понял, что они не могут быть описаны в каталоге с одинаковых пози-

ций. Знакомая ему иностранная литература укладывалась в антропоцентричную картину мира, где человек являлся центром мира и вселенной. Это мировоззрение имело в Европе давнюю традицию и к XVIII веку уже главенствовало. Именно поэтому в иностранной части камерного каталога сначала стоят книги по естественным дисциплинам, постепенно двигаясь к философии и теологии.

Русская же часть Библиотеки не могла быть описана по антропоцентричному принципу, поскольку мир воспринимался в России как управляемый Божьим промыслом. Русская часть Библиотеки могла быть описана в каталоге только на базе теоцентричного принципа, согласно которому Бог занимал главенствующее место. Именно поэтому в русской части сначала описаны книги по теологии и только потом по иным наукам. Такую особенность шумахеровской систематизации фонда нашей Библиотеки впервые подметила и описала Н.Н. Елкина в своей книге [12].

Философский подход Шумахер проявил и в расстановке книжного фонда, он четко понимал, что библиотека — это не только подсобный научный инструмент, но и бесценное сокровище России, которое выполняет представительские функции.

Библиотека с ее полнотой и четкой систематизацией фонда должна была показывать представителям ученого мира способность служить целям полноценного научного познания. А ее внешний вид должен был свидетельствовать о принадлежности монарху, говорить о силе и богатстве управляемой им державы, о просвещенном и щедром правлении, сочетающим в себе силу и мудрость. Одновременно это позволяло зарубежным гостям проводить невольные параллели с блеском первых дворов Европы. Все это делало Библиотеку инструментом политического и дипломатического характера и показывает, что Шумахер явно размышлял о философии власти.

Библиотечная философия Шумахера, на наш взгляд, отразилась:

- в формировании нового мировоззрения Библиотеки, понимаемой как библиотечное пространство, доступное для всеобщего пользования;
- в создании новой для России ценностной парадигмы (научная книга, научная библиотека);
- в создании новой социокультурной ситуации, в которой Книга и Библиотека играют системно-образующую роль, способствуя просвещению и развитию общества;
- в замысле и воплощении библиотечной миссии;
- в формировании функций библиотеки;
- в создании библиотечной методологии.

С.П. Луппов писал: «Учреждение Библиотеки Академии наук выходило далеко за рамки развития библиотечного дела. Это была важная веха в развитии русской культуры. Создание крупнейшего книгохранилища новейшей научной литературы по всем отраслям знания позволило молодой русской Академии наук успешно развернуть работу с первых дней своего существования... Поставленная Петром I перед Библиотекой-Кунсткамерой задача распространения в стране знаний сделала новое учреждение одним из крупнейших культурно-просветительских центров

в России, которое вместе с Академией наук содействовало развитию науки и культуры в России» [9, с. 358].

Культурная жизнь России второй половины XVIII столетия пропитана идеями Просвещения — идеологии «царства разума», которая придавала огромное значение распространению образования и науки. Выдающимися философами этой эпохи во Франции были Вольтер, Дени Дидро, Жан Лерон Д'Аламбер, Ж.-Ж. Руссо (8).

Своеобразным манифестом XVIII века стала многотомная «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», давшая имя целому периоду в истории человеческой мысли. По замыслу Дидро, «Энциклопедия» должна была перевоспитать и образумить человечество, облагородить и очистить жизнь от заблуждений и невежества. Большое внимание уделено книге, книгособирачеству, библиотекам. Им посвящено более 10 страниц второго тома «Энциклопедии» (9). Отметим статьи «Библиограф», «Библиоман», «Библиомания», «Библиотека», «Каталог», «Книга» и другие.

В статье «Книга» отмечается, что книги служат цели просвещения, образования, привития нравственности и являются хранителями памяти, нравов, обычаев. Особое внимание уделено библиотекам, их значению и роли в деле просвещения. Высоко оценивается роль библиотекаря, который должен знать древние и новые языки, хорошо ориентироваться во всем, что относится к истории литературы, книжной торговле, типографскому искусству [цит. по: 13, с. 38].

В статье «Библиотека» описаны крупнейшие книгохранилища Европы. И, поскольку слухи о Петербургской библиотеке уже дошли к тому времени до энциклопедистов, вот фрагмент статьи «Библиотеки» с первым упоминанием о БАН: «Этот великий монарх собрал весьма значительные фонды для Библиотеки своей Петербургской Академии, которая в большом числе обеспечена книгами по всем областям науки» [цит. по: 14, с. 114].

Издание «Энциклопедии» имело огромное значение. Несмотря на определенную терминологическую неупорядоченность, она отразила в себе целостный взгляд на мир и само знание о мире. Ее по праву можно считать Библией эпохи Просвещения.

«Если бы я был в Париже, я проводил бы свою жизнь в королевской Библиотеке, чтобы заложить несколько камушков в ваше великое и бессмертное творение», — писал Вольтер Д'Аламберу [цит. по: 15, с. 159]. Библиотеки занимали важное место в системе ценностей Вольтера. Так, в письме к герцогу Ришелье он писал: «Поверьте, монсеньор, я вас помещаю выше солнца и библиотек...» [цит. по: 15, с. 159].

Примечательно, что оба французских просветителя — Вольтер и Дидро — связали свою жизнь с Россией. Сохранилась их переписка с Екатериной Второй, в которой они обсуждали широкий круг проблем. Императрица поочередно приглашала их в Россию. Вольтер не смог приехать, но он оказался первым иностранным автором, написавшим историческое сочинение о России — «Историю Российской империи при Петре Великом», над которой работал около семи лет (1756–1763).

Дидро в 1773 г. приехал в Россию и пробыл в Петербурге 5 месяцев. Он был избран иностранным почетным членом Академии наук. По просьбе

Екатерины Второй он составил проект организации системы народного образования в России.

После смерти французских просветителей их библиотеки были приобретены российской императрицей и перевезены в Петербург. Они размещались в Зимнем дворце.

Библиотека Дидро не сохранилась и находится в разных учреждениях. Вольтеровское собрание в ноябре 1861 г. было передано в Императорскую публичную библиотеку. Оно насчитывает 6814 томов, включая рукописи. Ее изучением занимались видные отечественные ученые Э.Л. Радлов, К.Н. Державин, Д.С. Крым, Л.С. Гордон, Н.В. Варбанец, В.С. Люблинский, Л.Л. Альбина, Н.А. Копанев, А.А. Златопольская (10). Копанев и Златопольская в свое время были сотрудниками Библиотеки Российской академии наук. Они являются признанными специалистами по XVIII веку. Роль Копанева в изучении библиотеки Вольтера очень велика. Возглавив в Российской национальной библиотеке Кабинет Вольтера, он стал организатором и руководителем огромного француско-русского проекта по изучению библиотеки знаменитого философа. На выставке представлены труды сотрудников РНБ и БАН по вольтерведению и истории книги (11).

18 век представляет собой яркую картину развития идей Просвещения, центральное место в которой занимает Книга и Библиотека. Особо хочется подчеркнуть, что такой библиотекой стала для России Библиотека Российской академии наук. Именно вокруг нее и на ее базе развивались в России философские идеи Просвещения. Библиотека Академии наук является детищем эпохи Просвещения, а также двигателем его дальнейшего развития в России.

Примечания

1. Так, например, Петрушенко Л.А. Лейбниц. Его жизнь и судьба. Москва, 1999. 600 с.; Погребыский И.Б. Готфрид Вильгельм Лейбниц 1646–1716. 2-е изд., доп. Москва, 2004. 268 с.; Философский век. Г.В. Лейбниц и Россия: альманах: к 350-летию со дня рождения и 275-летию Академии наук. Санкт-Петербург, 1996. 223 с.

2. Христиан Вольф и философия в России. Москва, 2001, 400 с.; Философский век Христиан Вольф и русское вольфианство: альманах. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 3. 393 с.; Савельева Е.А. Труды Христиана Вольфа в библиотеке Российской академии наук // Христиан Вольф и русское вольфианство. Санкт-Петербург, 1998. С. 345–383.

3. Речь идет об трехтомном издании Российская академия наук. Персональный состав. В 3-х кн. Москва, 1999. Кн. 1. 1724–1917. 563 с.

4. На выставке представлены издания: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Москва, 1870. Т. 1. LXVIII, 775 с.; Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Первом. Санкт-Петербург, 1862. Т. 1. 577 с.; Леонов В.П. Судьба библиотеки в России. Санкт-Петербург, 2000. 415 с.; Леонов В.П. Иоганн Даниэль Шумахер между библиотекой, Академией и двором // Петерб. библ. шк. 2014. № 3. С. 3–5; Леонов В.П., Савельева Е.А. Иоганн Даниэль Шумахер и Российская академия наук // Библиотеке академии наук 290 лет: материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 2006. С. 3–14; Савельева Е.А. И.Д. Шумахер и Библиотека Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы: сб. ст. Санкт-Петербург, 1999. С. 9–19; Савельева Е.А. И.-Д. Шумахер и первый экслибрис библиотеки его Величества // Книга в России: к истории академической библиоте-

ки: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2014. С. 48–61; Столяров Ю.Н. Первый Российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга. Исслед. и материалы. 1990. Сб. 61. С. 116–130; Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Ленинград, 1973. 373 с.; Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время 1725–1740. Ленинград, 1978. 379 с.; Библиотека Петра I: описание рукописных книг. Санкт-Петербург, 2003. 431 с.

5. Так, например, Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. Москва, 1870. Т. 1. 779 с.; он же: Наука и литература в России при Петре Первом. Санкт-Петербург, 1862. Т. 1. 577 с.; Петр Великий: сб. ст. Москва–Ленинград, 1947. 432 с.; Леонов В.П. Судьба библиотеки в России. Санкт-Петербург, 2000. 415 с.; он же: Библиотека Академии наук: опыт биографии. Москва, 2013. 199 с.; Лепехин М.П. Семья Шумахер // Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого: биогр. словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. Москва: Ломоносовъ, 2019. С. 615–635. Савельева Е.А. Иоганн Даниэль Шумахер и Библиотека Академии наук // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию академии наук: материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 1999. Т. 1. С. 82–95; Столяров Ю.Н. Вклад И.Д. Шумахера в развитие русской науки и культуры (к 325-летию со дня рождения первого российского библиотекаря и библиоковеда) // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 9. С. 34–50.

6. Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. Санкт-Петербург, 2000. 994 с.

7. Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 г. // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Первом. Санкт-Петербург, 1862. Т. 1. С. 533–558.

8. На выставке представлены: Акимова А. Дидро. Москва, 1963. 477 с. (серия биографий Жизнь замечательных людей); Мезин С.А. Дидро и цивилизация России. Москва, 2018. 272 с. (Серия HISTORIA ROSSICA); Краснова Е.И. Где жил Дидро в Петербурге // Вольтеровские чтения: Вып. 3: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2015. С. 181–191; Вольтер: статьи и материалы. Ленинград, 1947. 222 с.; Вольтер: статьи и материалы. Москва–Ленинград, 1948. 496 с.; Вольтеровские чтения: Вып. 1: материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 2009. 247 с. прил.; Вольтеровские чтения: Вып. 2: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2014. 222 с.; Вольтеровские чтения: Вып. 3: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2015. 274 с.

9. На выставке представлен второй том Энциклопедии, в который вошли статьи «Книга», «Библиофилия», «Библиоман», «Библиотеки»: Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers. Paris: Briasson, 1752. Сведения о книгах и библиотеках содержатся на С. 228–240.

10. Так, например, Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества: сб. избр. книговедческих работ. Москва, 1972. 325 с.; Люблинский В.С. Маргиналии Вольтера // Вольтер: статьи и материалы. Ленинград, 1947. С. 115–131; Альбина Л.Л. «Опасная книга» в библиотеке Вольтера // Альманах библиофила. Москва, 1978. С. 257–264; Копанев Н.А. Библиотека Вольтера в Петербурге // Век просвещения и современность. Санкт-Петербург, 2004. С. 51–60; Златопольская А.А. Вольтер: pro et contra: Личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург, 2013. 847 с.; Златопольская А.А., Сперанская Н.М. Библиотека Вольтера в XIX–XX веках: история отдельных экземпляров // Вольтеровские чтения: сб. науч. трудов. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2019. С. 111–129.

11. Так, например, Копанев Н.А. Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Ленинград, 1982. С. 26–42; он же: Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века (по материалам академических книготорговых каталогов) // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в. Ленинград, 1983. С. 38–54; он же: Французская книга и русская культура в середине XVIII века. (Из истории международной книготорговли). Ленинград, 1988. 158 с.; он же: Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII веке: очерки истории. Ленинград, 1986. С. 59–172; Копанев Н.А., Копанева Н.П. Из истории первых изданий Петер-

бургской Академии наук // Федоровские чтения — 2003. Москва, 2003. С. 318–331; Сомов В.А., Фундаминский М.И. Библиотека Академии наук в XVIII веке глазами иностранцев // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбилейной науч. конф., Санкт-Петербург, 28 нояб. — 1 дек. 1989 г. Санкт-Петербург, 1991. С. 183–189; Савельева Е.А. Первые каталоги библиотеки Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбилейной науч. конф., Санкт-Петербург, 28 нояб. — 1 дек. 1989 г. Санкт-Петербург, 1991. С. 190–195; Хотеев П.И. Французская книга в Библиотеке Петербургской Академии наук (1714–1742 гг.) // Французская книга в России в XVIII веке: очерки истории. Ленинград, 1986. С. 5–58; он же: Читатели библиотеки Академии наук: по данным за 1724–1728 и 1731–1736 годы. Санкт-Петербург, 2010. 244 с.; он же: Пять очерков из ранней истории академической библиотеки. Санкт-Петербург, 2014. 24 с.; Баженова Н.М. Академический комплекс «Библиотека-музей» первой половины XVIII века: опыт построения пространства для межкультурного и межпрофессионального взаимодействия // Петерб. библиотеч. журн. 2018. № 4. С. 12–20; Книга в России XVI — середины XIX в.: материалы и исследования: сб. науч. тр. Ленинград, 1990. 190 с.; Книга в России: сб. 1. Москва, 2006. 335 с.; Маркова Т.Б. Библиотека в истории культуры. Санкт-Петербург, 2008. 327 с.

Список источников

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. Изд. 2-е, доп. Санкт-Петербург: Профессия, 2004. 431 с.
2. Герье В.И. Лейбниц и его век. Санкт-Петербург: Наука, 2008. 807 с. (сер. «Слово о сущем»).
3. Корсаков С.Н. Воплощение идей Лейбница и Вольфа в принципах организации Петербургской Академии наук и роль философии // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2019. № 1 (47). С. 126–133.
4. Петр Великий и основание Петербургской академии наук: документы и материалы: в 2 ч. Ч. 1. / авт.-сост.: Е.Ю. Басаргина [и др.]; ред.-сост. Е.Ю. Басаргина; отв. ред. И.В. Тункина. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 172 с.
5. Копелевич Ю.Х. «Рай для ученых» (о судьбах первых российских академик) // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 47–68.
6. Савельева Е.А. И.Д. Шумахер и Библиотека Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland. Peterburger Deutsche: сб. ст. / отв. ред. Г.И. Смагина. Санкт-Петербург, 1999. С. 9–19.
7. Столяров Ю.Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (К 300-летию со дня рождения) // Книга. Исслед. и материалы. 1990. Сб. 61. С. 116–130.
8. Савельева Е.А. Иоганн Даниэль Шумахер и Библиотека Академии наук // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию академии наук: материалы Междунар. конф., 28 июня — 4 июля 1999 г. Санкт-Петербург: С-Петербург. науч. центр, 1999. Т. 1. С. 82–95.
9. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века / отв. ред. С.Н. Валк. Ленинград: Наука, Ленигр. отд-ние, 1973. 373 с.
10. История Библиотеки Академии наук. 1714–1964 / авт. колл. С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина и др.; отв. ред. М.С. Филиппов. Москва–Ленинград: Наука. 1964. 600 с.
11. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Москва: отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870. Т. 1. LXVIII, 775 с.
12. Елкина Н.Н. Справочно-библиографический отдел Библиотеки Российской академии наук / науч. ред. Н.В. Пономарева. Санкт-Петербург: БАН, 2007. 222 с.
13. Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографических наук в России в XIX — первой четверти XX века. Санкт-Петербург: изд-во РНБ, 2004. 415 с.

14. Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. Санкт-Петербург: БАН, 2000. 415 с.

15. Демичева Т.М. Библиотека и библиотекарь в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера // Библиотекосведение. 2020. Т. 69, № 2. С. 158–165.

MARKOVA T., SAMARA L. Philosophy in the mirror of the Russian Academy of Sciences Library

Markova Tatyana — doctor of Philosophical Sciences, Head of Sector of the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Samara Ludmila — Chief librarian of Sector of the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sonysamlu@gmail.com

ABSTRACT

For the Philosophy Day in the Library Science Cabinet of the RASL was prepared an exhibition presented German philosophers of the 18th century G.W. Leibniz, H. Wolf, who influenced the formation and development of the Library of the Academy of Sciences Library in St. Petersburg. Special attention is paid to Johann Daniel Schumacher and his library activities, thanks to which the St. Petersburg Library became the first public library, a library of a new type for Russia. The influence of French enlighteners of the 18th century on the librarianship (Voltaire and D. Diderot) is highlighted.

Key words: Age of Enlightenment, philosophy, Academy of Sciences, Academy of Sciences Library, I.D. Schumacher, Peter I, G.V. Leibniz, H. Wolf, Voltaire, D. Diderot, D'Alamber.

УДК 351.852.11
ББК 78.35

Н.С. Беляев

ИЗДАНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ Н.П. ЛИХАЧЕВА В ФОНДЕ ОТДЕЛА БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК ПРИ ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН

Беляев Николай Сергеевич — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук, заведующий Лермонтовским кабинетом Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Отдел Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы РАН — уникальное книгохранилище, вошедшее в себя издания в области филологии, истории, изобразительного искусства, философии и т.д. Долгое время в библиотеке Пушкинского Дома изучение книжных собраний не имело систематического характера. В начале 2010-х гг. было принято решение о фронтальном просмотре всего библиотечного фонда. Для этой цели была заведена специальная картотека, а книги и журналы с инскриптами отражались в электронной базе данных, ставшей основой для продолжающегося сборника «Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома» (Санкт-Петербург, 2014–2020). В ходе этой работы удалось выявить издания, ранее принадлежавшие историку Николаю Петровичу Лихачеву, их общий объем — 69 названий (92 единицы). Все они оказались сосредоточенными в разных отделах библиотеки. В настоящее время выполнено краткое описание всего имеющегося материала, которое представлено в этой публикации.

Ключевые слова: Николай Петрович Лихачев, личные библиотеки, Институт русской литературы РАН, инскрипты, Библиотека Академии наук.

Библиотека Пушкинского Дома — одно из крупнейших книгохранилищ страны, содержащих издания в области филологии, философии, истории, изобразительного искусства и т.д. Особую ценность в ее фонде представляют личные собрания, поступившие в разное время. Вместе с книжными и журнальными коллекциями известных писателей, историков литературы, критиков, журналистов, деятелей искусства и культуры в первой половине XX века, она смогла обогатиться изданиями из библиотек более полусотни отечественных историков, археологов, архивистов. Среди них можно назвать: М.К. Азадовского, А.М. Андрияшова, П.И. Бартенева, П.В. Безобразова, Конст. Никол. Бестужева-Рюмина, К.А. Военского, Ив. Мих. Гревса, Никол. Севаст. Державина, Г.С. Дестуниса, А.А. Куника, Н.Ф. Дубровина, И.Е. Забелина, Н.П. Загоскина, К.Д. Кавелина, Н.И. Кареева, Н.П. Кондакова, Н.П. Костомарова, М.С. Куторгу, А.С. Лаппо-Данилевского, И.Ф. Масанова, В.Л. Модзалевского, Д.Л. Мордовцева, П.И. Нерадовского, Д.М. Петрушевского, М.Д. Приселкова, Мих. Ив. Семевского, Серг. Мих. Соловьева, П.М. Строева, П.А. Сырку, Е.В. Тарле, Ф.И. Успенского, Б.В. Фармаковского, Д.А. Хвольсона, Ив. В. Цветаева и др.

Долгое время в библиотеке Пушкинского Дома изучение книжных коллекций не имело систематического характера (в 1960–1980-е гг. бы-

ли подготовлены и изданы описания только двух собраний — А.Н. Островского и А.А. Блока). В начале 2010-х гг. было принято решение о фронтальном просмотре всего библиотечного фонда, скомплектованного до 1953 года включительно, т.к. именно в это время поступило наибольшее количество частных собраний. Для этой цели была заведена специальная картотека, а книги и журналы с инскриптами отражались в электронной базе данных, ставшей основой для продолжающегося сборника «Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома» [1]. В ходе столь непростой работы удалось выявить издания, ранее принадлежавшие известному отечественному историку Николаю Петровичу Лихачеву (1862–1936), их общий объем составил 69 названий (92 единицы). Все они оказались сосредоточенными в разных подразделениях библиотеки — основном фонде, справочном отделе, в Пушкинском кабинете, в книгохранилищах при отделе древнерусской литературы и отделе фольклора ИРЛИ. Частично инскрипты на книгах из библиотеки Н.П. Лихачева были опубликованы в уже упомянутом сборнике. В 2023 году удалось сделать цифровые копии обложек и инскриптов выявленных изданий из его собрания, кроме того, выполнено научное описание всего имеющегося материала. Такова, собственно, история начала изучения личной библиотеки ученого в Отделе БАН при ИРЛИ РАН.

Как известно, после ареста Н.П. Лихачева в 1930 году его коллекции были конфискованы и оказались в разных государственных учреждениях — Институте истории АН СССР (Ленинградское отделение), Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, Библиотеке Академии наук и др. «Библиотека Н.П. Лихачева, как научная, профессорская, так и любительская — библиофильская, взята была вся без исключений, взята вся литературная часть, книги для легкого чтения, романы, повести, сатирические журналы, публицистика и т.д. Взяты даже дублетные экземпляры сочинений самого Н.П. Лихачева, имевшиеся у Н.П., как у автора» [2, с. 16].

В Библиотеку Пушкинского Дома издания из собрания Н.П. Лихачева были переданы из обменно-резервного фонда Библиотеки Академии наук, хотя есть книги со штампами Института книги, документа и письма, а также Института истории АН СССР (Ленинградское отделение) — название нынешнего Санкт-Петербургского института истории РАН, и даже явно приобретенные в букинистическом магазине. Первые поступления изданий из Библиотеки Академии наук прослеживаются в 1930-е гг. — в основном это книги из области литературоведения и справочные библиографические пособия, последующие — уже в начале 1950-х гг., когда было решено организовать специальную библиотеку древнерусского отдела, которую пополнили книги по отечественной и зарубежной истории и славистике.

Говоря о личном собрании Николая Петровича Лихачева, надо обязательно отметить, что в Пушкинском Доме находится более 150 изданий из библиотеки его отца — штабс-ротмистра Петра Федоровича Лихачева, изучение которых в дальнейшем также предполагается включить в план научной работы Отдела БАН при ИРЛИ РАН. В семье Лихачевых высоко ценилась культура книги, Петр Федорович в родовом имении в селе

Полянки (ныне Спасский район, Республика Татарстан) в 1869 году выстроил новую усадьбу, где одна из комнат была отведена под библиотеку, специально для нее были заказаны стеллажи с передвижными полками. Особое внимание было уделено составлению каталога собрания, который был разделен на несколько тематических отделов, кроме того, был заказан и владельческий экслибрис. Интерес к книге Петр Федорович смог передать и своему сыну, сохранилось штутгартское издание немецкого перевода романа Ф. Марриета «Петер Симпел», на обороте авантитула которого можно обнаружить надпись «По этой книжке учился Н. Лихачев в 1870 и 1871 году». Кстати, оба дяди Н.П. Лихачева — Андрей Федорович и Иван Федорович Лихачевы являлись собирателями монет, картин, книг — их коллекции стали основой Казанского музея.

Как известно, Н.П. Лихачев смог собрать обширную библиотеку, включавшую издания по истории, археологии, библиографии, искусству, прежде всего допетровской Руси, рукописи и старопечатные издания, которая была передана в Археологический институт, а после его закрытия стала основой Музея палеографии Академии наук, руководил которым сам Н.П. Лихачев.

Источниками пополнения библиотеки были приобретения, в частности, в известном магазине «Антикварная книжная торговля В. Ключкова», находившемся на Литейном проспекте, а также многочисленные дары. Кроме того, в нее вошли книги из других собраний, например, было обнаружено издание сочинений А.М. Жемчужникова, подписанное автором академику Измаилу Ивановичу Срезневскому. Безусловно, что обладая всего лишь частью этого книжного собрания, трудно реконструировать всю библиотеку и проанализировать читательские предпочтения Н.П. Лихачева. Однако имеющийся материал в отделе БАН при ИРЛИ РАН вполне может служить важным дополнением к корпусу инскриптов из коллекции Н.П. Лихачева, в значительной степени исследованному в отделе БАН при Институте истории РАН Е.З. Панченко [3]. В библиотеке ИРЛИ находятся 27 книг с дарственными надписями, обращенными к Н.П. Лихачеву от историков, литературоведов, литераторов, библиографов, художников — Л.Э. Бухгейма, И.А. Бычкова, И.М. Болдакова, А.А. Васильева, А.А. Голубева, В.Л. Дедлова, С.О. Долгова, Г.Э. Зенгера, А.Н. Зерцалова, В.В. Каллаша, А.С. Лаппо-Данилевского, Хр. Лопарева, Л.В. Лыщинского-Троекурова, Л.А. Мацулевича, А.И. Некрасова, П.Н. Петрова, П.Н. Полевого, С.П. Розанова, В.И. Сайтова, С.В. Смоленского, А.А. Титова, П.С. Шереметева. По вполне понятным причинам формат статьи не позволяет подробно остановиться на каждом инскрипте. К тому же для более детального анализа данной проблемы необходимо изучить значительное количество архивного и опубликованного материала. Однако стоит отметить, что большинство автографов были написаны односложно, без какой-либо дополнительной информации, без особого проявления личного отношения к Н.П. Лихачеву. Вероятно, здесь имел место элемент «обязательного дара» коллеге, впрочем, это обстоятельство было свойственно для многих крупных библиотек, принадлежавших ученым XIX–XX вв.

Особое внимание хотелось бы обратить на наиболее интересные в научном отношении инскрипты. В частности, на автограф литературоведа

и переводчика Петра Николаевича Полевого (1839–1902) на первом томе его «Истории русской словесности с древнейших времен до наших дней», содержащий трогательную надпись: «Неутомимому и неукротимому в труде Н.П. Лихачеву на добрую память о старце-приятеле. 29 янв. 1900». Историк литературы и переводчик Иннокентий Михайлович Болдаков (1846–1918), прежде всего известный как редактор и автор примечаний к пятитомнику М.Ю. Лермонтова, в 1895 году презентовал Н.П. Лихачеву свою монографию, посвященную автору «Героя нашего времени», оставив на ее титульном листе следующие строки: «Доброму приятелю Николаю Петровичу Лихачеву от автора. 1895, мая 28-го». Поражает своим оформлением другое издание — «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина, иллюстрировал которое известный живописец Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926), который также счел необходимым подарить экземпляр Н.П. Лихачеву — «Глубокоуважаемому и дорогому Николаю Петровичу Лихачеву. В. Васнецов. Москва 1914 г. 22 февр.».

В имеющихся в библиотеке ИРЛИ книгах Н.П. Лихачева владельческих маргиналий сохранилось немного. В этом плане обращает на себя внимание книга «Танька разбойница ростокинская, или Царские терема», изданная в Москве в 1834 году, на ее форзаце есть собственноручная запись Н.П. Лихачева: «Долго не попадалась книжка. Книжка редкая? Зачитана?». Определенную ценность для отечественной истории книги имеют т.н. подносные экземпляры, которые дарились представителям царской фамилии и аристократии, высшим чиновникам и т.д. В библиотеке ИРЛИ присутствует экземпляр роскошного издания Великого князя Константина Романова «Царь Иудейский», по всей вероятности, предназначавшийся для даров, на одной из его страниц типографским шрифтом вытеснено — «Книга Николая Петровича Лихачева № 279». Для историков надзора в области печати будет любопытен экземпляр повести С.В. Энгельгардт «Не сошлись» (Москва, 1867), в который вплетены документы Московского цензурного комитета, касающиеся разрешения ее выпуска в свет.

Говоря о тематическом аспекте, следует учитывать количественный состав книг из коллекции Н.П. Лихачева, оказавшихся в ИРЛИ, который нельзя считать репрезентативным в отношении всего собрания ученого. Однако все же он должен быть проанализирован. Прежде всего это художественная литература, представленная собраниями сочинений, отдельными изданиями произведений, эпистолярным наследием, в основном русских писателей XVIII–XX вв. — Л.Н. Андреева, Н.В. Гоголя, В.Л. Дедлова, А.М. Жемчужникова, В.А. Жуковского, вел. кн. Константина Константиновича, Л.В. Лыщинского, Вас. Ив. Майкова, Е.С. Прокудина-Горского, А.С. Пушкина, В.Л. Пушкина, А.Н. Радищева, Е.П. Ростопчиной, Л.Н. Толстого, Д.И. Фонвизина, Д.И. Чулкова, Н.В. Энгельгардт, зарубежная литература, к сожалению, представлена крайне фрагментарно (Данте, Макиавелли и др.). Если обратиться к составу перечисленных отечественных авторов, то даже по столь незначительному их количеству можно в определенной степени сделать вывод, что читательские интересы Н.П. Лихачева в области художественной литературы включали не только классику, но и современных писателей — В.Л. Дедлова, Л.В. Лыщинского, Н.В. Энгельгардт, с первыми двумя он был лично знаком, о чем

свидетельствуют адресованные ему дарственные надписи. Раздел «литературоведение» был представлен всего двумя изданиями — фундаментальной двухтомной монографией о Г.Р. Державине Я.К. Грота и книгой о М.Ю. Лермонтове И.М. Болдакова. Собственно, исторический отдел был наполнен книгами, посвященными допетровской Руси, а также работами по Византии. Особый интерес представляет многотомной сборник — «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким», вобравший уникальный материал по славянскому фольклору. Среди других отраслей науки следует назвать книги по философии, педагогике, библиографии, археографии, журналистике. Подавляющая часть собрания Н.П. Лихачева — это издания на русском языке, однако есть экземпляры на итальянском, немецком, болгарском, украинском языках.

Собрание Н.П. Лихачева интересно не только содержанием, но и отношением владельца к своим книгам. Почти все они были одеты в характерные полукожаные или матерчатые переплеты, на корешке, как правило, указывались: автор, название, место и год издания (для продолжающихся и многотомных изданий — номер тома или выпуска). Специально отпечатывались полосы бумаги с указанием автора и названия. По просьбе Н.П. Лихачева, издания не обрезались, таким образом они не теряли первоначальный облик, к тому же сохранялись вложения в книги. По всей вероятности, изготовителем этих переплетов являлась мастерская г. Шалкова (Литейный пр-т., д. 50, кв. 30), на одной из книг стоит ее штамп.

Примечательно, что на форзаце изданий можно обнаружить владельческую надпись «Из книг Н.П. Лихачева», однако значительно чаще встречается экслибрис, выполненный в 1908 году искусствоведом и археологом Николаем Емельяновичем Макаренко (1877–1938), обучавшимся в Петербургском археологическом институте, где преподавал и сам Н.П. Лихачев. Автору графической работы удалось передать образ Н.П. Лихачева — ученого, сидящего за своим рабочим столом в окружении стеллажей с книгами.

В современном мире книга все больше заменяется другими носителями информации, однако именно печатное издание дает не только возможность получить необходимые знания, но и позволяет прикоснуться к мировой материальной культуре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список книг Н.П. Лихачева из фонда Отдела БАН при ИРЛИ РАН

Адарюков В.Я. Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов Д.А. Ровинского. Спб. 1889 г.». [Санкт-Петербург]: журн. «Старые годы», 1911. 89 с., [13] л. ил. и портр.: ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Экслибрис Н.П. Лихачева.

I/P-58

Андреев Л.Н. Профессор Сторицын: (нетленное): [драма в 4 действиях] / Леонид Андреев. Санкт-Петербург: издание журнала «Театр и искусство», [1912]. 62 с.

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/11/6

Антикварная книжная торговля Н.В. Соловьева. Каталог № 32, заключающий в себе, частью, книги из библиотеки генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Демидова (род. 1754 г., ум. 1826 г.). Апрель. Санкт-Петербург: Тип. Э. Арнгольда, 1904. 40 с., 3 л. ил.

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
Ки/С-603

Арсеньев А.В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. Санкт-Петербург: Д.Ф. Федоров (сын), 1887. 20 с.

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
99/20/144

Белокуров С.А. Отзыв о сочинении Н.Д. Извекова «Московские Кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII в.» М., 1906 г., сост. С.А. Белокуровым. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1910. 26 с. (Отд. отт. из «Отчета о пятидесятом присуждении графа Уварова»).

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
99/29/148

Болдаков И.М. М.Ю. Лермонтов: [По поводу пятидесятилетия со дня его кончины / [соч.] К. Тр-н-кого [псевд.]. Санкт-Петербург: типо-лит. Берман и Рабинович, 1895. 47 с.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Доброму приятелю Николаю Петровичу Лихачеву от автора 1895, мая 28». В современном картонном переплете.

19366/2219

Васильев А.А. История Византии. [Вып.2]: Латинское владычество на Востоке: Эпоха Никейской и Латинской империй. (1204–1261). Петроград: "Academia", 1923. 76 с.

В издательской обложке. На авантитуле дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память А. Васильев 14 [фев.] 1924». В современном картонном переплете.

99/8/4

Воронов А.П. Архивоведение. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1904. [4], 51 с. (Конспекты лекций, прочитанных в Санкт-Петербургском археологическом институте).

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
Бр551/292

Гоголь Н.В. Письма Н.В. Гоголя: [В 4-х т.]. Т. 1–4 / Ред. [и предисл.] В.И. Шенрока. Санкт-Петербург: А.Ф. Маркс, [1901].

Т. 1. 628 с.

В издательской обложке. На обложке ярлык: «АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В.И. КЛОЧКОВА СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55».

Т. 2. 587 с.

В издательской обложке. На обложке ярлык: «АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В.И. КЛОЧКОВА СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55».

Два тома в одном полукожаном переплете. Ляссе. Эклибрис Н.П. Лихачева.

Т. 3. 499 с.

В издательской обложке.

Т. 4. 539 с.

В издательской обложке.

Владельческая надпись: «23/10 908 4 т.».

Два тома в одном полукожаном переплете. Ляссе. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/10/81

Гоголь Н.В. Письма Н.В. Гоголя к Н.Я. Прокоповичу. (1832–1850). 2-е изд., сверенное по подлинникам, испр. и пополн., с присоединением 4 писем Н.Я. Прокоповича к Н.В. Гоголю (1847–1850) и 2 фототип. снимков Е.В. Петухова. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. [2], VI, 60 с., [2] л. факс.

В издательской обложке. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/13/89

Голубев А.А. Бродячая вольница: хроника-роман первой половины XVIII столетия. Кн. [1]. Москва: тип. Н.И. Пастухова, 1890. 248 с.

В издательской обложке. На обложке дарственная надпись: «Искренно чтимому Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора». В современном картонном переплете.

1953к/2778

Грибоедов А.С. Горе от ума: комедия [в 4 д. в стихах] А[лександра] С[ергеевича] Грибоедова: текст Жандров. рукописи, хранящейся в Имп. Рос. ист. музее им. имп. Александра III в Москве: с прил. 2 портр. и 5 снимков с рукописи / ред., введ. и примеч. Н.К. Пиксанова. Москва: Л.Э. Бухгейм, 1912. [8], LXX, 151, [2] с., [2] л. портр., [3] л. факс.

Издательская обложка наклеена на современный переплет. На титульном листе дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от издателя 6/1 1914 г.». В современном переплете.

45/9/38

Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. Т. 1–2. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1880.

[Т. 1]. 1880. 4, VIII, 1043 с., 1 л. фронт. (портр.), 9 л. ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Ляссе. Эклибрис Н.П. Лихачева.

Т. 2. 1883. [2], X, 664, [1] с., [3] л. ил., 26, [1] с. ноты.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Ляссе. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/11/2

Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811–1817): Бумаги 1 курса, собр. акад. Я.К. Гротом: с прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг 3 и 6 курсов. Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1911. XXIV, 461 с., ил.: ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

38/5/239

Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад: С прил. объясн. прим. и вступ. ст. о Данте / [соч.] Данте Алигьери; пер. с итал. В.А. Петрова. Стихотворной формой подлинника – терцинами. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: тип. А. Моригеровского, 1871. [4], XXVI, 252, 66, [1] с.

В издательской обложке. На авантитуле надпись, вероятно, принадлежавшая П.А. Ефремову: «85IX19 75». В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/7/76

Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: Путевые заметки. Санкт-Петербург: М.М. Ледерле и К°, 1894. 202 с.

В издательской обложке. В современном картонном переплете. Дарственная надпись на титульном листе: «Николаю Петровичу Лихачеву в знак глубокого уважения В. Кигн-Дедлов». В современном картонном переплете.

1953и/974

Есипов Г.В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображ. приказа и Тайной канцелярии / [соч.] Г.В. Есипова. Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1880. [6], 445 с.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/5/98

Жемчужников А.М. Странная ночь: комедия в 1 д., в стихах / соч. Алексея Жемчужникова. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1850. 55 с.

Без издательской обложки. На авантитуле дарственная надпись: «Измаилу Ивановичу Срезневскому сочинитель». В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/10/27

Жемчужников А.М. Странная ночь: комедия в 1 д., в стихах / соч. Алексея Жемчужникова. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1850. 55 с.

В издательской обложке. На обложке — неразборчивая владельческая надпись неизвестного лица. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/10/26

Жуковский В.А. Неизданные письма Жуковского к А.П. Елагиной и А.П. Зонтаг / [публикатор и авт. вступ. статьи: И.А. Бычков]. Санкт-Петербург: тип. Сириус, 1912. 45 с., ил.: ил.

На авантитуле дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от И. Быčkова». В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/13/98

Жуковский В.А. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу: Изд. «Рус. арх.» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публ. б-ке. Москва: Университет. тип., 1895. 322 с.

В обертке. На обертке дарственная надпись: «Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от искренне уважающего его И. Быčkова». В современном картонном переплете.

45/13/95

Зенгер Г.Э. Метрические переложения на латинский язык Григория Зенгера. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1904. [4], 82 с.

В издательской обложке. В издательском переплете. В издательской суперобложке.

Ляссе. На форзаце дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от переводчика».

45/6/17

История Византии: Т. 1–3 / Юлиан Кулаковский, проф. Ун-та св. Владимира, чл.-кор. Имп. Акад. наук и Имп. Археол. комис. Т. 3: (602–717). 1915. XIV, [2], 432 с., 2 л. ил., карт.: ил.

На титульном листе: штамп «ЛОИИ I, 1444», штамп «Ленинград ИНСТИТУТ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКА». В издательской обложке. В современном картонном переплете.

99/18/36

Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей: Наставники и питомцы: 1811–1843 / [соч.] Дмитрия Кобеко. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. X, [2], 553 с.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

38/5/238

Константин Константинович. Царь Иудейский: (драма в четырех действиях и пяти картинах) / К.Р. Санкт-Петербург: Тип. Министерства внутренних дел, 1914. 204, 14 с., [46] л. портр., нот., цв. ил.

В издательской обложке. В издательском полукожаном переплете. На авантитуле типографским шрифтом: «КНИГА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ЛИХАЧЕВА № 279».

45/11/54

Коробейников Т. Второе хождение Трифона Коробейникова: [О пути к Царю граду от Москвы и до Иерусалима. Рук. Моск. публ. музея из собр. А.Н. Попова, № 2416, XVII в. скоропеч., в 4°, л. 40–48] / с предисл. С.О. Долгова. Москва: Унив. тип., 1887. 18 с.

На титульном листе дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу от С. Долгова». В картонном переплете.

99/21/137

Лаппо-Данилевский А.С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV в.в.: Отзыв А. Лаппо-Данилевского о соч. А.И. Никитского: История экономического быта Великого Новгорода. Москва, 1893 г. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева и К°, 1895. 57 с.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от автора».

Бр551/296

Лопарев Х.М. Византийский поэт Мануил Фил: К истории Болгарии в XIII–XIV в / [соч.] Хрисанфа Лопарева, секр. О-ва любителей древней письменности. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1891. [2], 54 с.

В издательской обложке. На обороте титульного листа ярлык: «АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В. КЛОЧКОВА Спб., Литейный, 55». В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

19536/1531

Лопарев Хр.М. Об авторе Виритской легенды. Отт. из: Византийский временник. Том 20, вып. 1. Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1914. С. 100–103.

На первой пустой странице дарственная надпись: «Н.П. Лихачеву от автора Спб. 29.IV.1913». В современном картонном переплете.

99/21/156

Лукин В.И., Ельчанинов Б.Е. Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова: С портр. Ельчанинова и со ст. о Лукине А.Н. Пыпина / ред. изд. П.А. Ефремова. Санкт-Петербург: И.И. Глазунов, 1868. [8], LXXII, 512 с., 1 л. фронт. (портр.). (Русские писатели XVIII и XIX столетий / общ. ред. всего изд. П.А. Ефремова).

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/9/75

Лыщинский Л.В. В этом ли счастье?: Пьеса в 1 д. с балетом / [Лев Лыщинский]. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1910. 19 с.

В издательской обложке. На титульном листе надпись: «от автора». В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/10/84

Лыщинский Л.В. Несколько стихотворений / Лев Лыщинский. [Санкт-Петербург]: Гос. тип., [1910]. 46, [1] с.

В издательской обложке. На авантитуле дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память. Автор». В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/10/56

Майков В.И. Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова: с портретом автора, со статьею о его жизни и сочинениях и примечаниями Л.Н. Майкова / (ред. изд. П.А. Ефремова). Санкт-Петербург: издание Ивана Ильича Глазунова, 1867. LXII, 550 с., 1 л. фронт. (портр.). (Русские писатели XVIII и XIX столетий).

В издательской обложке. На издательской обложке надпись: «13/1 909». В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/9/72

Майков В.И. Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова: с портретом автора, со статьею о его жизни и сочинениях и примечаниями Л.Н. Майкова / (ред. изд. П.А. Ефремова). Санкт-Петербург: издание Ивана Ильича Глазунова, 1867. LXII, 550 с., 1 л. фронт. (портр.). (Русские писатели XVIII и XIX столетий).

В издательской обложке. На обороте титульного листа ярлык: «АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В. КЛОЧКОВА Спб., Литейный, 55». В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/9/71

Назаревский А.А. Гоголь и искусство. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1910. [2], 42 с.

В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

1953в/521

Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким: Ч. 1–3. Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те., 1878.

Ч. 1: Думы и думки. [2], 557–748, 24, 388 с., ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

Ч. 2: Обрядовые песни. [2], 841 с., ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Экслибрис Н.П. Лихачева.

Ч. 3: Разночтения и дополнения. Отд-ние 1, Думы и думки. [2], 523 с., ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Экслибрис Н.П. Лихачева.

Ч. 3: Разночтения и дополнения. Отд-ние 2, Обрядовые песни. [2], 556, 16, LXXX, [2] с., ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Экслибрис Н.П. Лихачева.

45/10/64

Некрасов А.И. О явлениях ракурса в древнерусской живописи. Отт. из: Труды Отделения искусства РАНИОН. Т. 1. Москва, 1926. С. 7–22, ил.

В обертке. На обертке дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от автора».

Бр 551/591

Новые данные о Земском соборе 1648–1649 гг. / сообщ. действ. чл. А.Н. Зерцалов. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1887. 80 с.

В издательской обложке. На обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву». В современном картонном переплете.

99/17/123

Охранный каталог славяно-русских рукописей. Вып. 1–6. Вып. 6. Москва: печ. А.И. Снегиревой, 1895. [2], IV, 100 с.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву на память 5/X/1895». Штамп «ИКДП», штамп «АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р. Ин-т книги, документа, письма». На обложке штамп: «С 1/1-61 г. цена = р. 10 к.». В современном картонном переплете.

99/24/61 6)

Петров П.Н. Статьи П.Н. Петрова: Из Зап. Рус. археол. о-ва по Отд-нию рус. и слав. археологии. Санкт-Петербург: тип. Ф. Елконского и К°, 1887. [2], 22 с.

В издательской обложке. На обложке дарственная надпись: «Николаю Петровичу Лихачеву от автора 22 Апр 1887». В современном картонном переплете.

99/20/95

Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова, П.С. Билярского, [и др.] к библиографу С.И. Пономареву с примечаниями издателя: Материалы для биогр. С.И. Пономарева с хронол. списком его тр. / [предисл. Л.И. Радченко]. Москва: Л.Э. Бухгейм, 1915. [4], CVIII, 231 с., ил., портр.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от Л. Бухгейм 14/V 1915». В современном картонном переплете. Экслибрис Н.П. Лихачева.

45/13/96

Полевой П.Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: в трех томах. [Т. 1], вып. 1. Санкт-Петербург: А.Ф. Маркс, 1900. VIII, 160 с., 4 л. ил.

В издательской обложке. На авантитуле дарственная надпись: «Неутомимому и неукротимому в труде Н.П. Лихачеву на добрую память о старце-приятеле. 29 янв. 1900 г.», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.». В современном картонном переплете.

ОФ/ФС-2227 1)

Порфирий. Путешествие в метеорские и осоолимпийские монастыри в Фессалии архимандрита Порфирия Успенского в 1859 году: В 2 ч. / под ред. [и с предисл.] А.П. Сырку. С рисунками и картою. Санкт-Петербург: Акад. наук, 1896. XXX, [2], 615 с., 1 л. карт.: ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Ляссе. На обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от П. Сырку. 7 апр. 1899. Спб.».

99/21/250

Прозоровский Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа новгородского / [соч.] (Д. чл. Д.И. Прозоровского). [Санкт-Петербург]: тип. Имп. Акад. наук, [1877]. 15 с.

- В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
Бр551/372
- Прокудин-Горский Е. Отъезжее поле на медведей: (Охотничьи рассказы) / [соч.] Е. Пракудина-Горского. – Москва: тип. М. Смирновой, 1865. 132 с.
В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/10/66
- Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге [соч.] А.С. Пушкина; рис. В. Васнецов; [текст песни писал В.Д. Замирайло]. Москва: товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, [1914]. 6 л. в переплете-папке: цв. ил.
В издательской обложке. В издательской папке. На обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому Николаю Петровичу Лихачеву В. Васнецов Москва 1914 г. 22, февр.».
45/11/52
- Пушкин В.Л. Сочинения В.Л. Пушкина, изданные под редакцией В.И. Саитова: с биогр. очерком и примеч. Санкт-Петербург: Е. Евдокимов, 1893. XXII, 158, [1] с., 1 л. фронт. (портр.). (Библиотека “Севера”; 1893. Окт.).
В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву В. Саитов». В современном картонном переплете.
45/5/18
- Радищев А.Н. Полное собрание сочинений А.Н. Радищева: В 2 т. / под ред. проф. А.К. Бороздина, проф. И.И. Лапшина и П.Е. Щеголева. Санкт-Петербург: М.И. Акинфеев. 1907. (Библиотека русских классиков; № 4–5).
Т. 1. С портр. и факсимиле. 1907. XXXVIII, 2, 346 с., 2 л. ил. (Библиотека русских классиков; № 4).
В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
Т. 2. С портр. А.Н. Радищева и его жены. [1909]. XXXII, [2], 396 с., 2 л. портр. (Библиотека русских классиков; № 5).
В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/9/8
- Розанов С.П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109). Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 30 с.
В издательской обложке. На обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от автора 21/ХІІ-29».
99/29/241
- Ростопчина Е.П. Нелюдимка: драма в 5 д. / соч. гр. Е.П. Ростопчиной. Москва: Унив. тип., 1850. [2], 109 с.
В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/10/85
- Савваитов П.И. Описание Великоустюжского Архангельского и приписного к нему Троицкого Гledenского монастыря, составленное П. Савваитовым. Санкт-Петербург: тип. кн. маг. П. Крашенинникова и К°, 1848. 63 с.
В издательской обложке. В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
Бр551/451
- Систематический каталог книг библиотеки П.А. Гильтебрандта, вошедшей в состав библиотеки Училищного совета при св. Синоде. С портретом и биографическим очерком П.А. Гильтебрандта / сост. П. Луппов; Училищ. сов. при св. Синоде. Санкт-Петербург: Училищный совет при Святейшем синоде, 1910. [4], 91 с., 1 л. портр.
В издательской обложке. В картоном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева. Штамп «ИКДП I г. 43», штамп «АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р. Ин-т книги, документа, письма».
К6/Г-474
- Сказание о Дгруве: Древне-инд. религ. легенда: пер. с санскрит. К. Косовича. Москва: Унив. тип., 1848. XV, 55 с.
В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/11/12

Сковорода Г.С. Сочинения в стихах и прозе Григория Саввича Сковороды: с его портр. и почерком его руки. Санкт-Петербург: тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1861. [6], 312, [5], [4] с., 1 л. фронт. (портр.).

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/5/11

Смоленский С.В. Краткое описание древнего (XII–XIII веков) знаменного ирмолога, принадлежащего Воскресенскому, «Новый Иерусалим» именуемому, монастырю / [соч.] Ст.В. Смоленского. Казань: тип. Ун-та, 1887. 19 с., 8 л. ил.

На обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Н.П. Лихачеву — от Ст. Смоленского 25 Авг. 87 г.». В издательской обложке. В современном картонном переплете.

99/16/292

Спиноза Б. Переписка Бенедикта де Спинозы: с портр. и факс. Спинозы: С прил. жизнеописания Спинозы И. Колеруса / пер. с латин. Л.Я. Гуревич; под ред. и с примеч. А.Л. Вольнского. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. VIII, XIII, [3], 432, [1] с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. факс.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/10/90

Танька разбойница ростокинская, или Царские терема: ист. повесть XVIII ст.: С песнями, обрядами и праздниками тогдашнего быта: Из преданий рус. старины Соч. Сергеякого. Москва: Университет. тип., 1834. Ч. 1–4.

Ч. 1. 191 с.

В издательской обложке.

Ч. 2. 179 с.

В издательской обложке. На с. 179 ярлык «БУКИНИСТ В. КЛОЧКОВ С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55 LIBRAIRE V. KLOTSCHKOFF. St PETERSBOURG LITEINAJA 55».

Ч. 3. 193 с.

В издательской обложке. На с. 193 ярлык «БУКИНИСТ В. КЛОЧКОВ С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55 LIBRAIRE V. KLOTSCHKOFF. St PETERSBOURG LITEINAJA 55». На обложке владельческая надпись: «10/XII 91».

Ч. 4. 217 с.

В издательской обложке. На переднем форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева Долго не попадалась. Книжка редкая? Зачитана?». Наклейка «Шкаф 2 Полка 3 №22». На заднем форзаце: штамп «Переплетная Г. ШАЛКОВА Лит. пр. д. № 50, кв. 30», владельческая надпись: «je 16/XII 91». В картонном переплете.

45/5/88

Толстой Л.Н. Письма Л.Н. Толстого, собранные и редактированные П.А. Сергеенко: Т. [1]–2. [Т. 1]: 1848–1910 гг. / [предисл.: П.А. Сергеенко]. Москва: Книга, 1910. IV, 367 с.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
1953л/690

Трутень. Н.И. Новикова. 1769–1770: С портр. Н.И. Новикова и 2 снимками с загл. листов Трутня 1769 и 1770 гг. 3-е изд. Санкт-Петербург: П.А. Ефремов, 1865. XVIII, 370 с., 1 л. портр.: ил.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/10/63

Фонвизин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина / с портр. авт., со ст.: «О жизни и сочинениях Фон-Визина» А.П. Пятковского, с поясн. примеч. к тексту и с библиогр. объясн.; (Ред. изд. П.А. Ефремова). Санкт-Петербург: П.И. Глазунов, 1866. [6], LXII, [2], 691 с., 1 л. фронт. (портр.). (Русские писатели XVIII и XIX века / Изд. И.И. Глазунова Общ. ред. всего изд. П.А. Ефремова).

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/8/89

Чулков М.Д. Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова: Т. 1. Собрание разных песен: Собрание разных песен: Ч. 1, 2 и 3 с прил. 1770–1773 гг.: С прил. портр. М.Д. Чулкова разного времени и снимков с его подписей и печ. текста Песенника.

Санкт-Петербург: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1913. [4], VIII, 779 с., 4 л. портр.: факс.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/10/83

Шереметев П.С. Звад: [Путевые очерки]. Оттиск из первого выпуска Цветника / Гр. Павел Шереметев. Москва: печ. А.И. Снегиревой, [1908]. 52 с.

В издательской обложке. На обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от П.Ш.».

45/12/45

Шереметев П.С. Зимняя поездка в Белозерский край / Гр. Павел Шереметев. Москва: Синод. тип., 1902. 180 с., 8 л. ил.: ил.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от Гр. Шереметева. 1 января 1903», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.». В современном картонном переплете.

ОФ/ФС-2012

Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы С.Н. Шубинского. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: К.Н. Плотников, 1871. [4], 267 с.

В издательской обложке. В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.
45/7/16

Энгельгардт С.В. Не сошлись: Повесть Ольги Н. Москва: Унив. тип. (Катков), 1867. 44 с.

Без издательской обложки. В картонном переплете. В блок вплетены документы Московского цензурного комитета (два листа), датированные 1867 годом. Пометы цензора на страницах издания. Эклибрис Н.П. Лихачева.

45/8/65

Яцимирский А.И. Новый труд по старой славянской библиографии. Bibliografia Românească veche 1508–1830 de Joan Bianu și Nerva Hodoș. Fascicola 1:1508–88. Edițiunea Academiei Române. (București, 1898 an): [Рец.]. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1898. [2], 21 с.

В издательской обложке. На издательской обложке ярлык: «Книжная Торговля В.И. Клочкова Литейный пр. № 55». В картонном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева. На титульном листе: Штамп «ИКДП II г. 643», штамп «АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р. Ин-т книги, документа, письма».

99/29/9

Златарски В.Н. Имали ли сж българите свое летоброение? София: Държавна печатница, 1911. 92 с.

В издательской обложке. На обложке штамп: «С 1/1-61 г. цена =р. 30 к.». В полукожаном переплете. Эклибрис Н.П. Лихачева.

Бр551/721

Попов П.М. Початки друкарства у слов'ян: з додатком статті: Словянські інкунабули кипівських бібліотек / Укр. наук. ин-т книгознавства. Кіпів: [б.и.], 1924. 35, [3] с.

В издательской обложке. На титульном листе дарственная надпись: «Глбокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву — от автора. Киев — Лавра — Музей. 1925. X. 25». В современном картонном переплете.

99/21/341

dell'Abbaco, P. Poesie inedite di Paolo dell'Abbaco. Matematico del secolo XIV. Pubblicate da Enrico Narducci. Roma: tip. d. scienze matematiche fisiche, 1864. IX, 30 с.

В издательской обложке. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева». 1938а/964

Alfieri V. Lettere edite e inedite di Vittorio Alfieri. A cura di Giuseppe Mazzatinti. Roma: Torino; Napoli: L. Roux e C., 1890. XIV, 431 с.

В матерчатом переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

1939к/1752

Machiavelli N. *Istorie di Niccolt Machiavelli cittadino e segretario fiorentino*. Vol. 1–10. Firenze: Niccolt Conti, 1818–1821.

Vol. 1. 1818. 6, CL, [2], 137, [2] с., фронт. портр.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 2. 1820. 321, [1] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 3. 1820. 397 с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 4. 1820. 380 с.

В полукожаном переплете.

Vol. 5. 1820. 358, [2] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 6. 1820. 354, [1] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 7. 1820. 372, [2] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 8. 1821. 381, [2] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 9. 1821. 382, [1] с.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 10. 1821. 374 с., фронт.-факсимиле.

В полукожаном переплете. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

1940к/1128

Marryat F. Peter Simpel. *Eine Erzählung für die Jugend von Franz Hoffmann. Siebente unteränderte Auflage*. Stuttgart: Verlag von Schmidt & Spring, 1865. 89 с.: 4 л. ил.

В издательской обложке, частично не сохранилась. На форзаце надпись, сделанная Ф.П. Лихачевым: «По этой книжке учился Н. Лихачев в 1870 и 1871 году». Наклейка «№166». На титульном листе экслибрис «БИБЛИОТЕКА П.Ф. ЛИХАЧЕВА Отдел VII № по каталогу 166»

1938а/963

Nuova raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura scritte dai più celebri personaggi dei secoli XV. A XIX con note ed illustrazioni di Michelangelo Gualandi in aggiunta a quella data in luce da mons. Bottari e dal Ticozzi. Vol. 1–3. Bologna: Editor e Annotator, 1844.

Vol. 1. 1844. 423, [7] с.

В издательской обложке. На титульном листе владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 2. 1845. 388, [1] с.

В издательской обложке. На титульном листе владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева».

Vol. 3. 1856. 328 с.

В издательской обложке. На форзаце владельческая надпись: «Из книг Н.П. Лихачева». 1939и/76

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома. Вып. 1–5 / сост. Н.С. Беляев. Санкт-Петербург, 2014–2020.
2. Простоволосова Л.И. Н.П. Лихачев: судьба и книги: библиогр. указ. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург, 2002. 56, [1] с.
3. Панченко Е.З. Книги с автографами в библиотеке Н.П. Лихачева: статист. обзор // Петерб. ист. журн. 2015. № 4. С. 260–267.

BELYAEV N. Editions from the collection of N.P. Likhachev of the fund of The Library Department of The Academy of Sciences at The Institute of Russian Literature of The Russian Academy of Sciences

Belyaev Nikolay — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher at the Academy of Sciences Library, Head of the Lermontov Study in the Department of Russian Academy of Sciences Library at The Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

ABSTRACT

The Department of Russian Academy of Sciences Library at The Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences is a unique book depository that has absorbed publications in the field of the philology, history, fine arts, philosophy, etc. For a long time in the library of the Pushkin House the studying of book collections did not have a systematic character. In the early 2010s, it was decided to front-view the entire library collection. For this purpose, a special card file was opened, and books and magazines with inscriptions were reflected in an electronic database, which became the basis for the ongoing collection «Editions with inscriptions from the collection of the Pushkin House Library» (St. Petersburg, 2014–2020). In the course of this work, it was possible to identify publications previously owned by historian Nikolai Petrovich Likhachev, their total volume is 69 titles (92 units). All of them turned out to be concentrated in different departments of the library. Currently, a brief description of all available material has been completed, which is presented in this publication.

Keywords: Nikolai Petrovich Likhachev, personal libraries, Institute of Russian Literature, inscriptions, Academy of Sciences Library.

П.И. Федотова

ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНАЯ КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ НЕ МОГЛА СОДЕРЖАТЬ ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ?

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья содержит анализ летописного рассказа о призвании варягов, который традиционно рассматривается историками как составная часть Повести временных лет. Автор доказывает невозможность присутствия варяжской легенды в составе киевского свода начала XII в. из-за присущих ей анахронизмов.

Ключевые слова: Варяжское сказание, Летописец Русский Сильвестра, Повесть временных лет, исторические анахронизмы.

Историки в своих реконструкциях прошлого обязаны исходить из совокupности исторических свидетельств о том или ином лице или событии. Однако в отношении начального периода русской истории это требование фактически игнорируется. До сих пор в науке принята летописная концепция происхождения древнерусской государственности от призванных в Новгород варягов, несмотря на то, что исследователи сталкиваются с тем непреложным фактом, что ни русские, ни зарубежные раннесредневековые источники вплоть до конца XIII в. не содержат упоминаний о Рюрике и варяжском происхождении киевских династов¹. Единственным исключением выступает Начальный киевский свод — киевская летопись начала XII в., подлинные списки которой науке неизвестны, но относительно которой утверждается, будто бы она содержала в своем составе варяжскую легенду. Это убеждение базируется на ретроспективном методе и подразумевает следующее умозаключение: раз позднесредневековые летописные своды конца XIV–XVI вв. содержат рассказ о призвании варягов, значит, и киевская летопись XI–XII вв., которая лежит в их основе, тоже содержала этот рассказ. Однако в ситуации единственного источника, не находящего подтверждения ни в каком другом материале, уместно сомнение: действительно ли киевская летопись содержала варяжское сказание? Ведь помимо факта отсутствия следов варяжского сказания в памятниках древнерусской письменности до 80-х гг. XIII в., существуют серьезные основания для утверждения о невозможности присутствия варяжской легенды в киевской летописи начала XII в.

Первый довод, который здесь можно привести, основан на доказательстве от противного. Если бы варяжское сказание содержалось в новгородской летописи XI в. и в киевской летописи начала XII в., оно неизбежно должно было оставить какие-то следы в домонгольской письменной

¹ Анализ источниковой базы см.: [10, с. 5–22].

традиции. Например, написанное в конце 30-х гг. XI в. «Слово о законе и благодати» Илариона отразилось на многих памятниках письменности древнерусского периода: и в самой киевской летописи с ее многочисленными заимствованиями из Илариона, и в первых памятниках древнерусской агиографии (Житии Феодосия Печерского Нестора XI в., Житии Леонтия Ростовского начала XIII в.), и т.д.² Аналогично «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора, написанное в 80-х гг. XI в., отразилось в «Сказании о Борисе и Глебе» начала XII в., в летописном своде начала XII в., в проложных житиях и других памятниках борисоглебского цикла. Однако трехсотлетние попытки отыскать в письменных источниках домонгольского периода следы варяжского сказания о происхождении русской государственности до сих пор не увенчались успехом. Еще дореволюционные русские историки указывали на то, что ни в одном памятнике древнерусской литературы домонгольского периода, за исключением «Повести временных лет», нет даже намека на Рюрика или варяжское происхождение киевских князей.

Более того, созданный в домонгольский период Киево-Печерский патерик, где много говорится о ростовских варягах и их участии в создании Печерской церкви, не содержит ни слова об их родстве с киевскими князьями или варяжском происхождении правящей на Руси династии. Такого не могло быть, если бы Рюрикова генеалогия была известна автору Сказания о Печерской церкви, которое начинается с рассказа о предках ростовских варягов. Эта часть Патерика писалась специально для прославления ростовских варягов как ктиторов Киево-Печерского монастыря. Из Патерика (а его рассказ подтверждается аналогичным сообщением Ипатьевской летописи под 1130 г.) известно, что ростовский тысяцкий, варяг Георгий Шимонович оковал серебром раку с мощами Феодосия Печерского. Серебряная рака — дорогой подарок, который требовал взаимного дара в виде прославления ктитора в анналах монастыря. В целях прославления богатого и щедрого дарителя при рассказе о его родословии было бы более чем уместно блеснуть его родством или хотя бы племенным единородством с правящим киевским домом. Тем не менее автор патериковой похвалы варягу Георгию и его отцу — варяжскому князю Шимону почему-то не воспользовался такой прекрасной возможностью возвеличить род покровителя монастыря. Один этот факт свидетельствует о том, что в момент написания Патерика (в середине XII в.) варяжской легенды еще не существовало³, что неизбежно влечет за собой вывод об отсутствии таковой в составе киевского свода Сильвестра начала XII в.

Тот же довод от противного можно привести и в отношении новгородского летописания. Если бы варяжская легенда содержалась в новго-

² Еще А.А. Шахматов констатировал «легко обнаруживающуюся связь» между Словом о законе и благодати и Начальной летописью. Между ними оказывается так много общих мест, «что это нельзя объяснить случайностью». Но, приведя множество параллелей между Словом Илариона и летописью, Шахматов сделал абсолютно неадекватный вывод о том, что «Слово о законе и благодати использовало летопись» [16, с. 282–283]. Однако оригинальность, если не сказать уникальность, историко-софской концепции Илариона делает возможным только одно направление заимствования: от Слова в летопись, но не наоборот.

³ О действительных авторах Киево-Печерского патерика — епископе Симоне Владимиро-Волыньском и игумене Печерского монастыря Феодосии Греке — и его создании в первой половине — середине XII в., а не в начале XIII в. см.: [9].

родском летописании, не было бы необходимости тщательно зачищать начала практически всех новгородских летописей. Тем не менее это факт: самая старая из всех русских летописей — Новгородская первая летопись (НПЛ) старшего извода — изуродована изъятием всего ее начального раздела до 1016 года. Новгород не подвергался монгольскому разгрому и до Смутного времени не знал иностранной оккупации, поэтому невозможно списать утрату первых 128 листов старшей НПЛ на гибель государственного архива в бурях военных лет. Наивно полагать, будто бы государственные анналы Новгорода существовали в одном-единственном экземпляре, в каком до нас дошел Синодальный список старшей НПЛ. Тем более что начальные листы «утрачены» не только в этой древнейшей новгородской летописи, но и в ранних списках младшей НПЛ (Комиссионном, Академическом — от XV в.), многих списках Новгородской четвертой летописи XV–XVI вв., у ряда списков Софийской I летописи старшего извода (Оболенского, Карамзинского, Бальзеровского), у Новгородской второй и т.д.

Исследователь новгородского летописания Н.Н. Яниш (1830–1884 гг.) метко охарактеризовал утрату начальных листов новгородских летописей «обезглавливанием» и без обиняков заявлял, что их начало не случайно «утрачено», а намеренно изъято и уничтожено московской администрацией [18, с. 44–48]. Относительно содержания уничтоженного начала новгородских летописей Яниш полагал, что теперь уже невозможно точно определить, что именно стремились убрать из русской истории московские князья. Однако он предполагал, что речь шла о договорных грамотах князей и новгородского веча, и что московское самодержавие прежде всего стремилось стереть память о демократическом устройстве новгородской республики, ведь в новгородских летописях отсутствует не только начало, но и конец новгородской истории — последние тридцать четыре года независимости Новгорода. Видимо, в записях за этот период содержались какие-то компрометирующие московских князей документы, вроде обязательств перед Новгородской республикой, которые они стремились предать забвению [18, с. 81–82].

Отдавая должное пронизательности честного исследователя, нужно добавить, что изъятие начальных страниц новгородского летописания было продиктовано не только противостоянием монархической Москвы и республиканского Новгорода. Прежде всего новгородское летописание не содержало варяжского сказания — той фальшивки, которой столь дорожили московские князья, и на которую опиралась в своих домыслах о Рюрике как потомке римских императоров официальная московская идеология. Согласно этой идеологии, варяги приходили в Киев из Новгорода, поэтому обнаружение их отсутствия в новгородском летописании перечеркнуло бы все историко-идеологические усилия московской администрации. Москве мешали тексты, которые выводили на чистую воду необходимую для нее историческую подделку. Эти обстоятельства и обусловили судьбу новгородского летописания.

На отсутствие варяжской легенды в новгородском летописании указывает не только повальное обезглавливание новгородских летописей, но и то обстоятельство, что в оставшейся части старшей НПЛ нет ни малейшего намека на варягофильскую историографию. За период

с 1016 по 1352 год, на котором заканчивается Синодальный список НПЛ, то есть на протяжении 336 лет, новгородские летописцы, при всем своем патриотизме, ни разу не вспомнили о якобы новгородском князе Рюрике и ни разу не указали, что именно Новгород был колыбелью русской государственности, что именно ему Русь обязана правящей династией и что в Киеве и Владимире правят потомки новгородских князей. Такое тотальное умолчание новгородских летописцев о политическом приоритете Новгорода на всем протяжении старшей НПЛ может быть объяснено только тем, что никакой варяжской легенды в анналах Новгородской республики никогда не существовало.

Кроме отсутствия в старшей НПЛ каких-либо упоминаний о Рюрике как первом новгородском князе или указания на политический приоритет Новгорода перед Киевом и происхождении княжеской династии из Новгорода, ни одна новгородская летопись не содержит такого топонима, как «Рюриково городище». В новгородских летописях ильменско-волховское Городище под Новгородом упоминается около двух десятков раз, но всегда исключительно как Городище, без эпитета «Рюриково».

Первое упоминание Городища под Новгородом в старшей и младшей Новгородской первой летописи относится к 6611 (1103) году: «Въ то же лето заложиша церковь Благовещение Мъстислав князь на Городищи» [7, с. 19; 203]. Последние упоминания Городища в старшей НПЛ относятся к 6778 (1270) и 6830 (1322) гг. Сообщения 1270 г. связаны с событиями вокруг правившего тогда в Новгороде князя Ярослава Ярославича, младшего брата Александра Невского: «а заутра побегоша къ князю на Городище тысячкые Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и инии приятели его. И взяша дома ихъ на разграбление и хоромы рознесоша; и къ князю послаша на Городище...»; «И прогониша сторожи Ярославли мало не до Городища...» и т.д. [7, с. 88, 89; 319, 320]. В 1322 г. говорится о смерти в Новгороде младшего брата великого князя Юрия Даниловича — Афанасия Даниловича и его погребении в церкви Спаса на Городище: «Того же лета преставися князь Афанасий, брат Юрьевъ... и положиша и у святого Спаса на Городищи» [7, с. 96; 339].

Таким образом, от первых до последних упоминаний княжеской резиденции под Новгородом, чем служило Городище с XII в., оно фигурирует под своим единственным названием — Городище. Ни разу новгородские летописи, даже поздние, такие как списки Новгородской четвертой летописи XV–XVI вв., создававшиеся на основе московского свода митрополита Фотия 1418 г. (то есть уже с учетом насаждавшейся Москвой варягофильской историографии и Рюриковой генеалогии), не связали Городище с именем или деятельностью Рюрика. Хотя, казалось бы, статус княжеской резиденции Городища давал новгородским патриотам удобный случай напомнить о том, что здесь правил сам Рюрик — первый новгородский князь, основатель династии и государственности, но почему-то ни в одной новгородской летописи местные писцы ни разу не воспользовались этой возможностью. Эти факты неопровержимо доказывают, что Городище под Волховом никогда не связывалось у местного населения с Рюриком, а подлинные новгородские летописи никогда не содержали варяжскую легенду.

Об отсутствии варяжской легенды как в Начальной киевской летописи, так и в новгородском летописании свидетельствуют и заглавия русских летописей. При всех различиях, ни один заголовок русских летописей не содержит указаний на призвание варягов как первый факт русской истории. Вариант заглавия древнейшего списка киевской летописи в составе Лаврентьевского свода (1377 г.) говорит о русских князьях из Киева, а не варяжских из Новгорода. Отличный от него вариант заглавия Повести временных лет в составе Ипатьевского свода (1425 г.) тоже называет только Русскую землю, умалчивая о варяжских князьях и Новгороде. Однако в тексте летописи, вопреки собственному заглавию, рассказ о русской истории начинается не с киевских, а с новгородских событий.

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
Се повести времяньныхъ летъ, откуда есть пошла руская зем(л)я, кто въ киеве нача первее княжити и откуда руская земля стала есть.	Повесть временныхъ летъ черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля стала есть и хто в ней почал первее княжити.

На резкое расхождение заглавия Начальной летописи с содержанием ее первых датированных известий, которое «всего менее отвечает заглавию» обращали внимание еще дореволюционные русские историки И.П. Филевич (1856–1913 гг.) и Н.К. Никольский (1863–1936 гг.). В частности, Филевич отмечал, что заглавие связывает Русскую землю с Киевом, но киевских известий в начале нет, а русское имя приносится в Киев из Новгорода варягами из дружины Рюрика. Однако в заглавии о Новгороде и варяжских князьях ничего не говорится. Допустить такое грубое несоответствие заглавия и содержания в первоначальном рассказе невозможно, объяснить это противоречие можно только работой позднейших редакторов. Отсюда исследователь приходил к выводу, что древнейшие списки — Лаврентьевский и Ипатьевский — «представляют текст, несоответствующий заглавию, а, следовательно, позднейший, надо думать, искаженный редакторами». Это искажение Филевич усматривал в привнесении в первоначальную Повесть о Русской земле заимствованного из новгородских летописей рассказа о варягах. Существование же первоначальной летописи с повествованием только о южной Русской земле Филевич считал «точным фактом», она «должна была быть, потому что заглавия летописей свидетельствуют об этом неопровержимо» [13, с. 342–344, 363–369].

Идеи И.П. Филевича были развиты академиком Н.К. Никольским. Вслед за предшественником он отметил несоответствие заглавия летописи ее содержанию. В заглавии говорится об одном лишь Киеве и князьях Русской земли, тогда как в летописи охват событий значительно шире и включает в себя Новгородскую и Полоцкую земли. Зато это заглавие «тесно связано с содержанием вводных статей, от источника которых оно, очевидно, и было позаимствовано» [6, с. 40]. Этот источник представлял собой самостоятельное произведение западнославянского происхождения, так как начинался с рассказа о судьбах дунайского славянства (моравов, чехов, ляхов и полян). Никольский отметил также противоречие между исходным заглавием и конечной записью Сильвестра.

В заглавии жанр произведения обозначен как «Повести», а Сильвестр определяет свой труд как «Летописец». Отсюда следует, что в заглавии «Повести временных лет» удержано надписание, принадлежавшее ранее не всему своду (Летописцу), а только ее начальной части. Таким образом Никольский пришел к выводу о двухчастном построении древнейшей русской летописи: она имела повествовательное введение и «свою погодную часть» [6, с. 40–43].

Опираясь на эти наблюдения и анализ заглавий русских летописей, в своем исследовании я пришла к выводу, что в первоначальной киевской летописи Сильвестра существовала система из трех названий: 1) Летописец Русский (общий заголовок), 2) Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал перве княжити и откуда Русская земля стала есть (заглавие вводной повествовательной части), 3) Временник русских князей (название хроникальной части, то есть собственно летописи) [11, с. 23–27]. При этом во всех трех заглавиях говорится исключительно о Русской земле (под которой в X–XII вв. подразумевались только южнорусские области — Киевская, Черниговская, Переяславская) и русских князьях в Киеве, но нет ни слова о варяжских князьях и их приходе из Новгорода.

Упоминания о варягах нет и в заглавиях новгородских летописей — там, где они сохранились. Ни одно из них не несет следов варягофильской исторической концепции⁴. Старательное изничтожение начальных листов новгородских летописей говорит о том, что они содержали иную историческую концепцию — не варяжскую и не киево-русскую. При этом сохранилось начало только тех новгородских летописей, чьи заглавия представляют собой незначительные вариации системы заглавий *московского* Свода митрополита Фотия 1418 года⁵. Заглавия же подлинных новгородских летописей были тщательно зачищены. Следовательно и для Новгорода варягофильская историография была привнесенным в XV в. новшеством. Однако историки продолжают не замечать того очевидного факта, что вся система сохранившихся киево- и русскоцентричных заглавий русских летописей находится в кричащем противоречии со своим варягофильским содержанием и являет собой наглядное отрицание варягофильской исторической концепции, помещенной в начальный раздел древнекиевской летописи значительно позднее ее создания.

Против присутствия рассказа о призвании варягов в киевском своде Сильвестра свидетельствуют и указанные в варяжском сказании города. Согласно летописи, Рюрик сел на княжение в Новгороде, Синеус на Белоозере, Трувор — в Изборске. Еще дореволюционные историки выражали недоумение по поводу того, чем руководствовался летописец, избирая для братьев Рюрика столь незначительные периферийные центры как Изборск и Белоозеро. А петербургский археолог и историк А.А. Селин, признавая явную несообразность указанных в варяжском сказании городов, уверял, что «мы никогда не ответим на вопрос, чем руководствовался «летописец», когда писал о Рюрике и его братьях, призванных на княжение за два с половиной столетия до создания летописи».

⁴ Перечень заглавий новгородских летописей см.: [11, с. 19–21].

⁵ О своде Фотия 1418 г. и источнике заглавий летописей фотиевской традиции XV–XVI вв. см.: [11, с. 19–23].

ного текста» и почему-то избравший для них «периферийные» для XI века княжеские столы [8, с. 74].

Вопреки мнению Селина, ответить на этот вопрос не составляет труда, если отказаться от предвзятого представления о присутствии варяжской легенды в киевской летописи XI–XII вв. Для киевского летописца XI в. не только Изборск, Белоозеро и Ладога не представляли никакого интереса в качестве «княжеских столов», которых там не было, но и Новгород для него был уделом всего лишь княжеских сыновей. Причем в Ладоге и Изборске вообще никогда не было самостоятельных княжеских столов. Даже в период наивысшего расцвета этих средневековых городов, приходящийся на время ганзейской торговли (втор. пол. XIII–XV вв.), демографические и финансовые ресурсы Изборска и Ладоги оставались настолько незначительными, что не позволяли иметь собственного князя. В этих пригородах Новгорода всегда правили посадники или княжеские наместники, а не князья. Тем более они не могли иметь собственных князей на ранних этапах своего существования — в виде сельских и протогородских поселений.

Но чем в таком случае руководствовался сочинитель, указав в качестве места деятельности «первых князей» на Руси именно эти города? Очевидно, он имел целью обозначить область территориальных притязаний тех князей, по чьему заказу он писал: от Новгорода, Белоозера и Ростова на севере до Киева на юге, от Изборска, Полоцка и Смоленска на западе до Муром на востоке. Потому-то ему и пришлось собрать «под одной крышей» города, в исторической действительности возникшие гораздо позднее IX в. и к тому же в разное время⁶. Это объясняет ту «несуразность» варяжского сказания, на которую указывали британские историки С. Франклин и Д. Шепард как на признак его недостоверности: «ведь для новгородцев в начале XII в. не мог представлять большого интереса такой далекий город, как Муром, расположенный в нижнем течении Оки и бывший тогда резиденцией князя третьестепенного значения» [14, с. 65]. Для новгородцев XI–XII вв., безусловно, не мог. А вот для северо-восточных князей конца XIII в. Муром был важнейшим порубежным городом на восточной окраине их владений. Как и названный в варяжской легенде Изборск, который стал значимой в геополитическом плане крепостью только с 30-х гг. XIII в. как пограничный форпост русских земель с Ливонским орденом. До этого времени этот незначительный городок даже не упоминается русскими летописями. Обозначить Изборск в качестве места пребывания одного из первых князей имело смысл только после его превращения в важный порубежный город. Эта мелкая, но красноречивая деталь служит еще одним убедительным доводом в пользу позднего происхождения варяжской легенды. Как и то обстоятельство, что Белоозеро стало самостоятельным княжеством только в середине XIII в., где правила ветвь ростовских князей. Все это вместе взятое подкрепляет мысль, что варяжская легенда была создана не в Киеве в конце XI — начале XII вв., а в северо-восточных землях Руси в конце XIII в., очерчивая

⁶ Новгород возник в середине X в., Белоозеро во второй половине X в., Ростов — в конце X — начале XI в., Полоцк, Смоленск и Муром — в первой половине XI в.

круг территориальных притязаний северо-восточных князей и русской митрополии.

На позднее происхождение варяжского сказания указывает и такая мелкая деталь как упоминание «ряда» в словах уставших от раздоров племен: поищем себе князя «иже бы володелъ нами и рядилъ по ряду, по праву» [1, стб. 14]. Упоминание *ряда*, то есть договора между населением земли и князем, имеет важное значение для датировки самого сказания. Еще Н.И. Костомаров указывал на эту оговорку сочинителя как на показатель позднего происхождения варяжской легенды. Сказание о призвании варяжских князей не современно IX в. и не могло появиться в IX–X вв., поскольку отражает более поздние реалии, когда окончательно оформился и институт княжеской власти, и практика приглашения князя с заключением с ним договора — ряда [3, с. 33–34], получившая распространение в русских городах только в XII–XIII вв. Требование к приглашаемым князьям, чтобы они действовали в рамках заключенного с «землей» договора, отражает ситуацию XII–XIII вв., откуда следует, что варяжское сказание не могло появиться раньше этого времени.

Помимо таких содержащихся в варяжском сказании хронологических маркеров, как упоминание возникших во второй половине X — первой половине XI вв. городов; указание на договорный характер отношений князя и земли (что отсылает к еще более позднему времени — XII–XIII вв.); испомещение княжеских столов в городах, которые приобрели важное значение лишь в 30–50-е гг. XIII в., существует еще один важный аргумент против наличия варяжского сказания в Начальной киевской летописи — его политическая несообразность. Киевская летопись принципиально не могла содержать рассказа о призвании варягов в силу его проновгородского характера.

Практически все исследователи русских летописей, начиная с предшественников «скептической школы», признавали проновгородское или прямо новгородское происхождение варяжской легенды. Ведь согласно летописному рассказу, Киев получил своих первых князей из Новгорода: сначала Аскольда и Дира, а затем Олега и Игоря, которые в 882 г. обманом захватили Киев, убив правивших здесь предшественников. Правда, в 882 г., когда — по летописи — произошел вооруженный захват Киева новгородскими варягами, никакого Новгорода, равно как Белоозера, Изборска, Ростова и Полоцка в исторической реальности не существовало⁷. Археологический аспект варяжской легенды уже рассматривался в отдельной статье [12, с. 31–48], в данном случае нас интересует политическая сторона дела.

Политически наивно думать, будто бы киевский летописец мог включить в государственные анналы Киева историческую концепцию, которая ставила столицу Руси в политическую зависимость от Новгорода, объ-

⁷ Первые дендродаты, полученные для деревянных построек Новгорода — 953 год, Ростова — 963 г., Белоозера — вторая половина X в. [2, с. 106; 12]. Городское поселение на месте Полоцка фиксируется не ранее XI в. Выдавать за «Новгород» IX в. небольшой эмпорий в истоке Волхова, где было от силы полторы сотни жителей и откуда якобы вышла целая армия варяжских завоевателей, — это из арсенала любителей исторических фэнтэзи. Да и сам Киев в 882 г. представлял собой не город, а эмпорий на берегу Днепра, аналогичный другим предгородским поселениям Восточной Европы IX — первой половины X вв. Его превращение в городское по своей структуре и количеству жителей поселение произошло в 30–40-е гг. X в. [5, с. 11–14].

являя его «старшим» городом, откуда киевляне получали князей. В понятиях того времени старшинство означало право политической гегемонии. Такая выходка неминуемо вызвала бы возмущение жителей Киева, так как не только шла вразрез с исторической действительностью, но и ущемляла национальные чувства русского населения. Киевляне не могли отдать политическое первенство Новгороду, учитывая, что эти два города находились в весьма неприязненных отношениях. Новгородцам была нестерпима наложенная на них дань — только не варяжская, а киевская, в три тысячи гривен ежегодно, из которых две тысячи (более 400 кг серебра) шли киевскому князю [4, стб. 130]⁸. Поэтому они охотно поддержали мятеж против князя Владимира его младшего сына Ярослава, который отказался отсылать «урок» в Киев, а после поражения Ярослава от киевлян новгородцы даже не поскупились на варяжских наемников. В свою очередь киевляне вряд ли забыли и убийство киевского князя Ярополка пришедшим из Новгорода Владимиром, и захват Киева Ярославом с помощью новгородского ополчения и варяжских наемников.

Таким образом, отношения этих двух городов были вовсе не идиллическими. Если что и связывало их в единое целое, так это «зерно-меховая сделка». Не имевший собственной продовольственной базы Новгород зависел от подвоза южного хлеба, а киевские купцы-гречники — от северной пушнины. Но если бы кто-то из киевских летописцев посмел включить в киевскую летопись проновгородскую историческую концепцию, его ожидала бы участь князя Игоря Ольговича, заподозренного в нелояльности Киеву и убитого киевлянами в 1147 г. Такая версия могла быть вставлена в киевскую летопись только тогда, когда Киева как политического центра уже не существовало и защищать его интересы было некому. Но это могло произойти только после разгрома Киева монголами в 1240 г. И то далеко не сразу, так как должно было уйти из жизни помнившее домонгольское время поколение уцелевших от разгрома русских людей, массами бежавших на север. Следовательно, подлог мог быть осуществлен не ранее конца XIII в.

К слову сказать, новгородская летопись «не заметила» такого события, как взятие Киева монголами в декабре 1240 года. Новгородский летописец, описывая события этого года, не проронил ни слова об уничтожении столицы Руси войсками Батыея. Безусловно, 1240 год был тяжелым и для Новгорода: шведы попытались захватить Ладогу и укрепиться на Неве; немцы захватили Изборск, осадили Псков, вторглись в водские и чудские земли и оказались в 30 км от Новгорода. Однако эти испытания не шли ни в какое сравнение с той трагедией, которая разыгралась на юге. Город в 50–80 тысяч человек был буквально стерт с лица земли. Батыево нашествие и падение Киева стали судьбоносными событиями в истории русской государственности, негативные геополитические последствия которых сказываются до сих пор, спустя полтысячелетия. А в Новгороде не заметили гибели Киева или, по крайней мере, промолчали об этом. Более того, поздний новгородский идеолог, копируя заглавие киевского *Временника Русских князей* (так называлась вторая, хроноло-

⁸ Новгородская гривна — металлический прут из серебра весом 204 грамма. Две тысячи гривен — 408 кг серебра.

гическая часть Летописца Сильвестра) и как будто сводя старые счета, неуклюже и неуместно вставил в него слова: «преже Новгородчкая волость и потом Киевская»⁹. Трудно сказать, чем был вызван этот племенной антагонизм между словенами и русинами, но новгородский словенский север неизменно противопоставлял себя киевскому русскому югу.

Главный авторитет в области изучения русского летописания А.А. Шахматов совершенно не понимал политической невозможности включения проновгородской историографической концепции в киевскую летопись в период расцвета и могущества Киева. Не в силах опровергнуть проновгородскую тенденцию варяжской легенды, он объяснял ее появление в киевском своде начала XII в. заимствованием из более ранней новгородской летописи. Но он не мог обосновать это предположение текстом Новгородской первой летописи старшего извода: она не содержала варяжского сказания, так как ее наличный текст начинался с 1016 г. Поэтому Шахматову пришлось объявить начальную часть поздней Новгородской первой летописи младшего извода (40-е гг. XV в.) летописным текстом XI века, предшествовавшим летописи Сильвестра. Однако младшая НПЛ по всем признакам — и лингвистическим, и содержательным — принадлежит к летописям фотиевской традиции XV в. (о чем свидетельствует хотя бы заглавие Временника русских князей, которое присутствует только в летописях, основанных на своде митрополита Фотия 1418 г.). Таким образом, чтобы спасти от разоблачения один подлог, Шахматову пришлось прибегнуть к другому, выдавая позднюю новгородско-московскую компиляцию XV в. за текст более ранний, нежели летопись Сильвестра 1116 г. Не подлежит сомнению, что киевский летописец не мог заимствовать у политического конкурента антикиевскую историческую концепцию. Тем не менее последователи А.А. Шахматова убеждены, что в киевской летописи начала XII в. (подлинного текста которой никто никогда не видел) содержалась антикиевская концепция политической гегемонии Новгорода.

При этом текст Летописца Сильвестра, который поздние варяжские редакторы не сумели полностью зачистить от опровергающей их ложь информации, содержит рассказ о подлинном призвании князей новгородцами — только не варяжских, а киевских. Согласно уцелевшему первоначальному тексту киевской летописи, в 970 г. новгородцы через своих послов просили дать им на княжение одного из сыновей киевского князя Святослава. Летопись доносит насмешливый ответ русского князя: «абы кто пошел к вам», предложившего своим сыновьям свободу выбора. Князь был уверен, что ехать в далекий безвестный город никто из его сыновей не захочет. Как и предполагал Святослав, его старшие сыновья, по выражению летописца, «отперлись». В Новгород отправился малолетний Владимир — сын киевского князя от «ключницы Ользиной»,

⁹ Текст Новгородской первой летописи младшего извода по позднему Толстовскому списку XVIII в. открывается заголовком киевского Временника: «Временникъ, еже естъ нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на последнее время, и грады почаша бывать по местам, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, как во имя назвася Кыевъ» [7, с. 103]. Очевидно, что слова про первенство «Новгородской волости» — вставные, они разрывают исходную фразу. У древнейших списков младшей НПЛ — Комиссионного и Академического — начало отсутствует и заглавий нет, как и у большинства других новгородских летописей.

наложницы Малуши [4, стб. 69]. В итоге новгородцы получили то, что просили. Только это был русский князь, а не варяжский. Таким образом, не Киев получил варяжских князей из Новгорода, а наоборот — Новгород в 970 г. получил русского князя из Киева. В исторической действительности первым новгородским князем был не варяг Рюрик, а *киевский русин* Владимир Святославич, чье, со всех сторон славянское, имя не оставляет сомнений в его этнической принадлежности.

Помимо вышеуказанных, варяжское сказание имеет еще один анахронизм — идеологический. Его в свое время сформулировал российский историк и искусствовед Ф.И. Шмит. Он отмечал наличие у летописца политических убеждений, которые тот стремился реализовать в историческом материале: киевская летопись есть сочинение, «составленное тенденциозно, в партийных целях, для того, чтобы доказать и исконное единство всей Руси, и тяготение ее к монархическому укладу, и исключительное право на власть Рюриковых потомков, киевской династии» [17, с. 101]. Однако заложенная в варяжском сказании идея общегосударственного единства и «тяготения Руси к монархическому укладу» радикально противоречила реалиям конца XI — начала XII вв., когда на Руси сложилась система городов-государств и повсеместно распространялась демократическая практика призвания князей городскими вече. Расцвет этой политической полисной системы приходится на XII — начало XIII вв.¹⁰ В такой общественно-политической атмосфере «тяготение к монархическому укладу» заканчивалось фатально для правителей. Достаточно вспомнить убийство «владимирского самовластца» Андрея Боголюбского или отравление его отца Юрия Долгорукого, который слишком навязчиво предлагал свои услуги киевлянам. Тем более идея общегосударственного единства была чужда племенному сознанию IX в.

Итак, целый ряд деталей варяжского сказания указывает на его позднее происхождение: упоминание в IX в. городов, которые возникли на сто — сто пятьдесят лет позднее; упоминание «ряда», то есть договора между князем и приглашавшей его землей, практика заключения которых относится к XII–XIII вв.; помещение княжеских столов в городах, которые приобрели важное значение лишь в 30–50-е гг. XIII в.; отсутствие следов варягофильской историографии и упоминаний о Рюрике и Рюриковом Городище как в домонгольской письменной традиции, так и в послемонгольской Новгородской первой летописи старшего извода середины XIV в.; система киево- и русскоцентричных заглавий русских летописей, в которых нет места варяжской концепции; идея общегосударственного единодержавия, невозможная для племенного сознания IX в.; наконец, политическая невероятность присутствия проновгородской историко-политической концепции в киевской летописи начала XII в., — все это бесспорно свидетельствует о поздней вставке варяжской легенды в начальный раздел древнекиевской летописи. Эта вставка по всем признакам была сделана в конце XIII в. и не в Киеве или Новгороде, а в Ростово-Владимирской земле, где имелась крупная варяжская диаспора и где ранее всего проявилась тенденция к оформлению монархических институтов власти.

¹⁰ О полисной системе на Руси см. исследования И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко: [15].

Список источников

1. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Москва: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
2. Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. Москва: Наука, 1977. 127 с.
3. Костомаров Н.И. Предания первоначальной русской летописи // Вестник Европы. Т. 39. № 1. С. 5–34. Санкт-Петербург, 1873.
4. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Москва: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
5. Михайлов К.А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. материалов Международной научной конференции (Вологда — Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
6. Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании // Сборник по РЯС. Т. 2. Вып. 1. Ленинград, 1930. 107 с.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. Москва: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
8. Селин А.А. Куда был призван Рюрик // Родина. 2012. № 9. С. 74.
9. Федотова П.И. Был ли Симон Владимирский автором Киево-Печерского Патерики? // Sciences of Europe. № 76. Vol. 2. Praha, 2021. С. 7–36. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-76-2-7-36.
10. Федотова П.И. Дитя монгольского погрома: к проблеме историчности князя Рюрика // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 5–22.
11. Федотова П.И. О заглавиях Начальной летописи: факты и фикции // Sciences of Europe. № 77. Vol. 1. Praha, 2021. С. 10–33. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-77-1-10-33.
12. Федотова П.И. Проблема возникновения Новгорода и варяжская легенда // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 31–48.
13. Филевич И.П. История Древней Руси. Т. 1. Варшава, 1896. 383 с. + X с.
14. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.
15. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. 272 с.
16. Шахматов А.А. Разыскания од древнейших русских летописных сводах // История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 485 с.
17. Шмит Ф.И. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях // Византийский временник. Т. XXII. № 1–2. Петроград, 1916. С. 62–126.
18. Яниш Н.Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. Москва, 1874. 96 с.

FEDOTOVA P. Why couldn't the initial Kiev chronicle contain a varangian legend?

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article contains an analysis of the chronicle story about the vocation of the Varangians, which is traditionally considered by historians as an integral part of the Tale of Bygone Years. The author proves the impossibility of the presence of the Varangian legend in the Kievan code of the beginning of the 12th century because of the anachronisms contained in it.

Keywords: Varangian legend, Russian Chronicer Sylvester, The Tale of Bygone Years, historical anachronisms.

Д.Д. Дымская

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БИБЛИОТЕКЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной систематизации литературы БАН, Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: cromwell@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы систематизации римской литературы в систематическом каталоге Библиотеки Российской академии наук. К римской литературе относятся любые латиноязычные произведения эпохи античности. Поскольку в Риме большое внимание уделялось стилистике, материал часто подавался в художественной форме. В силу этой особенности сочинения римских авторов можно найти в разных отраслевых отделах Центрального систематического каталога, в зависимости от тематики, к которой они обращались. Однако основное место расположения их персональных гнезд — в каталоге по художественной литературе.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Центральный систематический каталог, Библиотечно-библиографическая классификация, систематизация литературы, римская литература.

Римской называется латиноязычная литература периода античности. Ее вклад в сокровищницу нашей цивилизации трудно переоценить: присущие западной культуре ценности в конечном счете восходят к античной эпохе, а в современный мир они перешли во многом благодаря римской литературе, которая включает в себя не только поэзию и прозу на вымышленные сюжеты, но также художественную прозу вообще¹, к каковой относятся речи, исторические и философские произведения, трактаты о сельском хозяйстве, праве и т.п. Если же ограничиться собственно литературной сферой, то римское влияние отчетливо прослеживается в произведениях величайших авторов последующих эпох — Данте Алигьери, Джеффри Чосера, Уильяма Шекспира, Джона Мильтона и многих других, а ее язык — латынь — оставался живым языком по крайней мере до 1860 г. [2, с. 2]. Поэтому, чтобы понять особенности систематизации римской литературы, необходимо вкратце рассмотреть ее историю и характерные черты.

В своем развитии римская литература несколько отставала от других сфер культуры: город Рим, как известно, был основан в VIII в. до н.э., латинская письменность появилась в VII или VI вв. до н.э., к V в. до н.э. уже существовали писанные законы, а художественная литература возникла лишь в III в. до н.э. Как и в других древних культурах, ей предшествовал фольклор — в данном случае сложившиеся отчасти под этрусским влиянием песенные образования, сопровождавшие

¹ С одной стороны, изящный слог, как считалось, облегчал восприятие серьезного материала, а с другой, не лишними оказывались и разного рода полезные сведения в произведениях изящной словесности [1, с. 19].

трудовые операции и обрядовые акты [3, с. 268], а также фольклорные драмы, пословицы и поговорки. С III в. до н.э., по мере расширения границ и сферы влияния Римской державы, культура римлян подверглась эллинизации, одним из проявлений которой стало знакомство с греческими литературными формами. Тем не менее, несмотря на известную подражательность, римской литературе все же удалось сохранить свою самобытность: римляне были единственным народом, который сумел противопоставить грекоязычной литературе свою, написанную на национальном языке, а ориентация на греческие литературные образцы вовсе не свидетельствовала о принятии греческого же мировоззрения. Поэтому основные темы римской литературы — это восхваление нравов предков, ощущение величия Города и его исторического предназначения, а также национальная гордость.

«Золотой» ее век приходится на период 44 г. до н.э. — 14 г. н.э. (от смерти Цезаря до смерти Августа), а «серебряным веком» считается эпоха после смерти Августа до смерти Траяна (14–117 гг. н.э.). Речь в данном случае идет не о качестве литературы, а о языке и общей направленности. Если «золотая» латынь, ярким примером которой может служить цicerоновский период, отличалась логичностью и ясностью, а ее характерными чертами порядок, симметрия и ритм, то к языку эпохи Юлиев-Клавдиев этот идеал уже неприменим. На смену ему пришел своего рода маньеризм — взаимопроникновение прозаического стиля и поэтической манеры, что, с одной стороны, сделало прозу живописной и эмоциональной, а с другой — затруднило понимание смысла написанного. Изменилась и тематика произведений: поскольку обращаться к политическим сюжетам стало небезопасно, литераторы начали заниматься нейтральными проблемами макрокосма и/или внутреннего мира человека и его частной жизни [4, с. XVI–XVII]. При Юлиях-Клавдиях наблюдалось господство риторико-декламативного стиля, тогда как при Флавиях произошел переход к классицизму.

Со II в. н.э. из-за возвышения провинций и ослабления значения Италии в римской литературе, по выражению выдающегося отечественного филолога-классика и библиотековеда Иосифа Моисеевича Тронского, «наступает оскудение», а ведущая роль вновь переходит к греческой. Развивается архаизм, любования стариной, антикварный и стилистический интерес к памятникам ранней римской литературы доцицероновского периода. Появляется оригинальная христианская литература на латинском языке [3, с. 443]. III в., условно именуемый периодом военной анархии, характеризуется упадком во всех областях культуры, в этот период не было создано значительных художественных произведений. В IV–V вв. кризис был преодолен ценой политических и общественных трансформаций: Рим превратился в абсолютную монархию, господствующей религией стало христианство, а столица Империи была перенесена в Константинополь. Основной литературой стала христианская. Тем не менее старые формы продолжали существовать, поддерживаемые грамматическими и риторическими школами. Вторжения варваров, падение в 476 г. Западной римской империи и преобразование общества в феодальное довершили процесс увядания римской литературы. В VI–VII вв. н.э. ее формы трансформировались в жанры средневековой литературы [3, с. 449–452].

Таким образом, возможны два варианта периодизации истории римской литературы. Первый соответствует этапам развития литературного латинского языка (архаическая латынь, классическая, условно подразделяемая на «золотую» и «серебряную», и поздняя), и выглядит следующим образом:

I. Древнейший период — до появления в Риме литературы по греческому образцу (до 240 г. до н.э.).

II. Архаический период — до начала литературной деятельности Цицерона (240–81 гг. до н.э.).

III. Золотой век римской литературы:

а) время Цицерона — расцвет римской прозы (81–43 гг. до н.э.);

б) время Августа — расцвет римской поэзии (43 г. до н.э. — 14 г. н.э.).

IV. Серебряный век римской литературы — до смерти императора Траяна (14–117 г. н.э.).

V. Поздний императорский период (117–476 г. н.э.). [3, с. 266].

Второй вариант представляет собой деление на периоды в соответствии с хронологией римской истории²:

I. Эпоха республики (до 30-х гг. до н.э.):

I.1. долитературный период (до середины III в. до н.э.);

I.2. первый век римской литературы (до середины II в. до н.э.);

I.3. литература последнего века республики (период гражданских войн с конца II в. до н.э. до 30-х гг. до н.э.).

II. Эпоха империи (30-е гг. до н.э. — 476 г. н.э.):

II.1. литература времени перехода от республики к империи («век Августа», до 14 г. н.э.);

II.2. литература императорского Рима:

а) I в. н.э. (= «серебряный век»);

б) позднейшая римская литература (II–V вв. н.э.). [3, с. 266].

В Библиотеке Российской Академии наук римская литература систематизируется по схеме «Библиотечно-библиографическая классификация: Таблицы для научных библиотек. Выпуск XX: III Филологические науки. Художественная литература» 1963 г., в основу которой положен второй, историко-хронологический принцип. Деление выглядит следующим образом:

Ш5(0)35 — Римская литература в целом

Ш5(0)352 — Римская литература периода республики (до I в. до н.э.)

Ш5(0)353 — Римская литература периода империи (I в. до н.э. — V в. н.э.)

.1 — С 43 г. до н.э. до 14 г. н.э.

.2 — I–V вв. н.э.

.6 — древнехристианская литература на латинском языке. [5, с. 100–101]

Как видно, эта периодизация в целом соответствует приведенной выше, хотя и представляется более упрощенной. Кроме того, у нее есть

² В отличие от периодизации римской истории как таковой, Царский период (VIII–VI вв. до н.э.) здесь не учитывается, поскольку в эту эпоху сама латинская письменность еще только зарождалась, и, следовательно, о литературе как таковой говорить не приходится.

один серьезный недостаток: римская литература I в. до н.э. отнесена в схеме к периоду Империи, хотя он начинается лишь в последней трети указанного века, и многие авторы, как, например, Цезарь, Цицерон или Саллюстий, сочинения которых по необходимости помещаются в этот подраздел, на самом деле не имеют никакого отношения к Империи, ибо не дожили даже до установления Принципата³.

Что же касается систематического каталога БАН, то в связи с тем, что его часть, посвященная античной литературе, к 1965 г. «не имела ни четких границ, ни единого принципа расположения», в последнем квартале 1967 г. началась его пересистематизация — очевидно, для того, чтобы привести в соответствие со схемой [6, с. 124–125]. Осуществляла ее многолетний сотрудник отдела систематизации БАН, литературовед Валентина Петровна Комарова, которая подготовила специальные статьи, где выразила свою позицию по данному вопросу. Она была согласна с данным в схеме указанием размещать в нем произведения всех античных авторов независимо от содержания, поскольку в сочинениях многих из них трудно отделить художественное начало от научного, а кроме того, в ряде случаев они занимались сразу несколькими науками [6, с. 130–132]. Однако она решительно возражала против помещения исследований о научной или иной деятельности писателей, представляющей интерес для какой-либо специальной дисциплины, не в литературу, а в соответствующие отраслевые разделы [5, с. 21], так как считала неприемлемым «дробление материала об одном авторе по разным отраслевым каталогам» [6, с. 126]. Исключение В.П. Комарова делала лишь для литературы по ораторскому искусству, каталог по которому был сформирован лишь после выхода схемы. Она считала целесообразным включить в него персоналии ораторов, но содержать они должны были только исследования, посвященные проблемам риторики. Общие работы о жизни и творчестве ораторов следовало располагать только в разделе «Античная литература» [6, с. 146].

В целом подход В.П. Комаровой был призван облегчить задачу формирования каталога, однако нельзя не признать, что с точки зрения поиска литературы он крайне неудобен. Ведь есть античные авторы, которые прочно ассоциируются с той или иной дисциплиной, и логично предположить, что специалист будет искать посвященные им исследования в соответствующем разделе, а не в художественной литературе. Кроме того, поскольку античность была цивилизацией досуга, а досуг могли позволить себе лишь представители социальных верхов, многие античные авторы относились именно к этому слою и часто занимали государственные посты, т.е. прославились не только литературной деятельностью. Наиболее ярким примером в данном случае может служить Гай Юлий Цезарь, но можно также упомянуть Катона Старшего, Цицерона, Сенеку, Марка Аврелия, известного как «философ на троне», и целый ряд других деятелей. Следовательно, было бы неправильно ограничиваться размещением их персоналий исключительно в каталоге по литературе,

³ Принципатом называется действовавшая в I–III вв. форма правления, при которой сохранялись некоторые республиканские учреждения, но фактически власть принадлежала императору, называемому принцепсом, т.е. первым гражданином.

и при этом не учитывать их роль как исторических личностей. Как бы то ни было, но современное состояние каталога показывает, что предложение В.П. Комаровой применительно к отраслевым разделам не было принято, и персоналии в каталоге продолжают дублироваться.

Отметим, что в настоящее время имеет место противоположная проблема: из-за постоянного поступления новой литературы место в каталоге стремительно сокращается и возникает вопрос о перспективах. Кратковременным решением можно было бы счесть снижение объема дублировки. Так, например, дублирование работ о стиле римских авторов и грамматических особенностях их языка в разделе Ш146.12-7 «Латинский язык. Лингвистическая стилистика», за которое ратовала В.П. Комарова [6, с. 141], и которое имеет место в каталоге, представляется нам излишним, поскольку эти особенности в большей степени касаются персоналий, а не латинского языка вообще. Раздел же лингвистической стилистики мы бы предложили ограничить работами общего характера.

Что касается произведений как таковых, то в разных отделах каталога они располагаются по-разному. Рассмотрим в качестве примера разделы, в которых сочинения римских авторов представлены наиболее широко. В каталоге по литературе сначала идет история жанров, затем — персоналии авторов в соответствии с периодом, а внутри персоналий помещаются исследования их произведений; далее следуют собственно произведения по алфавиту авторов. Это отличает римскую (и в целом античную) литературу от других национальных литератур, которые сразу делятся по авторам.

Деление по жанрам внутри подраздела, посвященного тому или иному автору, В.П. Комарова предлагала сделать более предметным (т.е. выделить существующие виды лирики и прозы) [7, с. 92–94], однако думается, что в случае с античной литературой это не всегда возможно. В частности, не вполне понятно, что именно понимать под ораторской прозой, ведь, например, «Германия» Тацита — это одновременно и ораторская проза, и история, и морализаторское сочинение. То же можно сказать и о произведениях Саллюстия. Другой пример — дидактическая литература, к которой В.П. Комарова относит Сивиллины книги, пророчества, диалоги и диатрибы [7, с. 94], хотя все они едва ли содержат в себе представления, а кроме того, являются частями разных разделов: пророчества — это фольклор, диатрибы — ораторское искусство, а форма диалога часто используется в философской прозе, которую В.П. Комарова, кстати, в самостоятельный жанр не выделяет. Таким образом, более оправданным нам представляется деление в том виде, в каком оно фигурирует в современном каталоге.

В разделе философии сочинения конкретных философов относятся к подразделам тех философских систем, к которым они принадлежали. Применительно к Риму схема выделяет следующие направления: римский материализм (ЮЗ(0)323–211), римский стоицизм (ЮЗ(0)323–231), подразделяющийся на «Среднюю» (ЮЗ(0)323–231.2) и «Новую Стою» (ЮЗ(0)323–231.3), римский скептицизм (ЮЗ(0)323–236), римский эклектизм (ЮЗ(0)323–237), неопифагореизм (ЮЗ(0)323–244), неоплатонизм (ЮЗ(0)323–245); отдельно упомянута философия Боэция (ЮЗ(0)323–248). Соответственно, сочинения Сенеки и Марка Аврелия собираются под

индексом ЮЗ(0)323–231.3 «Новая Стоя»⁴, а философские произведения Цицерона являются частью подраздела ЮЗ(0)323–237 «Римский эклектизм». В отделе же истории произведения одного автора находятся в разных подразделах в зависимости от содержания, т.е. не в том периоде, где жил автор, а в том, которому посвящен его труд [6, с. 128]. Весьма показателен в этой связи пример Тита Ливия. Его годы жизни приходятся на I в. до н.э. — I в. н.э., т.е. родился и вырос он в период Поздней Республики, а творил уже в эпоху Принципата. Написанная им «История от основания Города» охватывает и царский период, и эпоху Республики, и даже начало Принципата (изложение доводится до 9 г. н.э.). Поэтому, если его «История» издается полностью, то в каталоге она размещается в подразделе источников по истории Рима в целом (ТЗ(0)323,012), а если издаются отдельные ее книги, то они ставятся в подраздел источников соответствующего периода (ТЗ(0)323.2,012 — источники по истории Царского периода, ТЗ(0)323.3,012 — источники по истории Республики, ТЗ(0)323.4,012 — источники по истории Империи). Это касается и других римских авторов, чьи исторические сочинения охватывают сразу несколько эпох. Подобная система представляется нам разумной, поскольку отражает особенности, присущие каждой дисциплине.

Отдельную проблему представляет ораторское искусство. В эпоху Республики оно было своего рода гуманной формой политической и правовой борьбы, тогда как в эпоху Империи его прикладное и политическое значение по понятным причинам уменьшилось⁵ [1, с. 538–541].

В БАН каталог по ораторскому искусству был сформирован только после выхода схемы. Поскольку соответствующей литературы поступало и поступает немного, в настоящее время он состоит всего из двух ящиков и не имеет глубокой детализации. Персоналии ораторов в нем присутствуют, но включают в себя только материалы, посвященные проблемам ораторского искусства [6, с. 146]: под индексом Ш70,(0) «Работы античных авторов» находятся риторические сочинения деятелей античности, размещенные по алфавиту авторов, а под индексом Ш733(0)35 «Ораторское искусство в Риме» — исследования их произведений.

Подведем итоги. Схема и каталог позволяют систематизировать римскую литературу надлежащим образом и, как представляется, не требуют внесения существенных изменений, за исключением уточнения границ литературы I в. до н.э. и ее принадлежности к эпохе Республики/Империи. Что же касается более дробного деления по жанрам, то, к сожалению, в настоящий момент объемы поступления как самой античной

⁴ К этому же разделу схема относит произведения Катона Старшего [5, с. 66], хотя философом он не был и на философские темы не писал, не говоря уже о том, что деятельность «Новой Стои» датируется I–II вв. н.э., тогда как годы жизни Катона Старшего приходятся на III–II вв. до н.э.

Стоической философии придерживался Катон Младший, живший в I в. до н.э., но его больше интересовало ее практическое применение, а литературным творчеством он, судя по отсутствию сохранившихся произведений, не занимался. Цицерон в своем философском трактате «О границах добра и зла» выводит его в качестве одного из участников диалога, посвященного учению стоиков, но это вовсе не означает, что сам Катон писал подобные вещи.

⁵ В сущности речи делятся на три жанра: политические, эпидейктические и судебные. К политическим речам относятся, например, высказывание своего мнения в сенате (*dicerententiam in senatu*), выступление перед народным собранием (*contio*), перед войском (*allocutio*), речь цензора в обоснование своих выговоров. Эпидейктические речи — это чаще всего «погребальное восхваление» (*laudatio funebris*). Судебные речи, как представляется, не требуют специального пояснения [6, с. 538].

литературы, так и посвященных ей трудов незначительны, думается, что детализация едва ли будет уместной.

Список источников

1. Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи / пер. с нем. А.И. Любжина. Москва, 2003. Т. 1. 704 с.
2. Hight G. The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature. N.Y., Oxford, 2015. 763 p.
3. Тронский И.М. История античной литературы. Москва, 1988. 464 с.
4. Pearce J.W.E. The Development of «Silver Latin» // The Agricola of Tacitus. London, 1901. P. XVI–XVII.
5. Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для научных библиотек. Выпуск XX: III Филологические науки. Художественная литература. Москва, 1963. 203 с.
6. Комарова В.П. Проблема размежевания и другие вопросы, связанные с переводом раздела «Античная литература» на новую схему ББК // Библиотечно-библиографическая классификация и практика перевода систематического каталога на схему ББК. Ленинград, 1971. С. 123–151.
7. Комарова В.П. Изменения и дополнения к таблицам ББК по подразделам «Ш5(0)32/35 Античная литература» и «Ш5(0/8)42 Литературы Средних веков» // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации. Ленинград, 1976. С. 88–101.

DYMSKAYA D. On the issue of the systematization of Roman literature in The Library of the Russian Academy of Sciences

Dymskaya Daria — Candidate of Historical Sciences, researcher at the Systematization Department Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: cromwell@inbox.ru

ABSTRACT

The paper examines the issues of systematization of Roman literature in the Central systematic catalog of the Russian Academy of Sciences Library. Roman literature comprises literary works written in Latin during Classical Antiquity. Since stylistics was of great importance, Roman authors had a way of writing to give pleasure, no matter the subject. Due to this feature, their works can be found in different catalogs, depending on the topic they addressed. However, the main place of their personalities is in the catalog of literature.

Keywords: Academy of Sciences Library, Central systematic catalogue, systematization of literature, Roman literature.

УДК 027.1:027.5(470.23-25(063)

ББК 78.34(2)я43

О.Н. Ильина

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ УЧЕНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ильина Ольга Николаевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела книговедения Российской национальной библиотеки Санкт-Петербург, Россия, e-mail: o_ilina@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена российская историография личных библиотек ученых за последние 15 лет, приведена количественная характеристика потока исследований. Выделены группы ученых, чьи книжные собрания изучались в этот период особенно активно: филологов, славистов, историков. Проанализированы формы представления результатов исследований: монографии, научные каталоги, диссертационные исследования, статьи. Кратко охарактеризована деятельность основных центров изучения личных библиотек ученых: Библиотека Российской академии наук, ГПНТБ СО РАН, Научная библиотека Томского государственного университета. Намечены перспективные направления дальнейшего развития данной области книговедческих исследований.

Ключевые слова: книговедение, историография, личные библиотеки ученых, каталоги личных библиотек.

Личные библиотеки ученых являются, как правило, необходимым условием их исследовательской деятельности. Эта группа личных книжных собраний имеет особые типологические характеристики и представляет несомненный интерес как важная составляющая книжной культуры своего времени, как оригинальный источник изучения истории науки и личности собирателя. С начала XIX в. в России распространилась практика дарения библиотек ученых учебным заведениям и академическим учреждениям. Нередко ценные книжные собрания ученых целенаправленно покупались этими учреждениями. В настоящее время именно вузовские и академические библиотеки являются ведущими центрами хранения и изучения этой группы библиотек. Библиотеки ученых традиционно изучались в рамках книговедения и литературоведения, в настоящее время к ним все активнее обращаются культурологи, историки науки, библиотековеды, а также представители различных отраслей науки.

Одной из характеристик современного состояния изучения личных библиотек ученых является значительный количественный рост потока исследований, различных по тематике, проблематике, типам, видам и жанрам, при почти полном отсутствии историографических исследований (1). Это обстоятельство так или иначе сказывается на общем уровне исследований в этой области. Историография дает возможность не только использовать, с уважением относиться и принимать во внимание полученные предшествующими исследователями фактические сведения, методические подходы и результаты теоретического осмысления феномена личной библиотеки ученого, но и определять тематику и

проблематику дальнейших исследований, планировать и организовывать их. Можно сказать, что историографические исследования обладают значительным эвристическим потенциалом.

Историография личных библиотек ученых заслуживает многостороннего, специального монографического исследования. В настоящей обзорной статье будет рассмотрена российская историография заявленной темы лишь за последние 15 лет (2008–2023 гг.). Тематические рамки обозреваемого материала также ограничены преимущественным вниманием к работам, посвященным отдельным библиотекам: именно они чаще всего являются предметом изучения. Исследования общего характера привлекались в минимальном объеме. Не рассматривались, за редким исключением, статьи, в которых дается общий обзор книг с владельческими знаками и дарственными надписями вне зависимости от профессиональной принадлежности владельцев. За рамками нашего историографического обзора остались альбомы и каталоги, в которых представлены книжные знаки, дарственные надписи и маргиналии на изданиях их фондов того или иного книгохранилища, а также публикации корпуса дарственных надписей в периодических и продолжающихся изданиях. Исключения делались для тех немногих работ, где специально характеризуется совокупность экземпляров из библиотек ученых той или иной области науки. В общем виде приводится информация о наиболее значимых работах, в которых предпринимались попытки охарактеризовать библиотеки ученых как особую группу личных библиотек.

Общее представление о современном состоянии изучения библиотек ученых можно составить, обратившись к количественным данным о потоке исследований, отраженных в доступных библиографических источниках (2). За рассматриваемый период в разной форме в печати были представлены результаты 670 исследований личных библиотек 250 ученых. Следует отметить, что, пожалуй, впервые количество библиотек ученых, ставших предметом изучения в указанный период, превысило число книжных собраний писателей, которые активно изучались и изучаются в России многие десятилетия. Наряду с продолжением исследований, начатых ранее, как, например, изучение библиотеки М.В. Ломоносова, все чаще внимание привлекают личные библиотеки, сформировавшиеся в XX столетии и поступившие в фонды научных библиотек во второй половине XX века. В предыдущие периоды преимущественно изучались библиотеки XVIII–XIX вв.

Как показывают количественные данные, около 20% от всех библиотек были отражены в потоке литературе лишь единичными публикациями. Это может свидетельствовать как о том, что некоторые из них только начинают изучаться, так и том, что они активно привлекали внимание исследователей в предыдущие периоды.

Среди владельцев библиотек представители различных областей науки — от астрономов и ботаников до театроведов и юристов. Активнее всего изучались библиотеки филологов: 44 библиотеки, 135 работ. Из них наибольшее число исследований было посвящено библиотекам филолога и культуролога М.М. Бахтина, исследователя литературы XVIII века и библиофильства П.Н. Беркова, историка литературы, профессора словесности и цензора А.В. Никитенко. Так, например, книжному соб-

ранию П.Н. Беркова за этот период было посвящено свыше 20 статей. Столь активное изучение его библиотеки связано прежде всего с регулярно проводимой раз в два года научной конференцией «Берковские чтения» (с 2011 г.) и с изданием сборников, подготовленных на основе докладов этой конференции.

Статьи Н.С. Беляева о библиотеках ученых (3), хранящихся в Библиотеке Пушкинского Дома, дополняют сведения об их истории и составе, приведенные в его монографии «История библиотеки Пушкинского дома, 1906–2016» (4).

Отдельно следует выделить группу библиотек славистов, исследования которых особенно активно развивались в последнее время. Им было посвящено около 80 публикаций о 18 личных библиотеках. Некоторые из них явились продолжением исследований, начатых ранее, как, например, изучение библиотеки О.М. Бодянского [1]. Ряд библиотек ученых-славистов впервые стал предметом исследований. В серии статей сотрудников Славянского фонда Библиотеки РАН и других подразделений этой библиотеки впервые рассматривались различные аспекты состава, истории формирования и судеб библиотек И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.С. Караджича, П.А. Кулаковского, П.А. Ровинского, П.А. Сырку и др. (5). Сравнительно недавно, в 2019 г. в Славянском фонде БАН была начата работа по выявлению и изучению экземпляров из личной библиотеки языковеда, слависта И.А. Бодуэна де Куртенэ. Результаты этой работы были представлены на книжно-иллюстративной выставке, посвященной 175-летию со дня рождения ученого, и в серии статей (6).

Изучение этой группы показательно прежде всего с точки зрения интенсивности изучения, организации работы и внимания к тем библиотекам, которые ранее не привлекали внимание исследователей. Без сомнения, в настоящее время ведущим центром изучения личных книжных собраний славистов является Славянский фонд БАН. Результаты работы по выявлению в фондах и изучению владельческих экземпляров здесь, как правило, представляются на книжно-иллюстративных выставках, по материалам которых готовятся и издаются каталоги (7). К подготовке выставок привлекаются сотрудники других отделов БАН, в фондах которых хранятся отдельные фрагменты библиотек славистов, тем самым круг исследователей расширяется, предпринимаются опыты реконструкции состава библиотек. В ходе работы результаты исследований докладываются и обсуждаются на заседаниях круглого стола «Книжные коллекции, библиотеки и собрания в библиотечных фондах» [2].

Постепенно сложился перечень необходимых характеристик личной библиотеки при ее описании и изучении, что наглядно демонстрируют, например, исследования библиотеки В.С. Караджича (8). В статьях Д. Дракулич-Прийма были рассмотрены история формирования его библиотеки, источники ее комплектования, а также история ее поступления в фонды Библиотеки Российской академии наук. Автор провел анализ отраслевого и языкового состава библиотеки, присутствия в ней отдельных видов изданий (например календарей, словарей и др.) и книг отдельных авторов. Предметом специального исследования стали дарственные надписи на книгах этой библиотеки.

Немногим меньше, чем работ о книжных собраниях филологов, количество исследований о библиотеках историков — 37 имен ученых, чьи библиотеки явились предметом изучения в 92-х работах. Стимулирующую роль для изучения этой группы библиотек сыграл проект «Роль музеев — библиотек — архивов в информационном обеспечении исторической науки», в рамках которого был издан сборник статей [3].

В ходе подготовки этого сборника была организована работа секций и круглых столов на международных конференциях и на XXI Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации. Личным библиотекам в названном сборнике были посвящены три статьи, в которых личные книжные собрания ученых-историков были рассмотрены как особая группа (9). Эта тема была продолжена в статьях одного из авторов сборника — А.В. Панеях, зав. отделом «Научная библиотека» Государственного музея истории религии (10). Серия этих статей — один из немногих примеров рассмотрения особенностей книжных собраний ученых различных отраслей науки, путей их формирования, роли в исследовательском процессе ученого, судеб и возможностей использования в качестве источника изучения истории науки.

Библиотеки отдельных представителей исторической науки также были предметом изучения (11). Многоаспектно продолжает изучаться библиотека Н.П. Лихачева, отдельные фрагменты этой библиотеки и экземпляры из нее хранятся в различных книгохранилищах. Информация о них отражена в современной историографии (12).

Из ученых — представителей естественных и точных наук по количеству публикаций и по числу владельцев книжных собраний можно выделить библиотеки биологов различных специальностей: ботаников, зоологов, ихтиологов, генетиков, физиологов. Их библиотекам посвящено свыше 30 публикаций. Среди них больше всего внимания было уделено библиотекам ботаников. Так, например, в одной из статей были рассмотрены вопросы оцифровки библиотеки видного ботаника-систематика и флориста Д.П. Сырейщикова, хранящейся в Научной библиотеке МГУ [4].

Некоторые группы библиотек, например библиотеки представителей медицинских наук, сравнительно редко были предметом изучения в рассматриваемый период. Между тем, начиная с конца XVIII в. библиотеки медиков активно передавались в дар библиотекам учебных заведений соответствующего профиля. В настоящее время в них хранятся многочисленные личные книжные собрания известных ученых, купленные или подаренные. Яркий пример тому библиотека Военно-медицинской академии (ВМА) в Санкт-Петербурге, где изучение личных библиотек ученых только начинается. В обстоятельной статье сотрудников этой библиотеки прослежена история поступления в ее фонды многочисленных личных собраний ученых-медиков и заявлена необходимость их научного изучения [5]. Авторы отметили: «Из имевшихся в 1801 г. в библиотеке 12 610 томов только 14% были куплены, остальные же 86% получены в дар» [5, с. 313]. На всем протяжении дальнейшей истории этой библиотеки ее фонды активно и систематически пополнялись за счет передачи в дар или покупки личных библиотек. Однако до недавнего

времени личные библиотеки в составе фондов библиотеки ВМА практически не изучались.

Отдельного внимания заслуживает опыт организации изучения личных библиотек в Библиотеке СПбФ ИИЕТ, где в том числе хранятся личные библиотеки ученых XX века. Особенностью их хранения является, в отличие от многих книгохранилищ, целостность книжных собраний: они не были рассредоточены в общем фонде, что способствует их активному изучению. В последнее десятилетие появились многочисленные статьи о личных библиотеках ученых, находящихся в этом книгохранилище (13), ведется работа по созданию печатных и электронных каталогов, многоаспектно раскрывающих их состав и владельческие особенности. Отметим также стремление исследователей к теоретико-методическому осмыслению значения библиотек ученых в качестве источника изучения истории науки и книжной культуры своего времени.

Библиотеки, владельцы которых представляют другие области науки, изучались менее интенсивно. Хотя можно отметить как тенденцию интерес к библиотекам географов и геологов, лингвистов и юристов, востоковедов, искусствоведов, ученых-энциклопедистов, например библиотеки В.И. Вернадского (14).

В рассматриваемый период внимание исследователей обратилось также на книжные собрания ученых русского зарубежья, среди которых были историки, филологи, богословы, химики, юристы. Группа этих личных библиотек неоднородна: среди них как библиотеки, сформированные в России, так и библиотеки эмигрантского периода их жизни и деятельности.

Начиная с 1990-х годов происходил процесс возвращения некоторых книжных собраний в Россию. В настоящее время подготовлены каталоги ряда библиотек ученых русского зарубежья (15), появились статьи об их книжных собраниях (16).

Причудлива и во многом трагична, например, судьба личной библиотеки ученого-химика, академика А.Е. Чичибабина, к изучению которой недавно приступили сотрудники Библиотеки по естественным наукам РАН [6]. Как показали их исследования, именно его личная библиотека в 1939 г. легла в основание фондов библиотеки Института органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН. На основе документов и изучения жизненного пути ученого выяснилось, почему его библиотека была обезличена и ее изучение и реконструкция начались лишь недавно. Причиной этого явился отъезд ученого за границу.

Изучение личных библиотек ученых русского зарубежья ставит перед исследователями многие вопросы, на которые им предстоит ответить: какие особенные характеристики им присущи в зависимости от сферы научных интересов ученого, от бытовых условий его жизни, наличия научных библиотек в месте его пребывания, способных удовлетворить его профессиональные интересы, каково место их книжных собраний в истории отечественной книжной культуры, каково их значение в сохранении научного и культурного наследия, их роль в научных коммуникациях тех стран, где существовали и формировались библиотеки, представляя российскую науку за рубежом.

Новой темой можно назвать изучение библиофильских характеристик библиотек ученых. Интерес к проявлениям ученого как библиофила, к судьбе отдельных экземпляров, появлению их на современных антикварных аукционах сформировался не в последнюю очередь в связи с развитием в последнее время библиофильской периодики и проведением «Берковских чтений». Проявлением этого интереса в современной историографии является, например, серия статей А.Ю. Самарина (17). Но вряд ли можно согласиться с теми современными исследователями, которые все библиотеки ученых называют библиофильскими. Уместно вспомнить аргументированную и развернутую характеристику библиотеки ученого и ее отличий от библиофильских библиотек в программной статье известного библиофила, ученого-математика А.И. Маркушевича: «Для ученого (и писателя) книга — не самоцель, а средство, инструмент для работы, обращение с которым полностью подчиняется интересам достижения поставленной цели» [7, с. 291].

Строго говоря, из многочисленных имен ученых, владельцев библиотек, представленных в современной историографии, действительно признанными библиофилами можно назвать не более 10–15 ученых: М.С. Базыкин, А.Л. Бенинг, П.Н. Берков, С.И. Вавилов, В.В. Величко, В.И. Вернадский, В.В. Данилевский, В.А. Десницкий, Н.П. Лихачев, Н.Н. Страхов, Д.П. Сырейщиков, М.Н. Тихомиров, И.А. Шляпкин. Как правило, в книжных собраниях этих ученых довольно часто присутствуют редкие издания.

Дальнейшее осмысление библиофильских характеристик библиотек ученых предполагает их рассмотрение и с позиций коллекционирования. В статьях А.Г. Ваганова, специалиста в области истории и социологии науки, предлагается нестандартный подход к изучению взаимовлияния научной и собирательской деятельности ученых (18).

Количественный анализ выявленного массива специальных исследований свидетельствует о систематическом, интенсивном изучении этой группы личных библиотек, что подтверждают виды и жанры представления результатов изучения. Как и в предыдущие периоды, самым распространенным видом являются статьи в специальных периодических и продолжающихся изданиях, материалах конференций. Нельзя не заметить расширения круга изданий, в которых публикуются статьи и материалы по этой теме: помимо библиотековедческих и книговедческих журналов и сборников все более активно статьи о библиотеках ученых появляются в научных периодических изданиях тех областей знания, в которых проявили себя владельцы библиотек, а также в изданиях по истории науки. Результаты выявления, описания и изучения владельческих экземпляров из библиотек ученых экспонируются на книжных выставках, часто информация о них представляется на сайтах библиотек. Новыми формами можно считать отражение результатов изучения библиотек ученых в форме мемориальных кабинетов и библиотек, в том числе электронных (19), а также в опубликованных отчетах по грантам и НИР.

Монографические исследования все еще редко встречаются в потоке литературы по этой теме. К ним следует относить не только монографии, диссертационные исследования, сборники исследований и матери-

алов, комплексно представляющие библиотеку, но и научные каталоги (описания) библиотек. Именно в каталогах в наиболее полной и совершенной форме выражается целостное единство, которое представляет собой библиотека ученого. Издание научного каталога той или иной библиотеки, как правило, стимулирует дальнейшие исследования самой библиотеки, а также научного и культурного наследия ее владельца. За рассматриваемый период было издано 19 каталогов личных библиотек ученых в разных городах (Москва, Петербург, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Новосибирск, Саранск, Тамбов, Ульяновск). Это неоднородная группа с точки зрения методических подходов, полноты описания отдельных экземпляров и отражения состава библиотеки, формы публикации (самостоятельное издание или публикация каталога в сборнике или продолжающемся издании). Среди них, например, научные каталоги личной библиотеки М.В. Ломоносова, отразившие современный уровень исследований этой библиотеки (20), систематическое изучение которой, как известно, было начато еще в начале 1960-х годов.

Во вступительных статьях и предисловиях, сопровождающих эти каталоги, сформулированы методические подходы, которыми руководствовались составители, приведены необходимые сведения об истории библиотеки ученого, истории ее изучения и реконструкции [8]. Различия в методических подходах к созданию каталогов можно проследить на примерах двух каталогов: философа И.А. Ильина и филолога А.Л. Бема (21). Во втором из них максимально полно были описаны особенности экземпляров, входивших в состав библиотеки: воспроизведены тексты дарственных и владельческих надписей, а также все следы чтения, тогда как в первом следы чтения были лишь зафиксированы, но воспроизведена лишь незначительная их часть, что было обусловлено большим объемом помет.

Особое значение для исследователей библиотек ученых и науковедов имеет подготовленный С.И. Зенкевич каталог библиотеки В.В. Данилевского [9], известного историка науки, книговеда, библиографа и библиофила. Этот каталог, включающий описания нескольких тысяч книг, может служить оригинальным путеводителем по истории различных областей науки и техники, научному книгоизданию в этих областях, чему способствует тщательная систематизация материала.

Все большее распространение в настоящее время получают каталоги, в которых приведен корпус дарственных надписей на книгах той или иной библиотеки. Одним из интересных опытов такого рода является каталог книг с дарственными надписями в библиотеке историка литературы Г.П. Макогоненко (22). В нем описано более семисот книг с автографами писателей и ученых, адресованных Макогоненко, в том числе А.А. Ахматовой, Ю.М. Лотмана, Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, В.Я. Проппа, Д.С. Лихачева и многих других. В описании указываются выходные данные книги — носителя инскрипта, место его локализации и техника исполнения. В предисловии А.Л. Соболева проанализирована хронология инскриптов, показано, как административная, педагогическая и научная деятельность советского ученого и его личные и профессиональные взаимоотношения на разных этапах жизни отражались на составе дарителей и содержании дарственных надписей.

Два каталога дарственных надписей из библиотеки известного филолога и культуролога М.М. Бахтина были изданы в Саранске (23). Подготовка и издание сразу двух каталогов объясняется тем, что книги из коллекции ученого хранятся в двух книгохранилищах Саранска: в фонде Национальной библиотеки имени А.С. Пушкина Республики Мордовия и в Центре им. М.М. Бахтина при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева. Нельзя не согласиться с составителями в том, что «...введение в научный оборот этих инскриптов имеет огромное значение для изучения как биографии и творчества самого Бахтина, так и культуры целой эпохи» (24, с. 17).

Профессиональное сообщество высоко оценило оба каталога (25). Рецензенты справедливо отмечали, что «... в каталоге зримо представлена рецензия личности и творчества Бахтина, воссоздана важная страница интеллектуальной истории XX века» (26, с. 283). Можно добавить, что в процессе работы над этими каталогами, а также после их издания были опубликованы многочисленные статьи филологов, культурологов, философов, предметом которых стали дарственные надписи, адресованные М.М. Бахтину, и состав его библиотеки. За это время появилось свыше 20 статей, построенных на материалах библиотеки ученого.

Стоит обратить внимание еще на один каталог дарственных надписей, хотя в нем приведены инскрипты на экземплярах книг из разных личных библиотек, принадлежавших ученым (27). Этот и подобные ему каталоги, ориентированные на определенную область науки, могут более успешно использоваться для реконструкции библиотек ученых в отличие от универсальных сводов инскриптов, включающих описание дарственных надписей представителей разных профессий и сословий.

Пока еще редко встречаются каталоги библиотек ученых, в которых специально отражены отдельные виды и типы документов, а также отдельные тематические массивы. В качестве примера подобных каталогов можно назвать каталог авторефератов в составе коллекции историка, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова М.Т. Белявского, в настоящее время хранящейся в кабинете истории Марийского государственного университета [10]. В каталоге, который был опубликован в Марийском археографическом вестнике, в хронологическом порядке приведены описания авторефератов диссертаций, адресованных профессору, в том числе приводятся тексты дарственных надписей. Не вызывает сомнения, что каталог является важным источником для биографии ученого, характеристики его научного окружения, для определения его места и роли в истории науки.

Цифровизация и возможности электронной среды позволяют создавать электронные каталоги. Заслуживающий внимания опыт создания электронных каталогов библиотек ученых накоплен в ГПНТБ СО РАН (см. примеч. № 19).

За рассматриваемый период было выявлено лишь два диссертационных исследования, предметом которых были библиотеки ученых. Диссертация казанского книговеда Н.Н. Горшковой посвящена проблеме доступности личных книжных коллекций ученых [11]. Основной заслугой диссертанта можно считать введение в научный оборот сведений о личных книжных собраниях ученых, хранящихся в настоящее время в кни-

гохранилищах Казани. Это исследование стимулировало процесс выявления и дальнейшего изучения библиотек этой группы. Вместе с тем это несомненно актуальное исследование требует критического отношения к некоторым его положениям и вызывает вопросы. Не вполне обоснованы утверждения автора относительно библиофильства ученых: «Понятия личные книжные коллекции ученых и библиофил-ученый применимы к объектам библиотековедения в философско-культурологической трактовке»; «В свою очередь, библиофил-ученый — это книголюб, собирающий книги, соответствующие его научным и общекультурным интересам, осознающий их научную, историческую и культурную ценность и предоставляющий свое собрание заинтересованному в нем сообществу» [11, с. 8]. Можно отметить также «вольное» отношение исследователя к предшествующей историографии, другими словами, эта диссертация продемонстрировала в том числе некоторые проблемы, характеризующие состояние изучения книжных собраний ученых, высветив ряд дискуссионных вопросов.

Яркий пример синтеза книговедческого и филологического исследования библиотеки ученого-филолога, профессора словесности и цензора А.В. Никитенко представлен в диссертации томского исследователя Н.В. Гончаровой [12]. Опираясь на анализ состава библиотеки и ее владельческих особенностей в сопоставлении с другими источниками, автор убедительно показал, что библиотека Никитенко представляет его профессиональную и творческую деятельность, что прочитанные им тексты отражаются в его статьях, лекциях, критических и теоретических работах. Все ипостаси ученого и общественного деятеля так или иначе проявились в целенаправленном отборе книг, в содержании дарственных надписей, в его маргиналиях. Автор отмечает: «Изучение личной библиотеки А.В. Никитенко как фактора формирования мировоззрения на основе совмещения библиотековедческого и литературоведческого подходов является органичной частью актуального направления современной отечественной науки о литературе, реконструкции истории литературного быта и институализации» [12, с. 7].

Самарская областная универсальная научная библиотека представила результаты изучения библиотеки профессора, доктора филологических наук И.М. Машбиц-Верова в форме коллективного сборника [13], в состав которого вошли материалы биографического характера, публикация фрагментов его дневников, а также ряд обстоятельных статей: Голубков С.А. Книга и чтение в жизни профессора И.М. Машбиц-Верова [13, с. 8–17]; Князева Т.В. Профессор И.М. Машбиц-Веров и его книжное собрание [13, с. 18–27]. Основная часть сборника — каталог книг из библиотеки И.М. Машбиц-Верова, который включает описания экземпляров изданий, хранящихся в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки (СамОУНБ), Самарского литературно-мемориального музея им. А.М. Горького (СЛМ), Фундаментальной библиотеки Самарского государственного социально-педагогического университета (ФБ СГСПУ). В каталог включены более 750 библиографических записей, просмотренные *de visu*. Описания систематизированы по видам изданий. Большая часть библиографических записей содержит аннотации, включающие в себя сведения о дарственных надписях, автографах, вклейках, пометах.

Следует признать, что данная форма представления результатов изучения вполне соответствует задаче комплексно представить информацию о библиотеке и ее владельце для широкой аудитории. Сборник, а особенно каталог в его составе, может стать отправной точкой для последующих исследований. Несколько снижает возможности его использования «глухое» указание наличия помет и записей, без отсылки к страницам.

Одной из развивающихся тенденций представления результатов изучения личных библиотек можно назвать популяризацию информации о них в различных формах: рекомендательные библиографические пособия, научно-популярные иллюстрированные каталоги, мемориальные электронные библиотеки. Приведем несколько примеров.

В недавнее время появилась «новая старая» форма — рекомендательные библиографические пособия, целевое назначение которых — привлечь внимание к книжным коллекциям ученых-этнографов и Приморскому краю, а также к использованию их информационного потенциала. Кроме того, рекомендательные пособия, по мнению их составителей, способствует сохранению культурного наследия ученых (28). Эта форма неслучайно появилась в библиотеке Дальневосточного федерального университета: читательский адрес рекомендательных указателей — студенты и аспиранты соответствующих специальностей. Эти рекомендательные пособия представлены в печатной и электронной формах.

Привлечь внимание студентов, аспирантов и молодых ученых к личной библиотеке известного ученого-филолога Ф.З. Кануновой, профессора Томского государственного университета, и сделать доступными книги из ее собрания призваны специальные научно-популярные издания в форме иллюстрированных каталогов книг (28). Выбор именно данной библиотеки для популяризации ее в среде молодых ученых неслучаен. Одним из главных направлений научной деятельности Ф.З. Кануновой был исследовательский проект по изучению личной библиотеки В.А. Жуковского, инициатором и одним из руководителей которого она была. Отметим, что изучение библиотеки Жуковского положило начало систематическому изучению личных библиотек в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета, в том числе и библиотек ученых. Издания из библиотеки ученого могут быть востребованы новым поколением исследователей, в сфере научных интересов которых различные аспекты изучения личных библиотек.

Приведенные примеры демонстрируют актуализацию информационной и мемориальной функций личных книжных собраний ученых. Разные формы популяризации информации о них рассчитаны на различные аудитории.

Среди современных исследований личных библиотек ученых большой интерес вызывают работы об изменениях их функций и форм в условиях цифровой среды и о будущем этой группы личных библиотек. Широкой и своевременной постановкой этой проблемы отличается статья томских исследователей [14], принципиально важная для осмысления библиотеки как историко-культурного источника в современных условиях. Авторы сравнивают использование книги в бумажном и электронном виде, выделяя следы, доступные для изучения в том и другом

случае. Подчеркивается эфемерность и изменчивость состава и характеристик электронных личных библиотек ученых, с одной стороны, с другой — их неразрывная связь с электронными архивами: «Индивидуализированные практики использования <...> превращают персональную цифровую библиотеку в совокупности с цифровым архивом в некий слепок профессиональной деятельности академического работника. Этот комплекс материалов обладает безусловной ценностью как потенциальный источник по истории науки и культуры» [14, с. 268]. Авторы подчеркивают: «Для некоторых направлений культурологических и исторических исследований, в которых большое внимание уделялось изучению традиционных личных библиотек и интерес исследователя был сосредоточен на каналах формирования и распространения знания, личности ученого, его самоидентификации, только предстоит ответить на вопрос, насколько продуктивным может быть обращение к личным цифровым библиотекам в качестве источниковой базы. <...> так как наблюдается явная типизация и набора используемых в повседневной жизни технологических инструментов, и практик их использования. Это в конечном итоге приводит к деиндивидуализации следов творческой деятельности» [14, с. 268].

Таким образом, в современной историографии нашли отражение самые различные аспекты изучения феномена личной библиотеки ученого. Можно выделить наиболее распространенные темы исследований отдельных библиотек: обзорная характеристика той или иной библиотеки в составе общественного книгохранилища; владельческие признаки (книжные знаки, переплеты, инскрипты, маргиналии); тематический, отраслевой, языковой, географический и хронологический состав; отдельные типы и виды изданий и документов (словари, оттиски, периодика, машинописные и ксерокопии, газетные вырезки, фото, альбомы, гравюры, ноты, конволюты и аллигаты); издания отдельного автора в составе библиотеки; характеристика отдельных экземпляров; история формирования, хронология развития, источники комплектования; характеристика имеющихся инвентаризирующих документов (каталоги разных видов, описи, списки); отражение библиотеки в письменных и изобразительных источниках; судьба библиотеки: история и обстоятельства поступления в общественные книгохранилища (продажа, дар, физическое исчезновение, распыление экземпляров и фрагментов библиотеки, наличие их в общественных и личных книжных собраниях); книги прежних владельцев в составе собрания; проблемы реконструкции; книжные редкости; владелец как библиофил; степень открытости библиотеки; читательские интересы и круг чтения владельца.

Пути изучения той или иной библиотеки трудно регламентировать. Направления и последовательность изучения определяются многими факторами: период создания и активной жизни библиотеки, ее сохранность и степень локализации в одном или нескольких книгохранилищах, наличие каталогов, описей и других документов, фиксирующих состав собрания на определенный момент, их качество и степень достоверности, наличие признаков владельческой принадлежности, отражение сведений о библиотеке в различных опубликованных и неопубликованных источниках (мемуары, письма, изобразительные источники и др.). При-

менительно к библиотекам ученых можно добавить к этому перечню и списки цитируемой литературы в их опубликованных трудах.

В настоящее время не существует последовательно изложенной методики изучения личных библиотек ученых. Вместе с тем в свое время в работах известных российских книговедов были сформулированы методологические подходы к их изучению, показаны отличительные характеристики этой группы личных книжных собраний. Речь идет прежде всего о программных статьях А.С. Мыльникова [15]. Ссылки на них в работах современных исследователей далеко не всегда свидетельствуют о внимательном изучении и освоении сформулированных ученым теоретико-методических положений, и далеко не всегда эти положения влияют на исследовательские стратегии современных исследователей.

Современный период развития историографии характеризуется активным интересом исследователей к личным книжным собраниям ученых, формированием и становлением исследовательских центров, где изучение библиотек ученых носит систематичный характер, разнообразием форм и жанров представления результатов изучения, расширением круга библиотек ученых разных специальностей, ставших предметом изучения.

В настоящее время ведущими центрами изучения личных библиотек ученых по-прежнему являются академические и вузовские библиотеки: Библиотека РАН и ее отделения и филиалы не только в Москве, но и в российских регионах: Библиотека ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), БЕН РАН, ГПНТБ СО РАН, ЦНБ ДВО РАН, ЦНБ Казанского Научного Центра РАН и др. Среди вузовских библиотек выделим научные библиотеки Томского и Московского государственных университетов, Фундаментальную библиотеку Российского государственного педагогического университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и др. Как тенденцию отметим все более активное участие в изучении личных библиотек ученых в областных, краевых и республиканских библиотеках, а также в библиотеках музеев.

Внимание профессионального сообщества к этому направлению высветило ряд аспектов, интерес к которым был явно недостаточным. До сих пор актуальными являются вопросы терминологии. К сожалению, некоторые авторы произвольно употребляют казалось бы известные термины и определения, принятые в книговедении и закрепленные в специальных терминологических словарях: например, слово «маргиналии» употребляется в значении дарственная надпись; библиотеки ученых часто называют библиофильскими и др. Становится очевидной необходимость сотрудничества книговедов и историков науки для дальнейшего изучения этой группы личных книжных собраний. В исследовательском поле редко встречаются работы, в которых рассматриваются функции библиотек и возникающие в связи с этим вопросы: как менялись библиотеки ученых во времени; как проявлялись и проявляются историко-культурная и информационная функции; как состав и объем библиотеки зависели от общественной и административной работы владельца, личного и профессионального окружения. Зачастую за рамками исследований остается комплекс вопросов, важных для характеристики библиотеки: эволюция, хронология формирования, связь архива и биб-

лиотеки, расположение библиотеки в пространстве жилища, интерьер, система расстановки и хранения книг, оттисков статей, вырезок, изобразительных материалов, соотношение круга чтения ученого и состава его библиотеки. По-прежнему, как и в предыдущие периоды, отсутствуют историографические исследования.

Примечания

1. Задача специального анализа историографии личных библиотек отдельных профессиональных групп, в том числе и книжных собраний ученых, в монографии О.Н. Ильиной не ставилась. См.: Ильина О.Н. Личные библиотеки в России: терминология и историография / РНБ. — Санкт-Петербург, 2022. 316 с.

2. При отсутствии в настоящее время текущего библиографического учета литературы по книговедению для выявления потока исследований использовались базы данных и текущие указатели ИНИОН РАН, научные электронные библиотеки (elibrary.ru; cyberleninka.ru), сайты научных библиотек. Очевидно, что при широком рассеянии литературы по данной теме в различных отраслевых периодических и продолжающихся изданиях не все опубликованные материалы могли быть выявлены и учтены. Однако выявленный поток специальной литературы отразил, на наш взгляд, современные тенденции развития историографии этой темы.

3. Беляев Н.С. Книги с дарственными надписями из собрания С.А. Венгерова в фонде библиотеки Пушкинского дома // Печать и слово Санкт-Петербурга 2016. XVII Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2016 г.: сб. науч. тр. Ч. 1. Санкт-Петербург, 2016. С. 17–24;

Беляев Н.С. Из истории личных книжных собраний Пушкинского Дома: библиотека академика Н.А. Котляревского // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: материалы Третьего науч.-метод. семинара 13–14 октября 2020 г. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2021. С. 219–232

Беляев Н.С. История поступления собрания Б.Л. Модзалевского в библиотеку Пушкинского Дома // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. / РНБ. Санкт-Петербург, 2022. С. 271–277.

Беляев Н.С. Книги из собрания В.А. Мануйлова в фонде отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2012): в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 1.: Книжное дело. Культурология: сб. науч. тр. С. 117–126.

Беляев Н.С. Собрание В.Б. Кудрявцева в фонде Отдела библиотеки Российской академии наук при институте русской литературы РАН // Наука и библиотека: сборник науч. тр. 2022. № 4. С. 139–147.

4. Беляев Н.С. История библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016 / [отв. ред. Г.В. Бахарева]; Б-ка РАН; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). — Санкт-Петербург: «Реноме», 2019. 688 с., [32] с. ил.

5. См., например, серию статей о библиотеках П.А. Кулаковского и П.А. Ровинского: Жабрева С.А. П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья // Славянский мир: общность и многообразие: конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 25–26 мая 2021 г. Москва, 2021. С. 24–28.

Деятельность П.А. Кулаковского, отраженная в экземплярах Славянского фонда БАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 2 (67). С. 135–137.

Конволюты из личного собрания П.А. Кулаковского в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: Вып. 2: материалы второго науч.-метод. семинара (РНБ, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2018 г.). Санкт-Петербург, 2019. С. 167–174.

Книжные корреспонденты П.А. Ровинского (на материалах сербо-хорватского отдела Славянского фонда БАН) // Славянский мир: общность и многообразие: тез.

конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 21–22 мая 2019 г. М., 2019. С. 10–13.

Дарственные надписи и пометы на книгах из личной библиотеки П.А. Ровинского (по материалам сербо-хорватского отдела Славянского фонда БАН) // Славянский мир в третьем тысячелетии 2019. Т. 14. № 3–4 С. 188–199.

6. См.: Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю. Книги из личной библиотеки Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в Славянском фонде БАН // Славянский мир: общность и многообразие: тез. конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, 21–22 мая 2019 г. Москва, 2019. С. 7–10.

Колмакова М.В. Словенистика из личной библиотеки И.А. Бодуэна де Куртенэ в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук // Славяноведение. 2020. № 1. С. 101–109.

Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю. Книги из личной библиотеки Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в Славянском фонде БАН // Славяноведение. 2020. № 1. С. 101–109.

Кульматова Т.В. Личная библиотека И.А. Бодуэна де Куртенэ после 1918 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4 (69). С. 117–126.

Кульматова Т.В. Личная библиотека И.А. Бодуэна де Куртенэ в БАН: (по материалам СПбФ АРАН) // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы V Международ. науч. конф. (Пинск, 9–30 мая 2019 г.). Минск; Москва, 2019. С. 244–254.

Чернышенко Д.Ю. «Ветвь с плодами»: экслибрис И.А. Бодуэна де Куртенэ // Экслибрисы как информационный ресурс для изучения книжной культуры / РГБ. Москва, 2019. С. 172–175.

7. Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / Б-ка Рос. акад. наук; сост.: М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко; отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2016. 64 с.: ил. — (Сер. Славянский фонд. Вып. 1).

8. См., например: Дракулич-Прийма Д. История приобретения книжной коллекции Вука Стефановича Караджича библиотекой Российской академии наук // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы междунар. науч. семинара Москва, 2016. С. 88–92.

Дракулич-Прийма Д. Календари в личной библиотеке Вука Стефановича Караджича // Румянцевские чтения — 2021. Материалы Международной науч.-практ. конф. В 2-х частях. / сост. Е.А. Иванова. Москва, 2021. С. 264–268.

Дракулич-Прийма Д. Дарственные надписи в книгах из книжной коллекции Вука Стефановича Караджича в Библиотеке Российской академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1 (70). С. 83–91.

Дракулич-Прийма Д. Книги по истории в личной библиотеке Вука Стефановича Караджича // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: Вып. 2: материалы второго науч. метод. семинара (РНБ, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2018 г.). Санкт-Петербург, 2019. С. 120–137.

9. См.: Соколова Н.Ю. Библиотека как необходимое условие исследовательской деятельности ученого: концепция Д.Б. Рязанова в контексте исследований феномена институтов социальной памяти // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. редакторы А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. Москва, 2016. С. 127–134.

Сидорова Л.А. Личные книжные собрания в исследовательской деятельности отечественных историков XX в.: традиции и современность // С. 148–160.

10. Панях А.В. Личные книжные коллекции ученых в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии как информационный ресурс для исследований в области истории // Там же. С. 160–169.

Панях А.В. Личные библиотеки ученых как культурно-историческое наследие и информационный ресурс исторической науки: из фондов Научной библиотеки Государственного музея истории религии // Румянцевские чтения — 2016. Ч. 2.: материалы научно-практической конференции Российской государственной библиотеки, (12–13 апреля 2016): [в 2-х ч.] / Российская гос. библиотека и др. — Москва, 2016. С. 19–23.

Библиотеки российских ученых историков: судьба личных собраний // Связь времен и творчество историка: памятный сб. к 90-летию Виктора Моисеевича Панеяха / Санкт-Петербургский институт истории РАН; сост. и отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром. Санкт-Петербург, 2021. С. 390–425.

11. См., например: Акишин С.Ю. К вопросу о судьбе архива и библиотеки профессора А.А. Дмитриевского // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 118–127.

Юдин А.А., Кожевников М.Г. Инскрипты и владельческие знаки на книгах из собрания А.А. Клибанова // Библиосфера. 2022. № 1. С. 29–38.

Перекрестова С.В. А.С. Лаппо-Данилевский и его личная библиотека (владельческие записи ученого на примере его личных экземпляров работ Н.И. Кареева) // Клио. 2022. № 7. С. 121–128.

12. Панченко Е.З. Книги с автографами в библиотеке Н.П. Лихачева: статистический обзор // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4(8). С. 260–267.

Субботина Е.В. Книги из библиотеки Н.П. Лихачева в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина // Библиофилы России: альманах. Москва, 2018. Т. XIV. С. 167–178.

Золотова Е.Ю. Иллюминированные документы Венецианской республики XV–XVII веков из коллекции Н.П. Лихачева // Художественная культура. 2020. № 3(34). С. 194–213.

13. Зенкевич С.И. Мемориальное книжное собрание В.В. Данилевского в фонде Библиотеки СПбФ ИИЕТ // Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке: Юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской академии наук, Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2014 г.: тезисы докладов. — Санкт-Петербург: Б-ка Российской акад. наук, 2014. С. 35–36.

Зенкевич С.И. О роли мемориальных книжных собраний в истории фонда сектора БАН при СПбФ ИИЕТ РАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3 (68). С. 79–84.

Зенкевич С.И. История книжных собраний сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале института истории естествознания и техники РАН // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 34–47. Личная библиотека К.М. Завадского как историко-научный источник // Историко-биологические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 50–72.

Зенкевич С.И. Советский ученый и его социальные связи: инскрипты книжной коллекции В.В. Данилевского (по материалам фонда Сектора БАН при СПбФ ИИЕТ) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 56–73.

Зенкевич С.И. К истории академической библиотечной сети: книжные коллекции в фонде сетевой библиотеки историко-научной направленности // Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2-х томах. Москва, 2023. С. 332–336.

Басаргина Е.Ю., Зенкевич С.И. К реконструкции походной библиотеки Д.Г. Мессершмидта // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конф. Санкт-Петербург, 2020. С. 663–667.

Зенкевич С.И. Личная библиотека А.А. Киселева в Секторе БАН при СПбФ ИИЕТ: предварительные замечания // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XXXVIII Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. / СПб. Филиал Ин-та истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова и др. Санкт-Петербург, 2017. С. 286–287.

Зенкевич С.И. Личная библиотека К.М. Завадского как историко-научный источник // Историко-биологические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 50–72.

Зенкевич С.И. К.М. Завадский как читатель: инскрипты на книгах из личной библиотеки ученого // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. Сер. «Наука и техника: Вопросы истории и теории» Санкт-Петербург, 2021. С. 85–86.

14. Тищенко А.А. Частная библиотека ученого-природоведа В.И. Вернадского // Румянцевские чтения — 2012: материалы всерос. науч. конф. М., 2012. ч. 2. С. 281–287;

Спирова В.И. Духовный мир В.И. Вернадского: ученый и книги (к 150-летию со дня рождения) // Библиотекосведение. 2013. № 6. С. 68–75.

Янин Е.П. О необходимости изучения личной библиотеки В.И. Вернадского как историко-культурного источника // Янин Е.П. Их архивного наследия академика В.И. Вернадского. История геологических наук и научного знания. Москва, 2021. С. 139–170.

15. Описание библиотеки П.М. Бицилли и А.П. Мещерского / сост. Л.В. Герашко, В.Б. Кудрявцев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 67–222.

Каталог библиотеки Ивана Александровича Ильина: из собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ / МГУ им. М.В. Ломоносова; [сост.: И.В. Овчинкина под ред. И.Л. Великодной]. Москва: Изд-во Московского университета, 2011. 193 с.: ил.

Библиотека А.Л. Бема. Варшава–Прага: 1921–1945: опыт реконструкции и описания / Славянская библиотека в Праге; сост.: М. Магидова, О.Н. Ильина. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, 2021. 496 с.: ил.

16. См., например: Карташова Т.П. Библиотека ученого (на примере библиотеки профессора Г.Г. Тельберга (1881–1954) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 122–125.

Ильина О.Н., Магидова М. Отдельные оттиски в системе научного общения. На примере собрания оттисков из личной библиотеки А.Л. Бема // Книга: исслед. и материалы. 2012. № 96–97. С. 122–135.

Овчинкина И.В. Маргинальный комментарий, или как И.А. Ильин читал Г. Раевского // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. Москва, 2015. С. 451–464.

17. Самарин А.Ю. Пять дарственных надписей П.Н. Беркова на книгах из моей библиотеки // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2019: материалы Междунар. науч. конф. Пинск, 29–30 мая 2019. Минск: Москва, 2019. С. 466–472.

Самарин А.Ю. Книги с инскриптами П.Н. Беркова на современных книжных аукционах // Берковские чтения — 2021. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы VI Междунар. науч. конф. Гродно, 26–27 мая 2021. Минск; Москва, 2021. С. 499–503.

Самарин А.Ю. Инскрипты литературоведа и историка библиофильства П.Н. Беркова в моем собрании // Про книги. 2019. № 2 (50). С. 80–90.

Самарин А.Ю. С.И. Вавилов — библиофил и знаток антикварной книги (на материале «Дневников») // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы IX Междунар. науч. семинара: в 2 частях. Москва, 2018. Ч. 1. С. 116–122.

Самарин А.Ю. Вавилов как библиофил и коллекционер // Про книги: журнал библиофила. 2019. № 1. С. 56–69.

Самарин А.Ю. «Стандартный антикварный сон»: Академик С.И. Вавилов как библиофил и коллекционер // Про книги. 2019. № 1. (49). С. 56–69.

Самарин А.Ю. Книги из библиотеки академика Н.П. Лихачева на современных антикварных аукционах // Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы VII Междунар. науч. конф. в 2-х томах. Москва, 2023. С. 243–247.

Самарин А.Ю. Дарственные надписи академика Н.П. Лихачева коллегам-историкам на современных антикварных аукционах // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXV Всерос. науч. конф. Москва, 2023. С. 310–312.

18. Ваганов А.Г. Коллекционирование как основная форма проявления исследовательского инстинкта ученого // История науки и техники в свидетельствах и памятниках: материалы науч. конф., Москва, 24 апр. 2014 г. / Институт истории естествознания и техники Рос. акад. наук. Москва, 2014. С. 19–20.

Ваганов А.Г. Коллекционирование как форма проявления исследовательского инстинкта ученого // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 3. С. 91–104.

19. См., например, статьи, отразившие опыт исследователей ГПНТБ СО РАН по созданию электронных мемориальных библиотек:

Павлова И.А. Организация и использование электронных мемориальных библиотек // Научные библиотеки в новом тысячелетии: проблемы взаимодействия ресурсов: материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2002. С. 150–154;

Павлова Л.П. Мемориальная библиотека академика В.А. Коптюга — научное и культурное наследие Сибирского отделения РАН // Библиотеки региона в системе социокультурных и научных коммуникаций: сборник научных трудов. — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010. С. 44–52;

Юдина И.Г. Мемориальные библиотеки: современная модель (на примере мемориальных библиотек академиков В.А. Коптюга и Н.Н. Яненко) // Новые электронные технологии в информационном обслуживании ученых и специалистов Сибирского отделения Российской академии наук: материалы науч.-практ. семинара (Красноярск, 1–5 июля 2013 г.). Новосибирск, 2014. С. 66–69;

Павлова Л.П., Дубовенко В.А. Мемориальные библиотеки: сохранение и пути развития // Науч. и техн. б-ки. — 2012. № 2. С. 78–84;

Андреева Е.Ю., Пронина Ю.С. Мемориальный комплекс документов ученого энциклопедиста А.И. Фета в фонде ГПНТБ СО РАН // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 11. С. 26–37.

20. Библиотека М.В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг / Б-ка Рос. акад. наук; сост. А.Е. Карначев [и др.] Москва: Ломоносов, 2010. 279 с., ил.

Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова в библиотеке Российской академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга: [к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова] / Б-ка Российской акад. наук; [сост. А.Е. Карначев, И.Н. Лебедева, Е.А. Савельева]. — Санкт-Петербург: БАН, 2011. 181, [1] с., [26] л. ил.: ил.

21. См. подробнее об этих каталогах: Ильина О.Н. Каталоги личных библиотек российских эмигрантов как историко-культурный источник // Книга в медиaprостранстве: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф. «XXI Смирдинские чтения», посв. 100-летию со дня рождения И.Е. Баренбаума / Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Санкт-Петербург, 2020. С. 182–195.

22. Дружинин П.А. Книги с дарственными надписями в библиотеке Г.П. Макогоненко / П.А. Дружинин, А.Л. Соболев. — Москва: Трутень, 2006. 234, [1] с.: портр.

23. Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М.М. Бахтина» Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия: каталог / ГБУК «Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Мордовия», Отдел редких книг и работы с книжными памятниками; [сост. Н.Н. Земкова]. Саранск: [б.и.], 2018. 263 с.: цв. ил.

Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост. И.В. Клюева, Н.Н. Земкова; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.

24. Собрание инскриптов... Указ. соч. С. 17.

25. Киржаева В.П., Осовский О.Е. Дарственные надписи на изданиях из библиотеки М.М. Бахтина в контексте истории литературоведения // Русская литература. 2022. № 1. С. 282–283.

Маслова Е.Г., Дубровская С.А. «Гениальному Михаилу Михайловичу Бахтину...». Каталог инскриптов на книгах, подаренных М.М. Бахтину, как источник его научной биографии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 164–178.

26. Киржаева В.П., Осовский О.Е. Указ соч.

27. Инскрипты из фондов Библиотеки им. В.Г. Белинского: каталог / Свердловская обл. науч. б-ка. Вып. 2: «Не лыком шитому от шитого не лыком»: дарственные надписи ученых естественных и технических наук XIX — начала XX века / авт. сост. О.В. Морева, И.А. Шумкова; авт. предисл. О.В. Морева. Екатеринбург, 2021. 240 с.

28. Сырцева Т.И. Владельческая книжная коллекция Николая Владимировича Кочешкова как информационный ресурс для развития культурно-исторической привлекательности Приморского края // Краеведение как источник и ресурс развития современного Приморская краевая публичная библиотека имени А.М. Горького; Владивосток, 2017. С. 87–93.

Сырцева Т.И. Опыт Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета по созданию рекомендательных тематических библиографических указателей по владельческим книжным коллекциям как сохранения культурного наследия ученых // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13–2. С. 429–435.

Сырцева Т.И. Рекомендательный тематический указатель по владельческой книжной коллекции Г.А. Отаиной: из фонда редкой и ценной книги НБ ДВФУ [Электронный ресурс] / сост. Сырцева Т.И. Владивосток: [б.и.], 2015. 58 с. URL: <https://eliv.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:00080>

29. Сулова Д.Ю. Библиотека ученого глазами современного студента-пользователя (на примере библиотеки профессора Ф.З. Кануновой) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 2019. Вып. 19. С. 413–414.

Сулова Д.Ю. Своеобразие редакционно-издательской подготовки иллюстрированного книжного каталога научно-популярного типа (на материале библиотеки Ф.З. Кануновой) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VI (XX) Междунар. конф. молодых ученых, г. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Томск, 2020. Вып. 20. С. 373–374.

Список источников

1. Аристова Л.Ю. Фрагмент личной библиотеки О.М. Бодянского в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН // Славяноведение. 2020. № 1. С. 110–119; Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю. Книги из библиотеки О.М. Бодянского в иностранном фонде Библиотеки Российской академии наук // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 230–244.

2. Дракулич-Прийма Д. Четвертое заседание круглого стола Отдела фондов и обслуживания «Книжные коллекции, библиотеки и собрания в библиотечных фондах» // Наука и библиотека: сб. науч. тр. 2021. № 3. С. 171–180.

3. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. редакторы А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. — Москва: Этерна, 2016. 672 с.

4. Леонов М.В. Наследие Д.П. Сырейщикова в цифровую эпоху: библиотека и коллекции // Румянцевские чтения — 2019: материалы Международной науч.-практ. конф. Москва, 23–24 апр. 2019 года. В 3-х частях. Ч. 2. Москва, 2019. С. 124–127.

5. Овчинников Д.В., Мамаева С.А. Личные книжные собрания в фонде библиотеки Военно-медицинской академии // Известия Российской военно-медицинской академии. 2023. Т. 42. № 3. С. 311–318.

6. Евдокименкова Ю.Б., Соболева Н.О. Материалы к реконструкции личной библиотеки академика А.Е. Чичибабина // Библиотековедение. 2018. Т. 67. № 3. С. 291–298.

Евдокименкова Ю.Б., Соболева Н.О. Личная библиотека А.Е. Чичибабина как отражение профессиональных интересов и коммуникаций ученого // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 3. С. 94–109.

7. Маркушевич А.И. Библиотека ученого // Маркушевич А.И. Жизнь среди книг. Москва, 1989. С. 281–294.

8. Лебедева И.Н. Об истории личной библиотеки М.В. Ломоносова // Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова в библиотеке Российской академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга ... Указ. соч. С. 13–18.

9. Мемориальное книжное собрание Виктора Васильевича Данилевского (из фондов Сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН): каталог / сост. С.И. Зенкевич; науч. рук. И.М. Беяева. — СПб.: БАН, 2017. 367 с.

10. Иванов А.Г., Полушина М.А. Из дарственной коллекции профессора М.Т. Белявского: авторефераты диссертаций // Марийский археографический вестник. 2016. № 26. С. 178–256.

11. Горшкова Н.Н. Личные книжные коллекции ученых в фондах научных библиотек: проблемы доступности: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. — Казань, 2012. 22 с.

12. Гончарова Н.В. Библиотека А.В. Никитенко как репрезентант его творческой и профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск, 2017. 23 с.

13. Профессор И.М. Машбиц-Веров и его библиотека / Министерство культуры Самарской области, Самарская областная универсальная научная библиотека; ред. коллегия: Н.М. Малкова [и др.]. — Самара: Арт-Лайт, 2019. 223, [1] с.: ил.

14. Рожнева Ж.А., Асташова Е.А. Личные библиотеки представителей академического сообщества в цифровую эпоху: изменение форм и смыслов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 258–272.

15. Ильина О.Н. Александр Сергеевич Мыльников (1923–2003) как исследователь личных библиотек // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: материалы V Междунар. Науч. конф (Москва, 24–26 октября 2012 г.) В двух частях. Ч. 2. Чтения имени Н.М. Сикорского. Москва, 2012. С. 39–50.

ILINA O. The modern Russian historiography of personal libraries of scientists

Irina Olga — Candidate of Pedagogical sciences, Senior Researcher at the Research Department of Book Studies of the Russian National Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: o_ilina@mail.ru

ABSTRACT

The Russian historiography of scientists' personal libraries for the last 15 years is considered. A quantitative characteristic of the research flow is given. Groups of scientists whose book collections were studied especially actively during this period were identified: philologists, Slavists, historians. The forms of research results presentation are analyzed: monographs, scientific catalogs, dissertation research, articles. The activity of the main centers for the study of scientists' personal libraries is briefly described: the Russian Academy of Sciences Library, the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the Research Library of Tomsk State University. Perspective directions for further development of this field of book studies are outlined.

Keywords: book studies, historiography, personal libraries of scientists, personal libraries catalogues.

И.А. Иванов, А.О. Глинская, А.А. Чайковская
**ОПИСАНИЕ ПЕРЕПЛЕТА СТАРИННЫХ КНИГ XIII–XIX ВЕКОВ:
конструкция, особенности, терминология**

Иванов Иван Александрович — ведущий редактор, редакционно-издательский отдел, Библиотека Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ooogarda@yandex.ru

Глинская Анастасия Олеговна — студентка бакалавриата Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nast.glinskaja@yandex.ru

Чайковская Александра Александровна — студентка бакалавриата Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: happychaek3@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Описание переплета старинных книг — общая тема как для палеографии, так и библиографии. Подобная информация актуальна не только для работников библиотек, книжных специалистов, но и для художников-реставраторов переплета. Статья разделяет все многообразие книг на три типа сшивки и шесть типов конструкций переплета, что позволяет не только подробно описать переплет, но и определить его общие и индивидуальные черты.

Ключевые слова: палеография, библиография, переплет, византийская книга, средневековая книга, книга XVIII века, книга XIX века, книга XX века.

Введение

Описание переплета книг — задача, которую приходится решить научным сотрудникам, художникам-реставраторам, работникам музеев, библиотек, архивов. Единых правил описания нет. У палеографов есть методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг [8]. Для описания редкой печатной книги также существуют свои методические рекомендации [3]. При описании состояния сохранности книг используются «Методические рекомендации для описания поврежденных книжных памятников, редких и ценных документов» [10]. Информацию об элементах окладов на переплете можно найти в «Кратком иконописном иллюстрированном словаре» [17], так как при украшении икон применялись все возможные техники живописи, иконописи и декоративно-прикладного искусства.

Для большинства книжных специалистов достаточно внешнего описания переплета, однако для художников-реставраторов внешнего исследования переплета недостаточно, так как их задача — определить оригинальные и привнесенные элементы переплета, выявить норму и патологии [6, с. 76]. Поэтому художники-реставраторы рассматривают сшивку блока и переплет с точки зрения используемой для своего времени конструкции (норма), а совмещение в одном предмете конструкций разных веков — как показатель вмешательства [12, с. 22–31]. Наш материал рассматривает изучение и описание переплета через призму

конструкции. Порядок описания взят из методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописных книг [8]. Основная терминология взята из «Словаря специальной переплетной лексики» [8] и дополнена из указанных в списке источников. Термины из словаря выделены *курсивно-жирным* начертанием.

Три способа сшивки блока

Переплетные работы складываются из двух этапов: сшивка блока и переплет. Поэтому, рассматривая конструкцию переплета, верно сначала разобрать способы шитья блока. У книги в форме кодекса всего три способа *шитья* [12, с. 22–23].

Первый способ шитья — когда половина *тетрадей блока* приплетается плотной нитью к одной *крышке плетением* (способ — *цепочка*), а другая половина — к другой. Этот способ называют *встречным шитьем* [11, с. 60]. Затем эти части *блока* с *крышками* скрепляются между собой дополнительным *плетением*. Способ применялся только в *византийской конструкции* и существовал вплоть до XV века.

Второй способ шитья — *тетради* приплетают к *ремням, шнурам и тесьмам*. А затем к *ремням, шнурам, тесьмам* крепят *крышки*. В различных вариантах (толщина *шнуров*, заклейка *корешка, глухой* или *свободный корешок* и др.) способ существовал со времен *средневековой конструкции* до *конструкции XIX века* включительно. В XX и XXI веке применяется только в ручном *переплете* книг (новый *переплет*, ремонт, консервация-реставрация книг).

Третий способ шитья — тетради скрепляются между собой тонкой *нитью* (или металлической проволокой) и *марлей полиграфической* при помощи машин или заклеиваются слоем *термокля с бумагой*. Затем полученный *блок* помещают в готовый *переплет* (папку) из *картона*, оклеенный сверху *тканью* и (или) *бумагой*. Способ разработан и внедрен в полиграфию и переплетное дело в XX веке и применяется до сих пор. Использование металлической проволоки — метод первой половины XX века, со второй половины XX века не применяется.

Шесть типов конструкции переплета

Все многообразие переплета с Античности, когда появилась форма книги «кодекс», можно разделить на шесть типов конструкции [12, с. 24–31]. Каждый из них основан на понятии «норма» своего времени — то, как люди представляли типовой переплет и что в дальнейшем переходило от мастера к ученику. Зная о типах конструкции переплета, возникает понимание, что нужно смотреть в описании переплета, где элементы оригинального переплета, а где элементы привнесенные позже. Классификация типов конструкции переплета особенно необходима для работы художников-реставраторов, но также будет полезна и для всех специалистов, чья работа связана с книгой.

1) *Византийская конструкция*

Византийская конструкция известна со времен Античности до начала XVII века.

Первый способ шитья. Только рукописная книга. Материал блока — *пергамен византийский* [9, с. 8–14]. Встречаются экземпляры книг

конца XVI — начала XVII века, где в качестве основы для письма уже использовалась бумага. Определить, была ли сшита книга по **византийской конструкции**, можно ознакомившись с **пропилами** / зарубками для сшивки. В сложенном двойном листе **пропилы** или зарубки имеют вид треугольника или латинской буквы «V», а в развернутом — ромба, вытянутого вертикально или горизонтально. Мелкие, иногда едва заметные круглые отверстия или проколы, сделанные иглой, свидетельствуют уже о позднем шитье блока на станке — на **ремнях** или **шнурах**, т.е. с использованием европейской техники шитья [11, с. 59–60].

Отличительной особенностью византийской конструкции считаются вшитые защитные двойные листы (разворот) в начале и в конце блока. Эти защитные листы называются **бинионы**. **Бинионы** не подклеивались к **крышкам**, эта практика возникла в XV–XVI вв. Таким образом, приклеенные к крышкам **бинионы** говорят о том, что книга уже выполнена в **средневековой конструкции** [11, с. 60].

Цельнокожаный переплет. Деревянные **доски** без **кантов** толщиной 7–10 мм. Наличие **пропилов** (XIII–XV вв.), **рубешков** (XV–XVIII вв.), **желобков** / бороздок / канавок (XV–XVI вв.) — сплошные (греческий или древнерусский переплет) или с обрывом у углов (греческий переплет) [8, с. 61]. У **корешка крышки** могли иметь прямые, скругленные или срезаемые углы.

Окрас кожи одноцветный. Существующие цвета — сочетание красного и ненасыщенного черного (от красного до коричневого). Крепление кожи на **крышки без кантов** на **заворотах**: прибита деревянными гвоздиками (признак обиходного переплета XIII–XV в.), сшита на углах или приклеена. Кожа на углах — встык.

Крепление **крышек** к книжному **блоку** — **шитье** нитями.

Корешок гладкий, **глухой**.

Наличие или отсутствие **каптала**. Каптал шитый (сплетенный) вокруг основы: **ремень**, **шнур**, **пергамен**. Вид плетения **каптала** — **простой** (одна основа). Количество цветных нитей может достигать до 4 штук (и более), описывается расположение нитей (прямое, косое и т.д.) и получившийся рисунок. **Каптал** пришивается поверх переплетных **крышек**, образуя **губочку**.

Украшение переплета и корешка тиснением — **простое** / **блинтовое**. Для описания переплета **византийской конструкции** применяется терминология, принятая в палеографии. Существующие типы тиснения:

– **дорожником**: линия одинарная — **дорожник без пера**, двойная, тройная линия — **дорожник с пером**;

– **басмой**, **басма бордюрная** или **басма колесная**, **басма наполнения**.

Защитно-декоративные украшения описываются отдельно, в зависимости от наличия: **средники**, **наугольники**, **жуки**, **замки (спни, пробои)**, **застежки**, **ремни**, **гнезда**, **завязки**, **скобы**. Смонтированные на переплет произведения искусства (иконопись, декоративно-прикладное искусство) описывают как **оклад** целиком, так и в деталях в соответствующей для направления терминологии.

Типы византийской конструкции, получившие самостоятельные термины — **коптский переплет**, **древнеармянская книга**, **древнерусский переплет**, **греческий переплет**, **византийский переплет**.

2) *Средневековая конструкция*

Встречается в книгах, изготовленных во всех странах Европы (католический и православный ареал влияния) в период Средних веков с V по XVII включительно.

Определить, была ли сшита книга изначально по *средневековой конструкции*, можно по мелким, малозаметным, *проколам* или отверстиям, сделанными иглой — такие отверстия необходимы для сшивки на *станке* на *ремни* или *шнуры*.

Второй способ шитья. Рукописная и печатная книга. Материал блока — *пергамен западноевропейский* [9, с. 14–17] или *русский* [19, с. 17–23], тряпичная ручная бумага (до XVIII века) [13, с. 7–11]. Скрепление тетрадей блока плетением на кожаные *ремни*, *шнуры*, которые крепятся к листу *пергамена* или деревянным *крышкам*. Исчезают V-образные *пропилы* фальцев ножом, появляются *проколы* (для бумаги). *Бинионы* приклеены к крышкам (с XV–XVI вв.) — отличительная особенность средневековой конструкции от византийской. Причина приклейки *бинионов* — замена жесткого и плотного *пергамена* (из-за приклеенного листа *пергамена* книга будет открываться хуже) на эластичную и гибкую тряпичную *бумагу*.

Цельнокожаный (XIII–XVIII вв.), *цельнотканевый* (XIII–XVIII вв.), *цельнопергаменный переплет*¹ (XV–XVIII вв.) — *корешок* и *крышки* с *кантами* полностью покрыты материалом, загнутым и заклеенным на обороте досок [6а, с. 213]. Толщина деревянных *крышек* — 5–7 мм, *канты* скошены — возникают *фаски* или *скосы* на размер *канта*. Деревянные крышки могут иметь *желобки*. Для пергаменного *переплета* используется *картон* без *кантов* — стопка склеенных между собой листов. *Пергамен* на «*ранних книгах*» всегда жесткий, гладкий (первый тип). В XVI веке происходит изменение технологии изготовления *пергамена*. Появляется «мягкий» (пластичный), немного ворсистый пергамен (второй тип). В XVII веке новые технологии позволяют изготовить такой *пергамен*, который сложно отличить от бумаги (третий тип) [12, с. 26].

Появление *кантов* приводит к сдвигу *крышки* вправо на несколько миллиметров относительно книжного блока. Сдвиг *крышки* приводит к появлению *расстава*. Переплеты византийской конструкции — *безрасставные*, так как *первый способ шитья* блока начинался с крышки, тетради пришивались по корешку вровень с корешковой стороной крышки, а блок обрезался в размер крышек.

Окрас кожи одноцветный. Существующие цвета — сочетание красного и ненасыщенного черного (от красного до коричневого). Открытие Америки привело к появлению насыщенного черного цвета в красителях (сандал), с XVI века появилась черная и темно-коричневая кожа [14, с. 85].

Крепление кожи на крышки с кантами на *заворотах*: сшита на углах или приклеена. Кожа на углах — встык.

Крепление *переплета* к *блоку* происходит с помощью *ремней* (до XIV века) и *шнуров* (с XIV века). Оные крепятся к *крышкам* с помощью *ру-*

¹ Временные рамки даны по сохранившимся переплетам в Российской Федерации.

бежков — специальных отверстий для **ремня / шнура**. Рубежки делятся на 2 типа: 1) сквозные отверстия на **крышке** для соединения **ремней** и **шнуров** к **крышке** (XV–XVI вв.), 2) на коротком **торце доски у корешка** для основы **каптала** (XIV–XVIII вв.).

Корешок глухой. **Ремни** или **шнуры** на **корешке** блока образуют на **покрывном материале бинты**. Количество **бинтов** на **корешке** означает количество **ремней** или **шнуров**, пришитых к **корешку блока**.

Каптал может быть как сплетенный на **корешке** вокруг основы (XIII–XVIII вв.), так и пришитый в виде готовой плетеной ручной ленты (XV–XVIII вв.). Вид плетения **каптала** — **простой** (одна основа). Количество цветных нитей может быть до 4 штук (и более), описывается расположение нитей (прямое, косое и т.д.) и получившийся рисунок.

Украшение переплета и корешка тиснением — **простое / блинтовое** или **золотом**. С XVI века может применяться **двойник**. Для описания переплета **средневековой конструкции** применяется терминология, принятая в палеографии. Существующие типы тиснения:

– **дорожником**: линия одинарная — **дорожник без пера**, двойная, тройная линия — **дорожник с пером**;

– **басмой, басма бордюрная** или **басма колесная, басма наполнения**.

Защитно-декоративные украшения описываются отдельно, в зависимости от наличия: **средники, наугольники, жуки, замки (спни, пробои), застежки, ремни, гнезда, завязки, скобы**. Смонтированные на переплет произведения искусства (иконопись, декоративно-прикладное искусство) описывают как **оклад** целиком, так и в деталях в соответствующей для направления терминологии.

Типы **средневековой конструкции**, получившие самостоятельные термины — **древнерусский переплет, средневековый европейский переплет, готический переплет**.

3) Конструкция XVII века

В основном **конструкция XVII века** продолжает традиции **конструкции средневековой**.

Второй способ шитья, рукописная и печатная книга. Материал блока — тряпичная ручная **бумага** (до XVIII века) [13, с. 7–11]. Тетради для сшивки прокальваются. Скрепление тетрадей блока плетением на **шнуры**, которые крепятся к деревянным или картонным **крышкам**. **Бинионы** приклеены к крышкам.

Цельнокожаный, цельнотканевый, цельнопергаменный переплет² — **корешок** и деревянные крышки **крышки с кантами** полностью покрыты материалом, загнутым и заклеенным на обороте досок [8, с. 213]. Пергамен западноевропейский [9, с. 14–17] или русский [9, с. 17–23].

Толщина деревянных **крышек** — 5–7 мм, **канты** скошены — **фаски** или **скосы** на размер **канта**. Деревянные крышки могут иметь **желобки**. Для пергаменного **переплета** используется **картон без кантов** — стопка склеенных между собой листов. **Пергамен** «мягкий» (пластичный), немного ворсистый пергамен (второй тип). В XVII веке новые технологии позволяют изготовить такой **пергамен**, который сложно отличить от бумаги (третий тип) [12, с. 26]. В переплет на место крышек активно

² Временные рамки даны по сохранившимся переплетам в Российской Федерации.

приходит **картон**. Картонные **крышки** могут быть как с **кантами**, так и **без кантов**. **Крышки с кантами** имеют **расстав**.

Окрас кожи одноцветный. Существующие цвета — сочетание красного и черного (от красного до коричневого и черного). Крепление **кожи** на **крышки с кантами** на **заворотах** — приклеена. Кожа на углах — встык.

Крепление **переплета** к **блоку** происходит с помощью **шнуров**. Они крепятся к **крышкам** с помощью **рубешков** — специальных отверстий. **Рубешки** делятся на 2 типа:

1) сквозные отверстия на **крышке** для соединения **ремней** и **шнуров** к **крышке** (XV–XVI вв.);

2) на коротком **торце доски** у **корешка** для основы **каптала** (XIV–XVIII вв.).

Корешок глухой или **свободный**. Появление во второй половине XVII века **свободного корешка**, и, соответственно, **отстава**, закладывает основы для изменений конструкции книги в XVIII веке. **Шнуры** на **глухом корешке** образуют на **покрывном материале бинты**. Количество **бинтов** на **корешке** означает количество **ремней** или **шнуров**, пришитых к **корешку блока**. **Свободный корешок** гладкий.

Каптал ручного **шитья** может как присутствовать, так и отсутствовать. **Каптал** может быть как сплетенный на **корешке** вокруг основы (XIII–XVIII вв.), так и пришитый в виде готовой плетеной ручной ленты (XV–XVIII вв.). Вид плетения **каптала** — **простой** (одна основа). Количество цветных нитей может быть до 4 штук (и более), описывается расположение нитей (прямое, косое и т.д.) и получившийся рисунок.

Украшение переплета и корешка тиснением — **простое** / **блинтовое** или **золотом**. Применяется **двойник**. Для описания **переплета конструкции XVII века** применяется терминология, принятая в палеографии. Существующие типы тиснения:

– **дорожником**: линия одинарная — **дорожник без пера**, двойная, тройная линия — **дорожник с пером**;

– **басмой**, **басма бордюрная** или **басма колесная**, **басма наполнения**.

Защитно-декоративные украшения описываются отдельно, в зависимости от наличия: **средники**, **наугольники**, **жуки**, **замки (спни, пробои)**, **застежки**, **ремни**, **гнезда**, **завязки**, **скобы**. Смонтированные на переплет произведения искусства (иконопись, декоративно-прикладное искусство) описывают как **оклад** целиком, так и в деталях в соответствующей для направления терминологии.

4) **Конструкция XVIII века** (до первой половины XIX века)

В XVIII веке происходит смена правящей культуры. Со времени Петра I начинается приезд западных мастеров в Россию для создания образцов и объектов западноевропейской культуры на Руси. Затронуло это как книжную культуру (книги гражданской печати), так и культуру **переплета**. Вплоть до настоящего времени культура **переплета** остается западноевропейской. Со времен **конструкции XVIII века** при описании переплета используется преимущественно французская (с XVIII века) и немецкая (с XIX века) терминология.

Второй способ шитья, рукописная и печатная книга. Материал блока — тряпичная ручная **бумага** и тряпичная машинная **бумага** [13, с. 7–

11]. Тетради для сшивки прокалываются. Скрепление тетрадей блока плетением на **шнуры**, которые крепятся к деревянным или картонным **крышкам**. Деревянные **крышки** сохраняются только в богослужебной и духовной литературе, остальные книги имеют **крышки** из **картона**. Редким становится крепление **шнуров** на **внешнюю / лицевую сторону крышки**, чаще всего используется крепление **шнуров** на **оборот крышки**. Крепление к **крышкам** происходит не как в **византийской и средневековой конструкции** через **рубелки** (отверстия), а методом их распушовки и приклейки к обороту **крышек**. **Бинионы** исчезают, появляется **форзац** и **нахзац** — листы иной, чем у всего блока, бумаги: цвет, плотность, фактура. Иногда это специально украшенные листы (**мраморная бумага, крашенная бумага, клейстерная бумага**, наклеенная на бумагу ткань — **дублюра**), которые пришиваются к первой и последней тетради блока. Появляется **слизура**. **Слизура** может быть как **закрытая (форзац и нахзац цельнокроенные)**, так и открытая (**форзац и нахзац составные**).

Исчезает пергаменный **переплет**. Остается **цельнокожаный и цельнотканевый переплет**, возникает **составной переплет** — **корешок** и деревянные **крышки с кантами** полностью покрыты материалом, загнутым и заклеенным на обороте досок [8, с. 213]. Толщина деревянных **крышек** — 4–5 мм, **канты** скошены — **фаски** или **скосы** на размер **канта**. Деревянные крышки как с **желобками**, так и **без желобков**. Картонные **крышки** могут быть как с **кантами**, так и **без кантов**. Размер **кантов** уменьшается — теперь они не более 3–5 мм. **Крышки с кантами** имеют **расстав** размером не более 3–5 мм для богослужебных книг и альбомов увеличенного формата — от А4, и не более 2–3 мм для книг светского содержания (нормального формата — не более А4). Литые **картоны** толщиной в 3–5 мм применяются для **крышек** большого **формата** (А3 и более) и тяжелых **блоков** (несколько килограмм). Основная масса **крышек** из **картона** имеет толщину в 2–2,5 мм и состоит из спрессованных листов бумаги.

Расширяется количество сортов кож в переплете: **телячья, бычья, марокен, сафьян, свиная, хоз, шагрень** [3, с. 77–78]. Расширяется количество цветов кожи за счет оттенков: от алого и ярко-красного до черного (и их сочетания), появляется зеленый. Возникает **мраморирование кожи**. В **составном переплете** используется **мраморная и клейстерная бумага** разных расцветок и рисунков. Кожа на углах — встык (для богослужебных книг и духовной литературы), для светских книг — различные варианты заворота углов. Другой покрывной материал — простой переплетный угол.

Постепенно исчезает **глухой корешок**, к XIX веку остается только **свободный корешок переплета**. В XVIII веке **отстав** еще не используется повсеместно, как в XIX веке, поэтому **покрывной материал переплета** и **бинты** крепятся на **гильзу**, образуя **свободный корешок на гильзе**. **Шнуры** становятся тонкими — 2–3 мм шириной максимум. До первой половины XIX века **шнуры** при сшивке частично втягиваются в **проколы блока**, частично выступают за границы корешка блока при сшивке, после чего распрямляются молотком или заклеиваются по корешку так, чтобы корешок блока стал гладким и ровным. Возникновение гладкого

корешка блока приводит к появлению **фальшбинтов**. Изменяется значение **бинтов**. До конструкции XVIII века бинты — это деформация **покрывного материала** вокруг **шнуров / ремней** при **глухом корешке**. В конструкции XVIII века и более поздних **бинты** — это горизонтальные полосы из **кожи** или **картона**, наклеиваемые поперек на **отстав** и выступающие из-под **покрывного материала** для красоты. С XIX века (и по сегодняшний день) возникает мода на **бинты обжатые**.

Бинт обжатый — специально обработанный бинт, где покрывной материал деформирован (обжат) так, чтобы между **бинтом** и **отставом** был угол, максимально приближенный к 90°.

Капталы в конструкции становятся **приклейнными**, то есть не пришиваются, а **приклеиваются** на корешок блока. Сохраняются 3 вида конструкции каптала:

- 1) кусок ткани, обернутый вокруг шнура, полосы картона, бумажного жгута и **обшитый** нитями;
- 2) кусок ткани, обернутый вокруг шнура, полосы картона, бумажного жгута и **не обшитый** нитями,
- 3) хлопчатобумажная или шелковая тесьма с утолщенным цветным краем [8, с. 219–220].

По цвету и количеству нитей **капталы** становятся одноцветные, двуцветные и даже трехцветные.

Вместо средневековой широкой **закладки** (которая была частью блока) появляется приклеенное **ляссе** (являющееся частью переплетных работ) — полоска тесьмы, приклеенная сверху к корешку блока под капталом и служащая закладкой.

Украшение переплета и корешка тиснением — **простое / блинтовое** или **золотом**. Применяется **двойник**. Для описания **переплета конструкции XVIII века** применяется терминология, принятая как в палеографии, так и в книжном деле. Существующие типы тиснения:

- **дорожником** или **филетой**: линия одинарная, двойная или тройная линия;
- **басмой / штемпелем** с рисунком, вписанным в треугольник или прямоугольник, **басма бордюрная / штемпель** прямоугольной формы для создания непрерывного орнамента или **басма колесная / колесо** для тиснения непрерывной орнаментальной линии, **басма наполнения / штемпель** с разнообразными по наполнению рисунками для заполнения свободного места на крышках переплета.

С **конструкции XVIII века** начинается мода на красивые корешки книг. Меняется принцип украшения переплета — сначала **тиснением** украшается **корешок переплета**, а затем уже переплетные крышки. Существуют **переплеты**, где **тиснением золотом** изобильно украшен **корешок**, но минимально украшены (тиснение рамки) или не украшены совсем **крышки**. Это приводит к возникновению и распространению **составного переплета**. Материалы **составного переплета**: **кожа, ткань, бумага**. Возникает **тиснение краской** (в том числе **чернилами**).

Защитно-декоративные украшения описываются отдельно, в зависимости от наличия: **средники, наугольники, жуки, замки (спни, пробои), застежки, ремни, гнезда, завязки, скобы**. Смонтированные на переплет произведения искусства (иконопись, декоративно-прикладное искус-

ство) описывают как **оклад** целиком, так и в деталях в соответствующей для направления терминологии.

5) **Конструкция XIX века** (со второй половины XIX века до 1918–1920 гг.)

Промышленная революция второй половины XIX века изменила производительность. Это повлияло на количество наименований книг, их содержание и тиражи. Книг стало много и на разные темы, потребовался быстрый и массовый переплет. В результате, как компромисс между количеством и качеством работы, возникла конструкция переплета XIX века — переплет-вставка.

Второй способ шитья, рукописная (обычно старообрядческая) и печатная книга. Материал блока — машинная древесная **бумага** [13, с. 7–11]. Тетради для сшивки прокалываются или пропиливаются ножом (разрез). Скрепление **тетрадей блока плетением / сшивкой на шнуры / тесьму**, которые крепятся к деревянным или картонным **крышкам**. Деревянные **крышки** сохраняются только в богослужебной и духовной литературе, остальные книги имеют **крышки** из **картона**. **Шнуры / тесьма** крепятся только на **обороту крышки**. Крепление к **крышкам** происходит методом их распушовки и приклейки к **обороту крышек**. Во второй половине XIX века в обычных книгах (дешевая технология) шнуры становятся не толще 2 мм, затягиваются в пропилю **блока** и после сшивки не выступают или минимально выступают за границу корешка блока, **корешок блока** выравнивается до гладкого состояния с помощью наклеенной тонкой бумаги. Выступающие частично **шнуры** после сшивки (**конструкция XVIII века**) и заклеенные до **гладкого корешка блока** сохраняются только в подарочных изданиях как дорогая технология. **Форзацы** и **нахзацы** используются разнообразные, в зависимости от типа переплета. То же касается **слизуры** и **дублюры**.

Из **конструкции XVIII века** остается **цельнокожаный, цельнотканевый** и **составной переплет**. К 1880-м годам появились новые материалы в **переплете** (**коленкор, бумага** из древесины), что дополнило существующие типы **переплетов**. Исчезает **переплет без кантов**, остается только **с кантами**. В массовом сегменте победил переплет-вставка (переплет-папка). Соответственно, возникла необходимость как-то разграничить переплеты по типам, если у них одна конструкция.

Классическое разделение на типы того времени выглядело так [4, с. VI–VII]:

- 1) переплеты в папке,
- 2) полуколенкоровые переплеты,
- 3) коленкоровые переплеты (целый коленкор),
- 4) полукожаные (корешковые) переплеты,
- 5) полушагреньевые (корешковые) переплеты,
- 6) шагреньевые переплеты (цельная кожа),
- 7) бархатные переплеты,
- 8) книги с металлическими окладами и застежками.

Отдельно выделялись переплеты упрощенные или с повышенной сложностью: конторские книги, атласы, переплеты для писем и хранения счетов [4, с. VII].

В конце XIX века приводится следующая типология [7, с. IV–V]:

- 1) брошюровка (обыкновенная и плотная),
- 2) папки (обыкновенные и с титулом),
- 3) холщевые переплеты (полухолщевые и цельнохолщевые),
- 4) кожаные переплеты (полукожаные, цельнокожаные),
- 5) французские переплеты (полуфранцузские, цельнофранцузские),
- 6) пергаментные переплеты (исторические),
- 7) переплеты из свиной кожи (исторические),
- 8) бархатные переплеты.

Отдельно выделялись переплеты упрощенные или с повышенной сложностью: книги в оправках и с замками, конторские книги, географические атласы, папки для деловых бумаг и просто папки [7, с. IV–V].

Окончательная типология сложилась к 1920-м годам [1, с. 47–50]:

Папочный переплет / переплет-папка / переплет-вставка — покрывной материал из единого отреза материала (кожа, ткань, бумага) сначала приклеивается к переплетным крышкам и отставу и делается готовая крышка, в которую затем вставляется сшитый блок.

1) **Папочный переплет из бумаги** («дедушка» переплета 7БЦ в XX веке) — **покрывным материалом** на крышки и корешок служит бумага, форзац и нахзац из одноцветной бумаги, на корешок наклеивается кусочек цветной бумаги или кожи с тиснением названия книги — **ярлычок** [1, с. 50].

2) **Полуколенкоровый переплет** — составной переплет, когда покрывной материал на корешок и углы — коленкор.

Простой полуколенкоровый переплет — покрывной материал на корешке и углах — коленкор, а крышки покрыты мраморной бумагой, форзац и нахзац — белые листы, обрез не окрашен или окрашен в один цвет (**сплошной** или **крапленный**) или узорчатый (напыск через узорчатую сетку), тиснение на корешке золотом названия книги.

Улучшенный полуколенкоровый переплет — широкий корешок (более 3 см по длине) и углы (более 3 см по диагонали), крышки покрыты мраморной бумагой, форзац и нахзац цветные, обрез окрашен в цвет форзаца и нахзаца, тиснение на корешке золотом названия книги, декоративных полос (линий), цифра тома (для многотомных изданий) [1, с. 47–48].

Любительский или роскошный полуколенкоровый переплет (Брадель) — широкий корешок (более 3 см по длине) и углы (более 3 см по диагонали), лучшие сорта художественных бумаг на крышках (включая мраморную бумагу) верхний обрез — золочение, а внешний и нижний края остаются необрезанными, корешок украшен тиснением золотом названия (на отдельном кусочке кожи, приклеенной к коленкору — **марка / наклейка / ярлычок**), декоративные полосы (линии), **орнамент** между полосами [1, с. 48–50].

Необходимо помнить, что в царской России было два вида коленкора — **шагреньевый** или **тисненный** (под козью кожу) и простой лощеный [2, с. 133].

3) **Цельный матерчатый переплет** (**цельнотканевый, цельнокожаный и др.**) — **покрывным материалом** на крышки и корешок служит отрез материи. Переплетные крышки и корешок обильно украшены тисне-

нием золотом и краской, форзац и нахзац литографированные, обрезы украшены золотом или мраморированием [1, с. 50].

Отдельно иногда выделяют бархатный переплет как тип роскошного [2, с. 134]. Для простого бархатного переплета характерны мраморные обрезы и мраморная бумага на форзаце-нахзаце. Улучшенный бархатный переплет означает золочение обрезов и атласная (муаровая) бумага белого цвета [2, с. 134].

Также типом роскошного переплета считается *переплет* из шелкового атласа [2, с. 135–136]. Дешевым вариантом считают атлас бумажный.

4) **Канторский переплет** — переплет, предназначенный для хранения документации в учреждениях. Изготавливался в *канторах* — переплетных мастерских с самой низкой квалификацией переплетчиков. Сегодня он обильно встречается в архивах: метрические книги, дела, подшивка документации. Со второй половины XIX века до 1917–1918 года представляет из себя полукожаный переплет с бумагой или тканью на крышках, после 1918 года — полутканевый переплет с бумагой на крышках (до 1940–1950-х), а затем или цельнокроенный переплет из кожзаменителя (бумвинил) или составной переплет из кожзаменителя (бумвинил) и бумаги. Отличительная особенность канторского переплета — не содержит тиснения или оно минимально (название на корешке / крышке). Название на подобные переплеты наносилось или вручную краской или наклеивались бумажные ярлычки с ним. В музеях и библиотеках РФ встречается после ремонта-реставрации книг во времена СССР.

Расширяется количество сортов кож в переплете. К существующим: *телячья, бычья, марокен, сафьян, свиная, хоз, шагрень* добавляется *велюр, замша* [3, с. 77–78]. К *тканям*, как *покрывному материалу*, добавляется их разновидность — *коленкор*. Расширяется количество цветов *покрывного материала*: к цветам от алого и ярко красного до черного (и их сочетания) и зеленому добавляется синий, белый и желтый (и их сочетания между собой и другими цветами). Возникает *мраморирование кожи*. В *составном переплете* используется *мраморная и клейстерная бумага* разных расцветок и рисунков. Кожа на углах — встык (для богослужебных книг и духовной литературы старообрядцев), для светских книг, богослужебных книг и духовной литературы РПЦ — различные варианты заворота углов. Другой покрывной материал — простой переплетный угол.

Отдельно стоит упомянуть об окраске кожи. Выделяют несколько типов окраски:

- 1) одноцветная окраска [2, с. 155–156; 4, с. 111; 15, с. 302],
- 2) обрызгивание кожи / крап [2, с. 156; 15, с. 304–305],
- 3) окраска в вид древесных корней [2, с. 156–157; 15, с. 305–307],
- 4) мраморная окраска [2, с. 157; 4, с. 113; 15, с. 307–310],
- 5) подделка под черепаху [2, с. 157–158; 4, с. 113],
- 6) подделка под лазоревый камень [2, с. 158–159],
- 7) подделка под перламутр [2, с. 159].

Из светских книг исчезает *глухой корешок*, остается только *свободный корешок на отставе*. *Свободный корешок на гильзе* исчезает. Иногда в подарочных изданиях встречается комбинированный вариант — *сво-*

бодный корешок на гильзе и отставе. Глухой корешок остается в старообрядческих книгах, бинты не обжаты. При **деревянных крышках** с **кантами** переплет цельнокроенный — полностью покрыты материалом (кожа, ткань), загнутым и заклеенным на обороте досок [8, с. 213]. Толщина **деревянных крышек** — 4–5 мм, **канты** скошены — **фаски** или **скосы** на размер **канта**. Деревянные крышки **без желобков**. Картонные **крышки с кантами**, крышки **без кантов** исчезают. Размер **кантов** не более 3–5 мм. **Крышки с кантами** имеют **расстав** размером не более 3–5 мм (для богослужебных книг и альбомов увеличенного формата — от А4) и не более 2–3 мм для книг светского содержания (нормального формата — не более А4). Литые **картоны** с толщиной в 3–5 мм применяются для **крышек** большого **формата** (А3 и более) и тяжелых **блоков** (несколько килограмм). Основная масса **крышек** из **картона** имеет толщину в 2–2,5 мм и состоит из спрессованных листов бумаги. При картонных **крышках переплет** может быть как **цельнокроенный**, так и **составной**.

Распространение шивки блока на убранные в пропилы шнуры приводит к появлению **гладких корешков блока**, что, в свою очередь, ведет к распространению **гладкого корешка переплета**. В итоге конструкции корешка разделяются на два типа — **гладкий корешок** (только **отстав** и **покрывной материал**) и **корешок с бинтами** (**отстав**, **бинты**, **покрывной материал**).

На светских изданиях **корешки с бинтами**, последние всегда **обжаты**.

Капталы только **приклейные**. Сохраняются 3 вида конструкции каптала:

- 1) кусок ткани, обернутый вокруг шнура, полоски картона, бумажно-жгута и **обшитый** нитями;
- 2) кусок ткани, обернутый вокруг шнура, полоски картона, бумажно-жгута и **не обшитый** нитями,
- 3) хлопчатобумажная или шелковая тесьма с утолщенным цветным краем [8, с. 219–220].

По цвету и количеству нитей **капталы** одноцветные, двуцветные и даже трехцветные.

Форзац и **нахзац** остаются как **пришивными** (подарочные издания), так становятся и **приклейнными** — сложенный пополам лист приклеивается к первому (**форзац**) или последнему (**нахзац**) листу блока, а затем приклеивается к **переплетной крышке**.

Используется приклейное **ляссе**. Иногда в книге (обычно справочные издания) встречается два **ляссе**.

В конструкции большое распространение приобретает кожаная или тканевая **слизура** — полоска материала, которая пришивается к первой и последней тетради блока, а затем приклеивается к внутренней стороне переплетных крышек. Распространение **слизуры** и надежность ее приклейки приводит к разделению **форзаца** на **цельнокроенный форзац** и **нахзац** — традиционный, разворот листа, который заклеивает сверху **слизуру** (такая **слизура** называется **закрытой**), на внутренней стороне крышки и **составной форзац** и **нахзац** — **форзац** и **нахзац** состоят из двух листов, где один лист пришивается вместе со **слизурой** к пер-

вой или последней тетради, а второй лист наклеивается на внутреннюю сторону крышки между заворотами **покрывного материала** и **слизурой** (такая слизура называется *открытой*).

Украшение переплета и корешка тиснением — **простое / блинтовое** или **золотом, серебром, краской**. Исчезает **двойник**, он заменяется **краской**. Для описания **переплета конструкции XIX века** применяется терминология принятая как в палеографии, так и в книжном деле. Существующие типы тиснения:

– **дорожником** или **филетой**: линия одинарная, двойная или тройная линия;

– **басмой / штемпелем** с рисунком, вписанным в треугольник или прямоугольник, **басмой бордюрной / штемпелем** прямоугольной формы для создания непрерывного орнамента или **басмой колесной / колесом** для тиснения непрерывной орнаментальной линии, **басмой наполнения / штемпелем** с разнообразными по наполнению рисунками для заполнения свободного места на крышках переплета.

Сохраняется принцип тиснения XVIII века, когда тиснением украшается преимущественной корешок, а затем (по желанию) переплетные крышки. Существуют **переплеты**, где **тиснением золотом** изобильно украшен **корешок**, но минимально украшены (тиснение рамки) или не украшены совсем **крышки**. Подобное встречается как на **цельнокроенном переплете**, так и на **составном**. Материалы **составного переплета**: **кожа, ткань, бумага, коленкор**. Однако с распространением **позолотных прессов** для **тиснения** и появлению латунных **штампов**, переплет украшается полностью с помощью **машинного тиснения** и без **ручного тиснения**. Использование **штампов** приводит к **тиснению полиграфической краской**, то есть всеми возможными цветами, включая имитацию золота и серебра. Возникают сложные многокрасочные композиции из штампов.

Защитно-декоративные украшения описываются отдельно, в зависимости от наличия: **средники, наугольники, жуки, замки (спни, пробои), застежки, ремни, гнезда, завязки, скобы**. Смонтированные на переплет произведения искусства (иконопись, декоративно-прикладное искусство) описывают как **оклад** целиком, так и в деталях в соответствующей для направления терминологии.

б) **Конструкция XX века** (с 1920-х по настоящее время)

XX век — время массового машинного переплета. Для удобства были стандартизированы различные сферы книжной полиграфии (размеры бумаги, форматы и прочее), в том числе и типы обложек и переплетных крышек, их материалы. Удешевление производства книг и стандартизация привели к тому, что из машинного переплета исчезла натуральная кожа как покрывной материал. И **покрывными материалами** в машинном переплете стали: **бумага**, полиграфическая **ткань**, переплетные материалы на бумажной и нетканой основе (обычно это кожзаменители).

Это полностью машинный или полумашинный переплет. В первые 70 лет (1920–1980-е гг.) в СССР ручной переплет в конструкциях XIX века (и ранее) разрешено использовать только художникам-реставраторам. Для нужд учреждений разрешено использовать конторский переплет из ледерина или коленкора, который

регулируется инструкциями. В полиграфическом производстве, то есть при производстве новых книг, переплет машинный, регулируемый ГОСТом.

Третий способ шитья, связанный с машинным производством — шитье тетрадей нитками или скобами на марлю. Из всех конструкций переплета остается только *переплет-вставка / переплет-папка*. Производство переплета-папки стандартизируется — полиграфические предприятия выпускают 9 видов подобных переплетов с заранее утвержденными ГОСТом шаблонами работы.

ГОСТ 22240-76 «Обложки и переплетные крышки. Типы» [5] традиционно разделяет защитные меры блока на два типа: **обложки** и **переплетные крышки**. Поскольку ГОСТ не дает определения терминам «обложки» и «переплетные крышки», то их определения будут даны из издания «Реставрация документов на бумажных носителях. Методические пособия» 1989 года, как наиболее близкого по содержанию и к ГОСТу, и к традиционной школе консервации-реставрации.

Обложки — картонные или бумажные цельнокройные (состоящие из одной, размером в две сторонки, детали) или составные (состоящие из 2–6 деталей) крышки, не покрываемые каким-либо материалом (бумагой, тканью) [13, с. 169].

Переплетные крышки — картонные (в основном) и бумажные цельнокройные (состоящие из одной детали) или составные (состоящие из 4–8 деталей) крышки, покрываемые бумагой или переплетным материалом на тканевой, нетканой или бумажной основе [13, с. 169–170].

Машинные типы обложек и переплета (ГОСТ 22240-76) для конструкции XX века:

Типы крытья **обложек**:

1) **обложка внакидку** — прошивается к блоку проволокой внакидку. Не имеет кантов. Корешок прямой, углы прямые. Обложка обрезается с трех сторон после крытья. Изготавливается из бумаги толщиной не менее 100 г/м² или картона толщиной не более 0,9 мм [16, с. 228];

2) **обложка обыкновенного крытья без кантов** — обложка приклеивается к блоку по корешку. Корешок прямой, углы прямые. Обложка обрезается с трех сторон после крытья. Изготавливается из бумаги толщиной не менее 100 г/м², а также переплетного материала на бумажной и нетканой основах [16, с. 228];

3) **обложка без кантов для крытья вроспуск** — обложка приклеивается к корешку блока и на 5–7 мм корешкового поля первой и последней страницы. Корешок прямой, углы прямые. Обложка обрезается с трех сторон после крытья. Изготавливается из бумаги толщиной не менее 100 г/м², а также переплетного материала на бумажной и нетканой основах [16, с. 229];

4) **составная обложка с окантовкой корешка** — обложка состоит из крышек и корешка из переплетного материала. Корешок прямой, углы прямые. Обложка обрезается с трех сторон после крытья. Крышки изготавливаются из бумаги толщиной не менее 100 г/м², картона толщиной не более 0,9 мм. В отдельных случаях допускаются крышки из переплетного материала на бумажной и нетканой основах. Для корешка используется переплетный материал на бумажной и нетканой основах,

в отдельных случаях может быть использован материал на тканой основе [16, с. 229].

Поскольку в полиграфии ГОСТ 22240-76 «Обложки и переплетные крышки. Типы» относит первые и вторые к типам крытья, то существующие типы переплетных крышек начинаются с № 5 по № 9 (типы 1–4 — обложки). Переплетная крышка может иметь те же размеры, что блок и тогда она называется **обрезной**. Ее изготавливают из одного куска материала и называют **цельнокроенной**. Переплетная крышка, выступающая за пределы блока с трех сторон по 3–4 мм, называется **крышкой с кантом**. Она состоит из нескольких элементов: **картонных сторонков, шпации** — расстояние между картонными сторонами в переплете, **отстава** — полоска бумаги или картона для придания корешку переплета жесткости (равен ширине корешка блока), **расстава** — расстояние между **картонной стороной и отставом**. По конструкции переплетные крышки разделяются на **цельнокрытые** (один отрез покрывного материала), **составные** (два разных отрезка покрывных материалов) и с **накладными сторонами** (сторонки состоят из двух самостоятельно изготавливаемых частей).

Цельнокрытые крышки — картонные сторонки покрыты одним куском материала.

Составные крышки — состоят из двух материалов: корешкового (техническая ткань) и покрывного материала для картонных сторонков.

Крышка с накладными сторонами — корешок и картонные сторонки изготавливаются как самостоятельные детали, где покрывной материал корешка соединяется с отставом, а картонные сторонки покрывают материалом с загибкой с четырех сторон, после чего детали переплета соединяют. [16, с. 305–307].

Типы крытья **переплетных крышек** (№ 5–9):

5) **Переплетная крышка составная с кантами** — состоит из тканевого корешка и картонных сторонков, покрытых тканью или бумагой. Углы прямые или круглые, корешок прямой или круглый. Фактически это машинный вариант полуколенкорového переплета.

6) **Переплетная крышка из одной детали (цельнокроеная)** — переплет из картона, покрытый бумагой, припрессованной прозрачной пленкой, заменителем ткани. Может быть с кантами или без. Углы прямые или круглые, корешок прямой или круглый.

7) **Переплетная крышка цельнокрытая с кантом** — сторонки и отстав покрыты одним куском материала: бумага с покрытием или без него, переплетный материал на тканевой, бумажной или нетканой основе. Отстав из бумаги или картона, корешок прямой или круглый, углы прямые или закругленные.

8) **Переплетная крышка с накладными сторонами и накладным корешком** — картонные сторонки покрыты материалом с загибкой с четырех сторон. Корешок покрыт материалом с загибкой с двух сторон (сверху и снизу). Для сторонков используют любые переплетные материалы и их заменители, а также бумагу без покрытия или с припрессованной пленкой. Для корешка используют материалы на тканой и нетканой основе. Отстав из картона, корешок прямой. Углы прямые. Корешок и сторонки могут быть с кантами или без.

9) **Переплетная крышка с накладными сторонками и окантованным корешком** — картонные сторонки с кантами покрыты материалом с загибкой с четырех сторон. Корешок прямой, углы прямые. Для корешка используют материалы на тканой и нетканой основе. После окантовки корешка блок обрезают с трех сторон, поэтому корешок без кантов. Для сторонки используют любые переплетные материалы и их заменители, а также бумагу без покрытия или с припрессованной пленкой.

Остается только **переплет цельнокроенный (ткань, бумага, коленкор, кожзаменители) и составной переплет** нового типа — №№ 8 и 9. Снова появляется **переплет без кантов**, остается **переплет и с кантами**. Размер **кантов** не более 3 мм. **Крышки с кантами** имеют **расстав** размером не более 3–5 мм. Используется только **переплет-вставка** (переплет-папка). Использование **деревянных крышек** прекращается. Переплет делается исключительно из картона толщиной 1–2,5 мм.

Цвета **покрывного материала** любые. На крышки добавляется запечатанная с изображениями бумага с защитным покрытием (переплет № 7БЦ). Использование машинной **мраморной бумаги** на **переплете** 1920–1940-х годов означает его ручное изготовление в **конструкции XIX века**.

Покрывной материал на углах формируется только одним способом — простой переплетный угол.

Корешки блока только **гладкие, на отставе**. Исчезает **гильза**. Наличие **гильзы** в переплете XX века означает, что он выполнен вручную по **конструкции XIX века**. Исчезают **корешки с бинтами**.

Форзац и нахзац только **приклеивные**.

Ляссе изготавливается из самого дешевого материала — полиэстер.

Из конструкции удалена **слизура**, появление которой в книге означает ручной переплет. Функцию **слизуры** частично взяла на себя **полиграфическая марля**, которая выходит за границы корешка блока и к краям которой приклеиваются **переплетные крышки**.

Из конструкций **капталов** остается только один, который приспособили под машинное производство — **приклеивной** с хлопчатобумажной или шелковой тесьмой с утолщенным цветным краем. Остальные конструкции капталов на работах XX и XXI века означает ручную (индивидуальную) обработку корешка блока.

Сохраняется принцип тиснения XIX века, когда **тиснением** украшается и **корешок** и **переплетные крышки**. **Тиснение** осуществляется только штампами с использованием красок / цветной фольги или имитации благородных металлов — **полиграфической фольги** золотого, серебряного или медного цвета. Помимо **высокого тиснения штампами** возникает **тиснение конгревное**.

Защитно-декоративные элементы отсутствуют. Наличие оных означает ручную работу.

Список источников

1. Анисимов В.И. Книжный переплет: краткий конспект по истории и технике переплетного дела, с рисунками на отдельных листах. Петербург: Государственное издательство, 1921. 94 с., 20 л. ил.
2. Бауэр Э., Франке А. Переплетное ремесло: полный курс переплетного ремесла / Пер. с нем. с дополн. П.А. Федорова. Санкт-Петербург: Издание книжного склада А.Ф. Сухова, 1913. 224 с.
3. Василенко О.Н. Описание предметов в коллекции «Редкая книга» // Музейная коллекция. Изучение и научное описание музейных предметов: методическое пособие / сост., отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Челяб. гос. краевед. музей, 2012. С. 72–107.
4. Верига В. Переплетчик: Полное практическое руководство к переплетному делу для желающих вполне ознакомиться с переплетными работами / Сост. В. Верига. Москва: тип. П. Мартынова и К°, 1880. [4], IV, VIII, 239 с.: ил.: 21.
5. ГОСТ 22240-76 «Обложки и переплетные крышки. Типы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015245> (дата обращения: 3 сентября 2024 года)
6. Иванов И.А. Профессиональные стандарты в образовании художников-реставраторов переплета // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 6 / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 59–80.
7. Иллюстрированный переплетчик: практическое руководство переплетного, футлярного, портфельного мастерства, ручным и машинным способом / сост. К. Герцог, Ф. Пайлер, Р. Метц; пер. с нем. М. Мунина. 2-е изд. Москва: Книготорговля А.Д. Ступина, 1899. 328, VIII с.: ил.
8. Калугин В.В. Вопросы описания древнерусских обиходных переплетов. Словарь специальной лексики переплетного дела // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Выпуск третий. Часть вторая. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 201–245.
9. Киреева В.Н. Средневековый пергамен: сравнительный анализ технологий (по историческим и экспериментальным данным) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Москва, ГосНИИР, 1998. 26 с.
10. Методические рекомендации для описания повреждений книжных памятников, редких и ценных документов // сост. Камбулова Л.В., Сушко В.Б., Топорова О.М. Ростов-на-Дону: ГБУК Ростовской области «Донская государственная публичная библиотека», 2017. 13 с.
11. Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.Л. Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации). Москва: Индрик, 2003. 320 с.: ил.
12. Прудников С.П., Иванов И.А. Записки реставратора книги: методология восстановления старинных книг. Санкт-Петербург: БАН, 2024. 120 с.
13. Реставрация документов на бумажных носителях: Методическое пособие / ВНИИДАД. Москва, 1989. 264 с.
14. Сайфутдинова О.П. Кожевенные изделия — стратегический материал: история развития и технологии обработки // Проблемы востоковедения. 2020. № 1 (87). С. 83–89.
15. Симонов Л.Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета: Художеств. стили, чистка, исправление и хранение книг / [Соч.] д-ра Л.Н. Симонова, при содействии переплет. мастерской Э. Рау (E. Rau). Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1897. [2], XIV, 464 с., 12 л. цв. ил.: ил.
16. Трубникова Г.Г. Технология брошюровочно-переплетных процессов. 2-е изд., перераб. Москва: Книга, 1987. 496 с.
17. Филатов В.В. Краткий иконописный иллюстрированный словарь: Кн. для учащихся. Москва: Просвещение, 1996. 224 с.: ил.

IVANOV I., GLINSKAYA A., CHAIKOVSKAIA A. Description of the binding of ancient books of the 13th–19th centuries: design, features, terminology

Ivanov Ivan — Managing Editor, Editorial and Publishing Department Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ooogarda@yandex.ru

Glinskaya Anastasia — a bachelor's degree student at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nast.glinskaja@yandex.ru

Chaikovskaia Alexandra — a bachelor's degree student at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: happychaek3@yandex.ru

ABSTRACT

The description of the binding of ancient books is a common theme for both paleography and bibliography. Such information is relevant not only for library staff, book specialists, but also for binding restorers. The material divides the entire variety of books into three types of stitching and six types of binding designs, which allows not only to describe the binding in detail, but also to determine its general and individual features.

Key words: paleography, bibliography, binding, Byzantine book, medieval book, book of 18th century, book of 19th, book of 20th century.

И.А. Данилов

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ПРИРОДНЫЕ ОПАСНОСТИ ПРОШЛОГО. СТИХИЯ И КУЛЬТУРА:
СУДЬБА БИБЛИОТЕЧНЫХ И ДРУГИХ СОБРАНИЙ В ПЕРИОДЫ
КАТАСТРОФИЧЕСКИХ НАВОДНЕНИЙ ПЕТЕРБУРГА»
В БИБЛИОТЕКЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Данилов Игорь Алексеевич — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги, Библиотека Российской Академии наук, доцент кафедры общественных наук СЗИУ РАНХиГС Санкт-Петербург, Россия, e-mail: igordanilov1990@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой обзор докладов научного семинара, посвященного катастрофическим последствиям петербургских наводнений для научных коллекций и книжных собраний Академии наук.

Ключевые слова: природная катастрофа, «петербургский миф», семинар, архивные свидетельства наводнений, история книги, реставрация, Библиотека Российской Академии наук.

13 июня 2024 г. в Библиотеке Российской Академии наук (БАН) состоялся научный семинар «Природные опасности прошлого. Стихия и культура: судьба библиотечных и других собраний в периоды катастрофических наводнений Петербурга», организованный Научно-исследовательским отделом редкой книги (НИОРК БАН) совместно с Научно-исследовательским отделом библиографии и библиотековедения (НИОБиБ БАН). Выбор данной темы для обсуждения далеко не случаен: семинар был приурочен к очередной «дате» катастрофического наводнения в Петербурге, которое происходит в двадцать четвертом году каждого столетия. И, хотя с момента возникновения города большие и малые наводнения случались практически ежегодно (как правило, весной и осенью), именно это событие легло в основание «петербургского мифа». Последний был артикулирован прежде всего в рамках литературного дискурса — от поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833) до романа Андрея Белого «Петербург» (1911–1914) — и стал культурной константой так называемого «петербургского периода» русской истории [1–4]. Вместе с тем регулярные наводнения оставались бытовой реальностью жизни горожан. А для научных коллекций и книжных собраний Академии наук, с самого основания располагавшейся в наиболее часто подтапливаемой низменной части Петербурга — на Стрелке Васильевского острова, они представляли постоянную угрозу. Не случайно, лейтмотивом ряда выступлений стало повреждение подобных материальных объектов водой. И тут наиболее веское слово было сказано реставраторами. При этом все докладчики широко использовали архивный материал, включая как официальные бумаги, например, деловую переписку государственных ведомств, так и разнообразные эго-документы, в первую оче-

редь свидетельства очевидцев. Немалый интерес вызвало выступление сотрудников Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, охарактеризовавших наводнение 1824 г. как природный феномен. Таким образом, затронутый в ходе семинара круг тем был весьма обширен.

Заседание научного семинара открыла заместитель директора БАН по научной работе Наталия Владимировна Колпакова. Она отметила актуальность темы семинара и значение наводнений для Петербурга, в том числе для судьбы сосредоточенных здесь книжных собраний.

Первым прозвучал доклад заведующего НИОБиБ БАН Станислава Юрьевича Нечаева «Калейдоскоп природных событий на Балтике в первой половине XVIII века: то, что мы об этом до сих пор не знаем», который был посвящен разнообразным погодным катаклизмам, наблюдавшимися в Балтийском море и его окрестностях в первой половине XVIII в.

С докладом «О высокой воде и дровах: исторические свидетельства петербургских наводнений XVIII века в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН» выступил научный сотрудник НИОРК БАН, доцент кафедры общественных наук СЗИУ РАНХиГС Игорь Алексеевич Данилов. Кратко охарактеризовав основные параметры «петербургского мифа», связанные с наводнениями и зафиксированные в свидетельствах очевидцев [5–8], докладчик перешел к реальным документам, существование которых ввиду разрушительного воздействия «высокой воды» на городские постройки было неизбежным. В первую очередь речь шла о бумагах, относящихся к Академии наук и ее библиотечным собраниям. Сложность поиска подобного рода деловой корреспонденции связана с тем, что в архиве академической канцелярии (фонд 3) она подшивалась по мере поступления в огромных многостраничных grossбухах, требующих фронтального просмотра. Однако несколько весьма любопытных документов все же удалось оттуда извлечь.

Первый из них касается повреждений имущества Академии в ходе наводнения 12 октября 1729 г. Это поданное 14 ноября 1729 г. «доношение» «купчины Алексея Измаилова» с просьбой произвести расчет за испорченные «академические дрова», а также за исправления разбитых пристаней и стенки погреба (Ф. 3, Оп. 1, Кн. 5, Л. 358–359). Из этого текста следует, что библиотечные собрания Академии наук располагались в первом этаже над подвалом, в котором хранились поставляемые купцом Алексеем Измайловым дрова. Одновременно он следил и за исправностью двух относящихся к Академии наук пристаней: непосредственно возле зданий дворца Прасковьи Федоровны и Кунсткамеры, а также возле Меншиковского дворца.

Следующий документ, именуемый рапортом и адресованный в Главную полицеймейстерскую канцелярию и в канцелярию Академии наук, относится к наводнению, произошедшему 23 октября 1752 г. Речь в этом рапорте вновь идет о дровах, которые поставили подрядчик Иван Ваулин и монастырский крестьянин Егор Лабукин. Частично дрова хранились на дровяном академическом дворе и были снесены наводнением в овраг напротив здания Двенадцати коллегий. Оплату этих дров также предлагалось записать в расход.

Наконец, еще одна деловая бумага за подписью «Ее сиятельства Академии наук директора и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашко-

вой» от 19 июня 1789 г. содержит требование к городской думе принять участие в финансировании починки после наводнений и весенних разливов Невы пристаней на академическом берегу и возле Меншиковского дворца, которыми город пользуется для перевоза, а также укрепления и возвышения самого деревянного берега. Наряду с проходящей лейтмотивом через представленные в докладе архивные документы, свидетельства очевидцев и иконографию наводнений темой дров (они были необходимы для просушки пострадавших зданий) это обращение наглядно демонстрирует не только взаимодействие императорских учреждений в лице Академии наук и властей Петербурга, но и само устройство городского быта в XVIII в.

Затем на суд участников семинара был представлен совместный доклад ученого секретаря Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН Татьяны Игоревны Маловой и документоведа того же института Нины Геннадиевны Зеленковой ««Стихия и культура»: к характеристике катастрофического наводнения Невы 7 (19) ноября 1824 г.». Основной акцент в докладе был сделан на катастрофических наводнениях, представляющих собой «вековой последовательный» ряд: 5 (16) ноября 1721 г., 7 (19) ноября 1824 г. и 23 сентября 1924 г. Утверждая наличие здесь очевидной закономерности, исследовательницы особо подчеркнули, что причисление наводнения 5 (16) ноября 1721 г. к разряду катастрофических ранее уже было доказано в публикациях 2010–2020-х гг. Кроме того, в качестве важного источника по истории наводнения 1824 г. ими был проанализирован эпистолярный государственный деятеля Александровской эпохи, журналиста, издателя, переводчика, члена Российской академии (с 1807 г.) Ивана Ивановича Мартынова (1771–1833), книжное собрание которого сильно пострадало 7 (19) ноября 1824 г. В своих письмах Мартынов не только дает характеристику понесенного ущерба, но и последовательно отмечает высоту затопления отдельных районов Петербурга, что представляет несомненную ценность для всестороннего исследования этого природного феномена.

С другим совместным докладом «Отклик на наводнение 1824 г. в поэме академика Ф.Б. Грефе» выступили заведующая Отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Екатерина Юрьевна Басаргина и младший научный сотрудник того же отдела Мария Николаевна Додеус. Академик (с 1820), декан историко-филологического факультета и профессор по кафедре греческой и римской словесности Санкт-Петербургского университета, знаток древней поэзии и поэт Федор Богданович Грефе (1780–1851) стал свидетелем наводнения 1824 г. В 1826 г. он сочинил большую поэму к 100-летию Академии наук. Она была написана на древнегреческом языке и сопровождалась авторским переводом на родной для Грефе, который родился в саксонском Хемнице и прибыл в Россию лишь в 1810 г., немецкий язык. Лейтмотивом поэмы является петербургская тема. В докладе были проанализированы пассажи, посвященные Неве как главной водной артерии столицы, а также отмечены аллюзии на наводнение 1824 г.

Методист 1-й категории Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина Алевтина Станиславовна Афоничева предложила вниманию слушателей доклад «Петербургские наводнения 1824 и 1924 гг. по материалам элек-

тронных коллекций Президентской библиотеки». Отметив уникальный потенциал этого собрания для комплексного исследования данной темы, докладчица обратилась к хранящимся здесь оцифрованным документам из Российского государственного исторического архива и Государственного архива РФ, которые позволяют пролить свет на последствия двух вышеназванных природных катастроф.

Массив источников, относящихся к наводнению 1824 г., может быть условно разделен на две группы: в первую входят сведения о жертвах и выдаче разнообразных пособий пострадавшим, во вторую — о повреждении зданий и публичных пространств (Зимнего дворца, Летнего сада, университета и петербургских училищ и проч.). Так, например, дела о погибших и потерпевших сотрудниках Академии наук, Академии художеств и других императорских учреждений наглядно демонстрируют масштаб этого природного бедствия. А дело о выдаче пособий учителям петербургских уездных училищ из сумм государственного казначейства за самоотверженную помощь пострадавшим в 1824 г. от наводнения свидетельствует о высокой степени самоорганизации и действиях обычных горожан в экстренных обстоятельствах. Важным картографическим источником является цветной план 1824 г. с обозначением тех частей Петербурга, которые подверглись удару стихии. Помимо архивных документов, в коллекции Президентской библиотеки представлена одна из первых публикаций об этом разрушительном наводнении — «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге, составленное почетным членом Государственного Адмиралтейского Департамента В.Н. Берхом в 1826 г.»).

Ленинградское наводнение 23 сентября 1924 г. считается вторым по масштабу за всю историю наблюдений. Вода в дельте Невы поднялась тогда до уровня 369–380 см выше ординара. Последствия наводнения были зафиксированы в серии фотографий А.К. Буллы. Пресса активно освещала это событие. Газеты пестрели заголовками: «Грандиозное наводнение», «Ленинград под водой», «Сильное наводнение в Ленинграде». Возможности Президентской библиотеки позволяют ознакомиться с подобными печатными материалами. Среди хранящихся здесь электронных копий архивных документов докладчица отметила коллекцию распоряжений тогдашнего руководства города о различных мерах для устранения последствий стихийного бедствия, а также датированное 1 октября 1924 г. свидетельство проявленной москвичами солидарности с горожанами «О разрешении МХАТ устройства концерта в пользу населения Ленинграда, пострадавшего от наводнения».

Тему самого крупного городского наводнения в XX в. продолжила развивать директор Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб) Фаина Валерьевна Недбай, которая выступила с докладом «Ленинградское наводнение 1924 г. и Государственный институт экспериментальной медицины: описание очевидцев, нанесенный ущерб и ликвидация последствий (по материалам ЦГАНТД СПб)». Анализ хранящейся в фонде Института экспериментальной медицины (фонд Р-182) переписки с Народным комиссариатом здравоохранения и Петроградской районной тройкой о последствиях наводнения 23 сентября 1924 г. позволил докладчице

оценить масштаб стихийного бедствия для конкретного научного учреждения, выявить перечень утраченного имущества, описать действия городских властей и сотрудников института, направленные на восстановление его работы. Научный быт уже советской эпохи вновь оказался в фокусе природной катастрофы.

В докладе главного хранителя фондов Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук БАН (ОИАН БАН) Светланы Юрьевны Гусевой «Ленинградское наводнение 1924 г. и его последствия для Книгохранилища академических изданий» были проанализированы отчеты Академии наук СССР 1920-х гг. с описанием ущерба, нанесенного стихией книжным коллекциям. Как отметила докладчица, в Бронированном фонде (преемнике Книгохранилища академических изданий) сохранились экземпляры со штампом «Повреждено наводнением 23 сентября 1924 г.». Главный библиотекарь НИОРК БАН Елена Викторовна Лудилова подтвердила это наблюдение Светланы Юрьевны, указав, что в русском фонде НИОРК БАН имеются издания с идентичным штампом.

Заключительный доклад семинара «Повреждение документов водой: профилактика и ликвидация последствий» был подготовлен сотрудниками Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ БАН) Екатериной Анатольевной Тилевой, Ириной Владимировной Цевелевой, Инной Геннадьевной Паньковой и посвящен технологиям восстановления и последующего хранения документов, которые пострадали от воды.

При подведении итогов заседания участники семинара отметили актуальность поднятой темы и предложили продолжить ее обсуждение на регулярной основе.

Список источников

1. Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга: монография / Сост. и коммент. К.А. Кумпан, А.М. Конечного. Москва: Книга, 1991. 68 с. (репринт изд.: Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1924).
2. Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальную повесть сохранить...». Об авторе и читателях «Медного всадника». Москва: Книга, 1987. 352 с.
3. Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург»: монография / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград: Советский писатель, 1988. 416 с.
4. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. С. 259–367.
5. Каратыгин П.П. Летопись Петербургских наводнений 1703–1879 гг. Санкт-Петербург, 1889 г. 87 с.
6. Летопись Российской Академии наук / Сост. и пер. Е.Ю. Басаргина, Л.И. Брылевская, Ю.Х. Копелевич, А.Б. Кузнецова, Н.И. Невская, Е.П. Ожигова, Г.И. Смагина, С.Ю. Трохачев; Отв. ред.: Н.И. Невская. Т. I. 1724–1802. Санкт-Петербург, 2000. 994 с.
7. Беспятых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. Санкт-Петербург: «Историческая иллюстрация», 2013. 408 с.
8. Бухановский А.В., Калюжная А.В., Лопатухин Л.И., Померанец К.С. Наводнения в Санкт-Петербурге: история и современность. Санкт-Петербург: ИТМО, 2017. 88 с.

DANILOV I. Scientific seminar “Natural dangers of the past. Disaster and culture: the fate of library and other collections during periods of catastrophic floods in St. Petersburg” in the Russian Academy of Sciences Library

Danilov Igor — Researcher of the Research Department of Rare Book Russian Academy of Sciences Library, associate professor of the Department of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Saint-Petersburg, Russia, e-mail: igordanilov1990@gmail.com

ABSTRACT

The article is a review of the reports of a scientific seminar devoted to the catastrophic consequences of the St. Petersburg floods for scientific collections and book collections of the Academy of Sciences.

Key words: natural disaster, «Petersburg myth», seminar, archival evidence of floods, history of the book, restoration, Russian Academy of Sciences Library.

Н.С. Андреева

НАВОДНЕНИЕ 1824 г. И ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК: неизвестный архивный документ

Андреева Наталия Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iskjul@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Впервые публикуется архивный документ, относящийся к Петербургскому наводнению 1824 г. Это донесение президента Императорской Академии наук С.С. Уварова 12.11.1824 г. министру народного просвещения А.С. Шишкову «О погибшем народе во время наводнения». Публикацию сопровождают вступительная статья и научный комментарий.

Ключевые слова: Академия наук, Уваров Сергей Семенович, Шишков Александр Семенович, Бенкендорф Александр Христофорович, Санкт-Петербургское наводнение 1824 г., типография Академии наук, Иордан Федор Иванович.

7 (19).11.1824 г. Санкт-Петербург пережил самое сильное и разрушительное наводнение в своей истории. Невиданный доселе масштаб стихийного бедствия, обрушившегося на столицу Российской империи, произвел неизгладимое впечатление на современников и отразился как в литературе (наиболее яркие примеры — петербургская повесть «Медный всадник» А.С. Пушкина и статья Ф.В. Булгарина «Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 г.»), так и в мемуаристике. Потрясение от пережитого наряду со стремлением понять и осмыслить увиденное побуждали очевидцев наводнения 1824 г. к написанию воспоминаний.

По свидетельству мемуаристов, всю ночь напролет с 6 на 7.11.1824 г. в Петербурге дул штормовой ветер. Пушка в Петропавловской крепости стреляла почти непрерывно, возвещая о повышении уровня воды в Неве и грозившей городу опасности. Однако из-за ветра не во всех частях столицы слышали ее канонаду, которая предупреждала о наводнении. К утру 7 ноября ветер превратился в ураган, срывал крыши с домов и вырывал с корнями большие деревья. Образовавшаяся в результате нагонная волна в 10 час. дня вызвала наводнение.

Нева поднялась на 4 м 20 см и к полудню почти две трети города оказались затопленными. Вплоть до 14 час. вода прибывала с большой скоростью, заливая улицы, нижние этажи домов, разбивая в них стекла, ломая двери и заборы, снося деревянные постройки и мосты. По затопленным улицам неслись барки, галиоты, различные суда, разрушая все, что оказывалось на их пути. И так продолжалось до 15 час., когда вследствие перемены погодных условий вода начала спадать, причем значительно быстрее, чем прибывала до того.

Наводнение 1824 г. не обошло стороной и Академию наук, однако этому в исторической литературе до сих пор специального внимания не уделялось. Некоторое представление о происходивших 7.11.1824 г. вокруг нее трагических событиях дают воспоминания современников — ректора Академии художеств, а тогда ее пенсионера Ф.И. Иордана, и генерал-адъютанта Александра I, впоследствии шефа Отдельного корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа.

В 1824 г. Иордан гравировал портрет балерины А.И. Истоминой и 7 ноября направился за его оттиском из Академии художеств в Академию наук к известному в то время печатнику Сыченеву. Однако сильное ненастье, обрушившееся в тот день на Петербург, помешало художнику осуществить свое намерение. Иордан вспоминал: «Вышед из Академии и дойдя до кадетского корпуса при сильном бурном ветре, увидел я, что из водосточных труб (из-под земли) бьют фонтаны, и по Первой линии образовался длинный ручей, который я не решился переступить, и воротился домой; после чего разыгралась сильная буря» [2, с. 40].

К 3 часам дня он все же решил подняться на крышу Академии художеств, чтобы посмотреть на происходившее вокруг, и оставил весьма яркое свидетельство об увиденном: «ужас представлялся глазам: барки с сеном и другие суда не плыли, а летели против течения, — писал Иордан, — ни дорог, ни набережных не было видно, и только дома торчали из серой бушующей стихии» [2, с. 40].

Впечатления Иордана дополняют воспоминания А.Х. Бенкендорфа, дежурившего в этот день в Зимнем дворце. В частности, он так описывал происходившее между Академией художеств и дворцом: «Тем временем непогода усиливалась, вода стремительно поднималась, река все больше покрывалась пеной и различными обломками. Дюжина больших барок, стоявших около Академии, сорвалась с привязей и была брошена выше по течению на Большой Васильевский мост (*вероятно, имеется в виду наплавной Исаакиевский мост — Н.А.*). Из окон дворца мы видели, как эта масса ударила и с яростью проламывала опоры, из которых состоял мост. В мгновение ока барки и мост разбились друг о друга, обломки были выброшены на гранит набережной и увеличили собой количество разных осколков, уже плававших на Неве. Император увидел, как группа людей цеплялась за остатки одной из этих барок, ветер быстро пронес их перед его глазами» [1, с. 314–315]. Далее Бенкендорф повествует о том, как по распоряжению Александра I он спасал этих людей.

На следующий день — 8.11.1824 г. — появились первые сведения о масштабах бедствия, постигшего Санкт-Петербург. Наводнение среди прочего снесло все 3 наплавных моста через Большую Неву и повредило Большой цепной чугунный мост (Пантелеймоновский). Во всех частях города пострадали набережные — во многих местах с них обвалилась гранитная облицовка, а решетки попадали в воду или оказались на тротуарах.

У Первого Кадетского корпуса смыло гауптвахту и разломало 70 сажень забора. К нему же принесло барку с сеном весом до 3 тыс. пудов, принадлежавшую крестьянину Евдокимову, и красного дерева с Биржи. Другая такая же барка с сеном до 2 тыс. пудов оказалась у Двенадцати коллегий. На набережную напротив дома Академии наук по 7-й линии

Васильевского острова выбросило барку с дровами, а у Биржевых Амбаров — бот.

Васильевский остров оказался одной из наиболее пострадавших от наводнения частей города, ущерб был также причинен и Академии наук. Среди прочего были выбиты стекла в нижнем этаже Академического дома и разломано 15 сажень забора у Академии наук. Кроме того, погибли ее служащие и члены их семей. Об этом, в частности, свидетельствует публикуемый ниже документ — донесение президента Академии наук С.С. Уварова 12.11.1824 г. министру народного просвещения А.С. Шишкову «О погибшем народе во время наводнения» [3, л. 1–1 об.]. Он был выявлен мною в ходе научно-исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве и впервые вводится в научный оборот.

Как свидетельствует в этом донесении Уваров, от наводнения в особенности пострадали служители Академии наук, занимавшие низшие должности. Небольшой доход позволял им снимать лишь дешевое жилье в подвальных этажах, которые были затоплены практически сразу. По данным полиции 9.11.1824 г., в комнатах нижнего этажа Академии наук были залиты водой и утонули 5 человек. Уваров также сообщает о погибших служащих академии, которые проживали «на вольных квартирах у Смоленской». Вероятно, они жили там в деревянных домах, которые смыло наводнение.

Всего, по сведениям Уварова, погибло 11 человек, причем некоторые из них утонули целыми семьями [3, л. 1 об.]. В его донесении 12.11.1824 г. среди погибших чаще всего упоминаются «инвалиды» (т.е. отставные военные), а также члены их семей. Погибшие «инвалиды», предположительно, служили в Инвалидной команде Академии наук и выполняли функции сторожей.

Других сотрудников академии, также живших в нижних этажах Академических домов, по свидетельству Уварова, удалось спасти. Однако все они остались без своего имущества и, по его словам, были доведены до «крайнего раззорения» [3, л. 1 об.]. Уваров 16.01.1825 г. ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о выдаче пострадавшим от наводнения чиновникам и служащим Академии наук пособия из ее хозяйственных сумм в размере 13 514 руб. 60 коп. [4, л. 1–1 об.]. В отношении 15.04.1826 г. Шишкову Уваров сократил сумму испрашиваемого пособия до 12 163 руб. 14 коп. При этом общий ущерб, причиненный наводнением сотрудникам академии, по данным последнего, составил 47 850 руб. 60 коп. [4, л. 16 об.].

Как следует из приложенного к этому ходатайству списка пострадавших от наводнения, помимо чиновников академии, пособие также предполагалось выдать служащим ее типографии: 17 наборщикам, 17 печатникам, включая 3 словолитных подмастерьев и 5 словолитных учеников, 4 наборным ученикам, 10 подъемщикам, а также служившим при академии унтер-офицерам и сторожам. Выплаты предполагались также родственникам утонувших — дочери печатника Ивана Макарова — в донесении Уварова он указан как вольнонаемный инвалид — Наталье 189 руб., вдове унтер-офицера Давыда Дмитриева 45 руб., и потерявшему жену унтер-офицеру Евдокиму Иванову 63 руб. [4, л. 16–16 об.]. Однако сведений о том, было ли в итоге выплачено это пособие пострадавшим от наводнения, в указанном архивном деле не имеется.

Документ публикуется впервые, целиком, без каких-либо изъятий, в орфографии подлинника. Подчеркивания в его тексте даются курсивом.

№ 1

**Донесение президента Академии наук С.С. Уварова
министру народного просвещения А.С. Шишкову
«О погибшем народе во время наводнения» 12.11.1824 г.**

Господину Министру Народнаго Просвещения (1)

Долгом поставляю довести до Начальственного сведения Вашего Высокочтимейшего что во время наводнения постигшаго почти весь Петербург 7 числа сего месяца, в вверенной управлению моему Императорской Академии наук при всей попечительной деятельности Академической Полиции, соделались несчастною жертвою онаго: Счетчик при Комитете Правления *Федор Торопов*, Инвалидной Команды (2) вольнонаемный унтер офицер *Давыд Дмитриев*, Инвалид *Фадей Федоров с женою*, и жена вольнонаемнаго унтер офицера *Евдокима Иванова*. Сверх того жившие на вольных квартирах у Смоленской: Наборщик Канцелярист *Петр Кудрин* (3) с женою и сыном, — и вольнонаемный Инвалид *Иван Макаров с женою и сестрою*, всего 11. человек; — прочие же нижние служители Академии жившие в нижнем этаже Академических домов хотя и спасены, но все лишены своего имущества, и доведены до крайняго раззорения. Поставив себе обязанность озаботиться сколь возможно облегчением несчастной участи как семей утопших так и прочих раззоренных наводнением, я разрешил предварительно Комитет (sic! — Н.А.) Правления Академии Наук принять все нужные меры к их временному размещению и возложил в особенности на Г[осподина] Советника Бекмана (4) попечение о доставлении им главнейших потребностей жизни на счет собственных Хозяйственных сумм Академии.

Президент Императорской Академии Наук
Сергий Уваров (5)

По меты: л. 1 на левом поле: «Министерство Народнаго просвещения, Департамент народнаго просвещения, Отделение III, Стол 1, О погибшем народе во время наводнения. В Санктпетербурге 12. Ноября. 1824. № 150. От Президента Императорской Академии Наук», ниже вдоль текста документа: «Принято Г[осподином] Министром к сведению 19 нояб[ря] [1]824», в левом нижнем углу: «3», в левом верхнем углу: «123858», ниже: «9110», в правом верхнем углу: «14 нояб[ря] [1]824.»

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 288. Л. 1–1 об. Подпись — автограф.

Комментарии

1. Шишков Александр Семенович (1754–1841), российский государственный, военный и общественный деятель, адмирал (1824), писатель. Окончил Морской кадетский корпус (1772), преподавал в нем морскую тактику, участник русско-шведской войны (1788–1790), во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов российской армии 1813–1814 г. находился при Александре I. Почетный член Петербургской Академии наук (1800), государственный секретарь (1812–1814), президент

Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1824–1828), сенатор (1824), член Верховного уголовного суда по делу декабристов (1826).

2. Имеется в виду Инвалидная (Сторожевская) команда Академии наук.

3. Кудрин Петр (?–1824), из вольноопределяющихся мастеровых, сын казенного придворного мастерового, направлен в Академию наук из Санкт-Петербургского губернского правления. Наборщик в типографии Академии наук (1788), в 1817 г. произведен в канцеляристы. Погиб с семьей во время наводнения 1824 г.

4. Бекман (Boeckmann) Андрей (Андреас) Петрович (1778–1858), обучался во 2-м Кадетском корпусе, подпоручик в Кронштадтском артиллерийском гарнизоне, затем в Санкт-Петербургском артиллерийском гарнизоне (1799), вышел в отставку в звании поручика (1805). Экзекутор Академии наук (1809), советник ее Комитета правления (1821), титулярный советник (1809), надворный советник.

5. Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф, государственный деятель, антиковед. Президент Петербургской Академии наук (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849), сенатор. Создатель идеологии официальной народности.

Список источников

1. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802 — 1837. М., 2012
2. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. СПб., 2012
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 288
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 291.

ANDREEVA N. Flood of 1824 and Imperial Academy of sciences: unknown archival document

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

The archival document, concerned to the Saint-Petersburg flood of 1824 is published for the first time. There is the report of President of the Imperial Academy of sciences S.S. Uvarov 12.11.1824 to the Minister of Public Education A.S. Shishkov "About people drowned during the flood". The publication is accompanied by introductory article and scientific commentary.

Key words: Academy of sciences, Uvarov Sergej Semenovich, Shishkov Aleksandr Semenovich, Benckendorff Aleksandr Hristoforovich, Saint-Petersburg flood of 1824, Academy of sciences printing house, Jordan Fedor Ivanovich.

С.В. Виватенко, Т.Е. Сиволап

ИЗ ИСТОРИИ ПРИРОДНЫХ КАТАКЛИЗМОВ ВО ФРАНЦИИ. Парижское наводнение 1910 года

Виватенко Сергей Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения Санкт-Петербург, Россия, e-mail: svivat@bk.ru

Татьяна Евгеньевна Сиволап — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tntslp@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается о наводнении в Париже в 1910 году. «Вековое» наводнение Сены было вызвано несколькими факторами: в первую очередь, это циклон, который принёс на восток Франции громадное количество осадков в виде сильного дождя и снега, также ухудшила обстановку массовая вырубка лесов в горах Вогезы и Юра и сужение русла Сены в результате «великой реконструкции Парижа бароном Османом». Холодная зима привела к промерзанию почвы, через которую вода не могла просачиваться и уходить.

Ключевые слова: наводнение, природные катаклизмы, прибрежные районы, потоп, катастрофа, уровень воды, парижские власти.

Наводнение — природное явление, которое может произойти в любое время и в любом месте на планете. Не обходит этот катаклизм и столичный французский регион.

Париж основан на островах в пойме реки Сены, которая была подвержена наводнениям, поэтому часть прибрежных районов была заболочена (сейчас там находится исторический район города Маре (болото)).

Повышение уровня воды в Сене в районе французской столицы фиксируется каждый год, но не является критическим для горожан и городского хозяйства. Исследователи заметили, что раз в сто лет на Сене происходят катаклизмы катастрофических размеров.

Первым описанным парижским потопом было наводнение, произошедшее 28 февраля 1658 года, когда уровень воды в Париже достиг рекордных 8,81 метра от ординара. Этот подъем воды был спровоцирован снежной зимой 1657–1658 годов. К числу наиболее пострадавших в городе относятся такие главные улицы как Сен-Дени, Сен-Мартен и многие другие, последствия наводнения были просто колоссальными.

Парижские власти решили предотвратить последующие стихийные бедствия: в городе были построены коллекторы, канализация, дамбы, подсыпаны и подняты над уровнем Сены набережные. Но все это не помогло в январе 1910 года.

«Вековое» наводнение Сены было вызвано несколькими факторами. В первую очередь это циклон, который принес на восток Франции громадное количество осадков в виде сильного дождя и снега. К разлившимся рекам бассейна Сены: Йонн, Луан и Гранд-Морэн прибавилась

вода и из большого количества каналов, которые соединяли Париж и провинцию [1]. Также ухудшила обстановку массовая вырубка лесов в горах Вогезы и Юра.

Проходившая в 60-е годы XIX века «великая реконструкция Парижа барона Османа» подразумевала строительство новых или расширение старых парижских мостов, что привело к сужению русла Сены. Холодная зима привела к промерзанию почвы, через которую вода не могла просачиваться и уходить.

Катаклизм в Париже начался 20 января 1910 года. Дождь и таяние снега привели к поднятию уровня воды в Сене до 3,80 метра.

Парижане судят об опасности наводнения по уровню утопления статуи зуава. Мост Альма посвящен Крымской войне, на нем, кроме статуй егеря, артиллериста и гренадера, скульптор Жорж Дьеболь в 1856 году установил алжирского воина зуава. Его расположение на мосту привело к тому, что он стал ориентиром повышения уровня Сены. Высота статуи 5,2 метра [2, р. 2]. Уровень 3.80 метра означает, что вода находится по щиколотку воина и что в городе начинается наводнение.

21 января в 17:00 высота воды достигла 5-метрового уровня (зуав находился в Сене уже по колено). Берега 12-го округа были затоплены, склад винных бочек в Берси оказался весь под водой, а дождь продолжался.

22 января правительство решило действовать, направив войска для установки деревянных мостков на ближайших улицах к Сене. По городу можно было передвигаться только на лошадях, автомобили в воде глохли, электричество было не во всех районах города, трамваи и метро встали. Вокзалы Аустерлиц и Орсе также не функционировали, телефоны не работали.

В пригороде Парижа насчитывалось уже семеро погибших. Жители домов самоорганизуются: жильцы с «рэ де шоссе» (так парижане называют первый этаж многоэтажного дома) переезжают к соседям, проживающим выше, оставшимся без жилья жителям города было предложено укрыться в спортзале на улице Сен-Ламбер. Из продажи исчезают продукты, не работают рынки и продовольственные магазины. Начинается паника, все продукты на складах быстро раскупаются.

24 января Сена фиксирует уровень воды на отметке 6,75 метра.

Вывоз мусора приостанавливается, парижане от него избавляются, бросая в окна, в мутные потоки воды, беснующиеся под окнами домов. В Сену, затопившую улицы города, втекают также все канализационные стоки. По оценкам комиссии Альфреда Пекара (комиссия, созданная французской Палатой Депутатов, которую возглавил соратник Жоржа Клемансо, Альфред Пикар), в реку попало в общей сложности 1300 тонн отходов [3]. Загрязненная вода и крысы, покидающие затопленные подвалы, усугубляют антисанитарную обстановку, появляются многочисленные случаи скарлатины и брюшного тифа.

Власти организуют катера-такси, на которых доставляются хлеб и другие продукты в затопленные районы. Газеты призывают к солидарности [4, р. 1].

Среди волонтеров отметились: Красный Крест, Французская женская лига [5] и Camelots du Roi, которые пришли на помощь пострадавшему

населению. Монархисты взяли на себя организацию бесплатных столовых, раздачу еды, угля и одежды жертвам стихийных бедствий [6].

Полиция, пожарные и солдаты передвигались по заболоченным улицам на лодках, чтобы эвакуировать жителей из окон верхних этажей и раздать помощь. Беженцы собирались во временных убежищах в церквях, школах и правительственных зданиях. Хотя вода угрожала захлестнуть верхние части причальных стен вдоль реки, рабочие смогли удерживать Сену с помощью наспех построенных дамб.

28 января 1910 года из воды торчит только голова воина в мягкой феске, плечи зуава, в зависимости от ветра, то выплывают, то полностью находятся под водой. В Париже зафиксирован рекорд: 8,62 метра [7].

29 января 1910 года, после 12 дней непрерывного подъема воды, начался спад. Вода медленно уходила с магистралей города, и лишь 16 марта 1910 года Сена вернулась в свое нормальное русло (менее 2,50 м по шкале официального городского ординара Париж-Аустерлиц).

Результатом этой природной катастрофы для Парижа стали: 40 километров затопленных улиц, 12 из 16 районов города, в которых пострадало 20 000 зданий.

Исторически в городе все хранилось в подвалах зданий. Поэтому пострадали архивы — так, в городском суде (дворец Правосудия) архив погиб полностью. По этой же причине пострадали все книжные магазины, так как подвальные склады также были уничтожены.

По оценкам, общая сумма ущерба от наводнения составила более 400 миллионов золотых франков, что эквивалентно 1,6 миллиарда евро [8].

Погибших было немного. В районе Парижа было зафиксировано несколько смертей: двое дорожных ремонтников погибли при падении их машины в котлован в Альфорвиле, двое солдат умерли от сердечных приступов во время спасательных операций, один капрал скончался после опрокидывания лодки на реке. В пригородах погибло не менее 7 человек.

Власти отреагировали на потоп достаточно банально: французский президент Арман Фальер, председатель Совета министров Аристид Бриан и министр общественных работ Александр Мильеран посещают пострадавшие парижские районы регулярно с 25 января. Политические власти начинают принимать необходимые меры для управления кризисом.

В то время, когда шесть очистных и мусоросжигательных заводов на берегах Сены стали недоступны, префект города Лепэн организовал операцию «Мусор вдоль воды» для предотвращения эпидемий: пятьсот конных экипажей, которые каждое утро собирали 1500 тонн мусора, вылавливая его из воды. Мусор складывали на баржи, которые свозили его в Ла Манш. Когда уровень воды снизился, мусор, оставшийся на причалах и деревьях муниципалитетов, расположенных ниже по течению, также собирался и утилизировался за счет государства.

После январских паводков Министерство внутренних дел своим декретом от 9 февраля 1910 года создает «Комиссию по наводнению», целью которой стало изучение катастрофы и изыскание средств для предотвращения повторения подобных бедствий или, по крайней мере, для уменьшения их интенсивности, а также принятие мер, способных обеспечить в случае наводнения нормальную работу коммунальных служб. Эти экспертные заключения легли в основу отчета, известного как «От-

чет Пикара», который представляет собой одно из редких крупномасштабных исследований, проведенных французским государством за последние 150 лет.

В Париже начинаются активные действия по ликвидации последствий наводнения. По всему городу на домах появляются знаки — ординары, которые, помимо мемориального аспекта, являются и требованием, чтобы уровень первых этажей был выше уровня наводнения 1910 года [9]. Было начато строительство новых защитных сооружений и разработан проект работ по углублению русла Сены. Но начало Первой мировой войны в августе 1914 года на долгие годы приостановило эти преобразования.

Список источников

1. Analyse de la crue de la Seine en 1910 — publication scientifique a l'occasion du colloque SHF de 2013 sur l'hydrométrie // https://www.persee.fr/doc/jhydr_00000001_2013_act_35_1_1340#jhydr_0000-0001_2013_act_35_1_T47_0008_0000 (дата обращения 07.09.2023 г.)
2. Газета Le Time, 31 janvier 1955.
3. Picard A. «Rapport général de monsieur Alfred Picard, Président de la commission à monsieur le Président du Conseil», et l'ensemble des rapports techniques a lire en ligne. 1910.
4. Газета «Le Petit Parisien» 27 janvier, 1910.
5. Duchaussoy Auguste. Secours donnés aux victimes des inondations de Paris et des départements (janvier et février 1910): rapport général du comité central / [par le Dr Duchaussoy] // Association des dames françaises de la Croix rouge. P., 1910.
6. Rouzet Jean. Les grandes catastrophes en France, Ixelles Editions. P., 2009.
7. Jackson Jeffrey H. (2010). Paris under water: how the city of light survived the great flood of 1910. N.Y.: Palgrave Macmillan.
8. Monographie_des_inondations_de_janvier_1910_ etude_centree_sur_le_bassin_du_Doubs // https://www.researchgate.net/publication/301777279_ (дата обращения 07.09.2023 г.)
9. Exposition: la grande crue de 1910» // hauts-de-seine.fr

VIVATENKO S., SIVOLAP T. From the history of natural disasters in France. Paris flood of 1910

Sergey Vivatenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television, Department of Humanities and Social Sciences Saint-Petersburg, Russia, e-mail: svivat@bk.ru

Tatyana Sivolap — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television, Department of Humanities and Social Sciences Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tntslp@mail.ru

ABSTRACT

The article talks about the flood that occurred Paris in 1910. The «secular» flood of the Seine was caused by several factors. First of all, this is a cyclone that brought enormous amounts of precipitation in the form of heavy rain and snow to Eastern France. The situation was also worsened by massive deforestation in the Vosges and Jura mountains and the narrowing of the Seine channel as a result of the «great reconstruction of Paris by Baron Haussmann». The cold winter caused the soil to freeze, through which water could not seep in or escape.

Keywords: flood, natural disasters, coastal areas, flood, disaster, water level, Parisian authorities.

УДК 025.343.2
ББК 78.364

Н.В. Бекжанова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛОВ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК ПО СОЗДАНИЮ РЕАЛЬНЫХ КАТАЛОГОВ В 1930-е гг.

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научной систематизации литературы, Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bekzan17@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается о деятельности отделов Библиотеки Академии наук, в функциональные обязанности которых входило создание реальных каталогов в один из самых сложных в СССР периодов в истории систематизации — в 1930-е годы. Это время усилившегося политического давления, когда наиболее ярко была продемонстрирована зависимость систематического каталога от господствующей в государстве идеологии. На основе документов, сохранившихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, представлен процесс разработки библиотечных классификаций и составления в БАН систематического каталога.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, БАН, научно-библиографический отдел, отдел систематизации и информации, библиотечные классификации, реальные каталоги, систематический каталог, предметный каталог, история.

Первым отделом, созданным в Библиотеке Академии наук специально для построения реальных каталогов, стал систематизационный отдел II (Иностранного) отделения, который был выделен в самостоятельное структурное подразделение в 1924 г. Перед ним была поставлена задача — создать карточный систематический каталог, отвечающий требованиям своего времени (1). Главным вопросом, вставшим перед сотрудниками отдела, стал выбор классификации, которая должна была послужить основой такого каталога. Была предпринята попытка реанимировать и усовершенствовать классификацию К.М. Бэра, применявшуюся в библиотеке до 1917 г. Но достаточно быстро стало ясно, что схему, разработанную в первой половине XIX в., невозможно привести в соответствие с уровнем развития науки начала XX в. (2).

23 декабря 1929 г. на совещании сотрудников, в работе которого принимали участие В.И. Бернер, В.С. Золотилов, Л.Т. Лимберг, В.С. Серебренников, С.В. Толстая, М.А. Шангин (секретарь), Ф.И. Шмойш (председатель) и А.В. Яковлева, было принято решение с 1 января 1930 г. «признать практически целесообразным принять десятичную систему как временную меру с доведением в принципе индексации до 3-го деления» [1, л. 1] (3).

Работу было решено начать с новой литературы, входящей в библиотеку с 1 января, с постепенным подключением более ранних поступлений. Система К.М. Бэра сохранялась только для многотомов и периодических изданий, уже имеющих индекс (он же шифр) (4) Бэровской классификации. «Путь книги» предполагал поступление книг в систематизационный отдел непосредственно «из инвентаря»,

и только потом они должны были передаваться в отдел схедеографии (5) [1, л. 1 об.].

На следующем совещании, которое состоялось 27 декабря 1929 г., при участии перечисленных выше сотрудников отдела, к которым присоединился К.В. Меликов, было определено в качестве временной меры, следуя традиции Бэровского каталога, писать индекс в левом нижнем углу титульного листа. Кроме того, было принято решение создавать два систематических каталога, в качестве расстановочного шифра выступал инвентарный номер, для книг большого формата к нему следовало добавлять особый знак [1, л. 2].

Переход на новую схему классификации осуществлялся постепенно. Частично продолжал работать коллектив, сформированный в середине 1920-х гг. при основании отдела. Некоторые из сотрудников были уволены после «чистки» 1929 г., другие к этому времени находились в заключении, в их числе заведующий — С.С. Абрамович-Барановский, арестованный в апреле 1928 г. и уволенный официально в августе 1929 г. Обязанности по руководству возлагались на старшего библиотекаря Ф.И. Шмойш (6).

За отделом сохранялись функции, определенные еще в 1925 г.: систематизация книжного фонда; составление систематического карточного каталога; комплектование библиотеки иностранными книгами; составление и обсуждение проектов, инструкций, правил, положений и т.п.; подготовка научных заключений о книгах по запросам библиотеки и посторонних учреждений. За каждым сотрудником закреплялся профильный раздел фонда, требующий постоянного внимания. Кроме того, они привлекались к составлению библиографических указателей, подготовке выставок, проведению экскурсий и другой работе.

Уже 16 января 1930 г. состоялось очередное заседание систематизационного отдела [2, л. 1], на котором решались вопросы перехода на работу в новых условиях. В нем принимали участие В.И. Бернер, В.С. Золотилов, Л.Т. Лимберг, Э.Г. Лурье, А.И. Молок, К.В. Меликов, В.С. Серебrenиков, С.В. Толстая, М.А. Шангин, Ф.И. Шмойш. Особое внимание в ходе обсуждения уделялось начатой еще в 1920-е гг. сверке отделов Бэровского фонда, завершить которую требовалось в ближайшее время. Еще на начальном этапе выявились серьезные расхождения между карточками, предназначенными для систематического каталога (7), и собственно фондом. Для тех сотрудников, которые не завершили эту работу, рабочее время распределялось между проверкой и систематизацией новой литературы по десятичной классификации. Сотрудники, справившиеся со своими разделами, должны были помогать коллегам (В.С. Серебrenиков — С.В. Толстой, В.С. Золотилов — А.А. Гизетти, все остальные сотрудники — В.И. Бернеру [2, л. 5]), а также систематизировать профильную литературу.

На вновь принятую на должность старшего библиотекаря Э.Г. Лурье была возложена обязанность по разбору карточек, написанных на новые поступления, но еще не содержащих систематического индекса. Начавший работать в отделе А.И. Молок был привлечен к работе над разделом X История и география отдельных народов и стран (8). За М.А. Шангиным был оставлен древний и средний период, а А.И. Молоку передан новый и новейший период [2, л. 1].

В связи с переходом на систематизацию по десятичной классификации нешифрованного фонда, перед сотрудниками была поставлена задача ознакомиться с закрепленными разделами, выявить имеющиеся недочеты в схеме и сделать «необходимые добавления и указания» [2, л. 5].

На заседании 24 февраля 1930 г. [2, л. 2], в котором, помимо сотрудников систематизационного отдела, принимали участие и коллеги из журнального отдела О.К. Васильева, О.К. Ернштедт, Н.В. Султанова и Н.П. Сурина, обсуждался вопрос, связанный с обработкой периодических изданий, которые, как и прежде, выделялись в самостоятельный поток. Работа по обработке журналов, поступающих в разделы II–IX, XI–XVII и частично в I отдел, была возложена на систематизационный отдел. Сотрудники журнального отдела обрабатывали периодические издания, поступающие в X отдел и частично в I отдел.

К собственно систематизации по десятичной классификации приступили, как становится ясно из отчетов отдела, только с мая месяца. За первый месяц было систематизировано 672 названия, которые распределялись следующим образом по отделам классификации: I — 78; II, XIV — 41; III, XIII — 22; IV, V, VI — 64; V, VI, VII, VIII, XVII — 100; IX, X — 47; XI — 320 [3, л. 7].

В 1931 г. в БАН продолжилась задуманная еще в последние годы предыдущего десятилетия перестройка по функциональному принципу (9). Задачи, которые были поставлены перед библиотекой, включали «максимальное раскрытие собранных в Б[иблиотеке] научных фондов <...> максимальную активизацию работы Библиотеки — постепенный переход от пассивной выдачи по требованиям к сознательной выдаче с учетом интересов читателя» [4, л. 1–1 об.]. Все это требовало обращения особого внимания «на работу по реальному каталогу, по справочно-библиографической работе и активной работе с читателем» [4, л. 1 об.].

Составление реальных каталогов после структурной перестройки БАН сконцентрировалось в научно-библиографическом отделе (НБО). Для этого в его составе были выделены два подотдела: классификационно-библиографический, который занимался составлением предметного и систематического каталогов, и подотдел реального каталога, в обязанности которого входило оформление предметного каталога. К работе в этих подотделах в разном качестве были привлечены прежние сотрудники систематизационного отдела и новые, вновь поступившие в БАН или перешедшие из других отделов: О.О. Вольценбург, Б.В. Злочевская, В.С. Золотилов, Н.М. Каратаев, А.Е. Кудрявцев, Т.Г. Мазюкевич, А.Я. Михайлова, В.П. Новоселов, В.А. Петров, С.В. Толстая, В.В. Успенский, К.И. Шафрановский, Д.И. Штейнрайх, Е.Л. Щукина-Бодарец и др.

В проекте Положения о классификационно-библиографическом подотделе выделялась главная задача, решению которой должен был способствовать подотдел — «всемерная помощь учреждениям АН, научным работникам Ленинграда и производствам, обслуживаемым библиотекою АН, в их текущей научной и производственной работе» [4, л. 122]. Для этого в качестве одного из важнейших направлений деятельности подотдела было определено «создание и ведение реальных каталогов, вскрывающих содержание книжных богатств библиотеки на русском и иностранных языках» [4, л. 122].

На 1931 г. основными каталогами, составляемыми в БАН, были генеральный алфавитный каталог, а также два реальных каталога: «систематический каталог русских книг, опубликованных с 1917 г., в который с начала 1931 г. включается вся вновь поступающая иностранная литература» и «предметный каталог русской и иностранной литературы, поступившей в Библиотеку с сентября 1930 г.» [4, л. 131]. В предметном каталоге не отражалась беллетристика, часть массовой литературы и тому подобные издания. Во все три каталога не вливались карточки на журналы и газеты.

Имелись в БАН и старые — «мертвые» — систематические каталоги, которые не пополнялись карточками с момента перехода в 1930 г. на десятичную систему. Это были: 1. «систематический каталог по системе К. Бэра иностранных книг, поступивших в Библиотеку до 1914 года на карточках малого размера (около 80 тысяч карточек в 20–24 карточных коробках); 2. копия этого каталога (вернее оригинал) в неуклюжих фолиантах огромного размера; 3. систематический каталог иностранных книг, поступивших в Библиотеку с 1914 по 1930 год на карточках малого размера» [4, л. 131 об.]. Систематического каталога на русские книги до 1917 г. не было вовсе, к началу 1930-х гг. сохранились лишь отдельные разрозненные тома на некоторые отделы, а также заготовки для будущего каталога — комплекты «расклеенных карточек» из «Книжной летописи» и библиографического приложения к «Правительственному вестнику». Последние занимали три больших шкафа, но не были подвергнуты систематизации и требовали серьезных трудозатрат, как и дублетный каталог на книги Славянского фонда, предназначенный для включения в систематический каталог.

С целью решения поставленной перед БАН, а следовательно, и перед ее отделами задачи — создать инструмент, позволяющий максимально раскрыть фонды библиотеки, в связи с чем были высказаны следующие предложения: организовать систематический каталог на иностранные книги, зашифрованные по системе К.М. Бэра, и представить его читателю в помещении справочного подотдела; систематический каталог на иностранные книги, созданный в 1920-е гг. по модернизированной системе К.М. Бэра, в течение 1932 г. перешифровать по десятичной классификации и влить в основной систематический каталог русских книг с 1917 г. Все это должно было позволить создать в БАН единый систематический каталог на русские книги с 1917 г. и на иностранные книги с 1914 г. [4, л. 132].

Большинство этих работ велось в качестве обязательств по социалистическому соревнованию [4, л. 135–136]. Например, Т.Г. Мазюкевич приводела в порядок каталог по сельскому хозяйству (14 ящиков), Л.М. Гаркави — по общественным наукам (29 ящиков), В.П. Новоселов обязался полностью оформить и подготовить к представлению читателям предметный каталог.

В отчете НБО зафиксировано, что за 1931 г. усилиями двух подотделов, в чьи обязанности входила работа с реальными каталогами, в состав предметного каталога были включены сведения о 19 426 книгах при плане 24 225 книг, что составило 80% от плана; в систематический каталог — 24 901 книга при плане 39 225 книг, что составило 63% от за-

дания. Была приведена в порядок значительная часть составленного в предыдущие годы систематического каталога в количестве 43 ящиков. С 1 мая 1931 г. в читальном зале справочного подотдела НБО был выставлен предметный каталог текущих поступлений [4, л. 26]. Таким образом, именно предметный каталог в эти годы стал основным реальным каталогом БАН, что подтверждается словами В.В. Успенского, произнесенными им в докладе 22 февраля 1933 г. [6, л. 6].

Результаты работы подотделов по созданию реальных каталогов за отдельные месяцы 1931–1932 гг. выразилась в следующих цифрах (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты работы над реальными каталогами в 1931–1932 гг.

Период	Получено книг из отдела каталогизации	Сдано книг	Засистематизировано	Запредметизировано	Подготовлено карточек АПУ к ПК	Расставлено карточек в СК и ПК
1931 год [4, л. 70, 71, 82]						
Август	2416	2793	2311	3595	1539	3800 (ПК) 2197 (СК)
Сентябрь	2328	2481	2328	1823	2810	5200 (ПК)
Октябрь	3884	2681	2321	1835	1493	5296 (ПК) 2321 (СК)
1932 год [5, л. 16–17]						
Янв.–март	11801	14312	9567	5483	2831	12592 (СК) 7062 (ПК)

Обязанности между сотрудниками подотделов в части работы над реальными каталогами распределялись в зависимости от профиля их образования (см. Приложение 1).

В это же время началась работа по созданию реальных каталогов в библиотеках сети. Для специальных библиотек АН в БАН на всю монографическую литературу, комплектуемую через центральную библиотеку, подготавливались и передавались карточки не только для алфавитного, но и для реальных каталогов [4, л. 108].

22 февраля 1933 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета БАН, основной доклад на котором представил ученый секретарь В.В. Успенский, возглавлявший в этот период в библиотеке работу по созданию реальных каталогов. В своем выступлении он доказывал, что ведение двух реальных каталогов для БАН в имеющихся условиях чрезвычайно затратно. Накопленный же за два года опыт работы с предметным каталогом говорит о неполном его соответствии задачам, поставленным перед библиотекой [6]. Следовательно, главным реальным каталогом в БАН, по его мнению, должен был стать систематический каталог, в основу которого следовало положить оригинальную, единую для всех библиотек страны классификацию. Понимая всю сложность решения этой задачи, В.В. Успенский предлагал на первых порах составить «такую предварительную рабочую схему <...> идущую от наиболее общих наук к наукам более частным, т.е., примерно — от математики, механики, физики, сейсмологии, тригонометрии, через химию, через физико-географические науки, через геологические, через биологические науки, постепенно приближаясь к человеку и ко всем наукам, связанным с миром человеческим и социальным» [6, л. 26].

22 ноября 1933 г. состоялось совместное совещание НБО и справочно-библиографического отдела, в работе которого приняли участие В.П. Алексеева, В.И. Бернер, Л.М. Гаркави, Ц.А. Городецкая, В.С. Золотилов, Е.А. Кедрова, В.М. Лавров, З.Н. Лахтина, Г.М. Лукомская, Т.Г. Мазюкевич, А.Я. Михайлова, В.А. Петров, М.Н. Файн, К.И. Шафрановский. По результатам проведенного обсуждения было принято решение в кратчайшие сроки закончить «проработку материалов — карточек вглубь» [7, л. 23], как базу для составления классификационных схем. Кроме того, сотрудникам предлагалось ознакомиться с вышедшими в последнее время схемами В.И. Невского, И.С. Книжника-Ветрова и др. О результатах этой работы следовало сделать сообщение на следующем совещании с целью выработки собственных подходов к составлению схем. Бригадиром по выполнению этой работы был назначен В.А. Петров, а В.С. Золотилону и К.И. Шафрановскому, как авторам схем для академических изданий, была отведена особая роль. Всю подготовительную работу предполагалось закончить к 15 декабря с тем, чтобы дальше перейти к проработке самих схем. Таким образом, конец 1933 г. стал свидетельством того, что БАН отказывалась от десятичной классификации и переходила к разработке собственных схем.

Очередное заседание НБО состоялось 19 декабря 1933 г. при участии директора БАН И.И. Яковкина и К.И. Гусак, возглавившей отдел в сентябре 1931 г. (10). На нем обсуждались схемы реальных каталогов по естественным наукам и геологии (сост. В.С. Золотилов и Н.Н. Янжул), по общественным наукам (сост. В.А. Петров). Первую было решено принять, вторую — принять за исключением отдела истории, который следовало «подвергнуть специальному обсуждению» [7, л. 24]. На 22 декабря было перенесено обсуждение «Общего отдела», в состав которого должны были войти марксизм-ленинизм, философия и диалектический материализм, организация науки и научные учреждения.

Заседание НБО 23 декабря 1933 г. было посвящено обсуждению обязательств, принятых БАН к XVII съезду ВКП(б), одним из пунктов которых стал вопрос о составлении схемы реального каталога [7, л. 25–25 об.]. По результатам было принято решение завершить работу к началу съезда (11) с тем, чтобы затем созвать совещание ленинградских библиотечных работников для обсуждения схемы, а также привлечь к работе над схемой академические учреждения.

Несмотря на смещение акцента в сторону систематического каталога, предметный продолжал пополняться карточками. Например, в отчете НБО за первое полугодие 1934 г. говорится, что из 29 821 библиотечной единицы (из них 13 745 на русском языке), обработанных в отделе, более половины русских книг было включено в предметный каталог [4, л. 94], что отмечалось как существенное увеличение на фоне того, что в предыдущие годы эта цифра не превышала 1/3 всех русскоязычных изданий.

Также в первом полугодии 1934 г. велась интенсивная работа над библиотечной классификацией. Были составлены или же переработаны в той или иной мере схемы по математике, геологии, биологии, теоретической экономике, истории, языку, литературе и философии [4, л. 94]. При этом учитывались замечания, которые были высказаны на совещании по реальному каталогу в 1933 г. Планировалась и переделка самого

каталога. Из запланированных 400 ящиков за первое полугодие удалось переработать только 40. В связи с таким серьезным отставанием по данной позиции в качестве ключевой в отчете отдела была выделена задача по переработке русского каталога с 1907 г. по физико-математическим и естественным наукам [4, л. 94 об.].

Летом 1934 г. состоялась 1-я Всесоюзная конференция по систематическому каталогу, организованная по инициативе БАН, которая должна была сыграть ключевую роль в объединении усилий библиотечного сообщества страны в деле разработки единой советской библиотечной классификации (12).

По результатам дискуссий, в ходе которых неоднократно звучали пожелания и предложения о совместной работе библиотек и научных учреждений в лице их ведущих ученых, специалисты начали обмениваться и обсуждать варианты разработанных ими схем. Например, 11 октября 1934 г. в ответ на просьбу Российской центральной книжной палаты было сообщено, что для них готовится перепечатка материалов совещаний по вопросам предметизации и систематизации, которые проходили в БАН. 23 октября по запросу Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ) БАН отправила для рассмотрения имеющийся у нее «материал по систематизации математических наук» [8, л. 26].

В отчете НБО за 11 месяцев 1934 г. [9, л. 62–63об.] говорится о том, что поставленную на 1934 г. задачу разработать новые схемы и переработать по ним весь имеющийся на начало года в систематическом каталоге комплект карточек на русском и иностранных языках (около 400 ящиков) выполнить не удалось из-за недостатка специалистов, которые, помимо систематического каталога, должны были заниматься и предметным каталогом, а также еще целым рядом оставленных за ними обязанностей по комплектованию библиотеки, составлению библиографических пособий, подготовке выставок и др.

Кадровую ситуацию в НБО, да и в библиотеке в целом, в этот период можно назвать нестабильной, наблюдалась очень серьезная текучка. По данным лицевых счетов по заработной плате, из 26 сотрудников НБО [10], числившихся в 1933 г., лишь пятеро поступили в БАН в предыдущем десятилетии, большинство же начали работу в отделе в 1931–1933 гг., т.е. имели непродолжительный опыт библиотечной работы. За следующие три года (1934–1936 гг.) сменился половинный состав отдела [11–14].

Длительный период в течение 1934 г. в отделе отсутствовали специалисты по философии, технике, геологии, что заставляло прибегать к крайним мерам — оставлять в отделе карточки с тем, чтобы впоследствии при появлении специалистов данного профиля систематизация велась по карточкам. По разным причинам практически полностью была расформирована бригада оформления реального каталога, что также тормозило работу над каталогами. Вопреки всем этим проблемам пропуск текущих поступлений велся ритмично, поступающие в отдел книги обрабатывались в течение одного или двух дней.

К концу 1934 г. удалось составить схемы по математике, геологии, биологии, химии, теоретической экономике, всеобщей истории, истории отдельных стран, языкознанию, философии. Они прошли обсуждение и

были утверждены. Кроме того, на завершающем этапе находились схемы по литературоведению, истории ВКП(б), Коминтерну, медицине.

По названным схемам были переработаны 80 ящиков систематического каталога, в их числе 54 ящика карточек на русском языке. Также были составлены «рабочие ключи» к каталогам по биологии и языкознанию.

С 1 октября 1934 г. в БАН было прекращено составление предметного каталога, что позволило сконцентрировать все силы на систематическом.

1935 г. стал годом, когда перед БАН была поставлена задача по переводу библиотеки в Москву. В части систематического каталога следовало завершить работы 1934 г. по составлению и оформлению отделов по теоретической экономике и истории, а также начать работу над каталогом по физике и конкретной экономике [15, л. 9].

В отчете за первый квартал 1935 г. зафиксировано, что сотрудниками НБО на основе новых схем велась работа по составлению следующих разделов систематического каталога: геология, математика, биология, химия, конкретная экономика [15, л. 61]. Результатом должны были стать каталоги вместе с ключами, которые можно было бы представить читателям [15, л. 79].

«Годовой план Совета специалистов АН на 1935 год» [15, л. 104–105 об., 151–152] позволяет увидеть положение дел с конкретными разделами систематического каталога и теми задачами, которые стояли в 1935 г. перед отдельными специалистами (см. Приложение 2). В большинстве своем запланированные отделы систематического каталога были подготовлены. В дополнение к плану велись работы по таким разделам, как «Философия» и «Химия». Зафиксированное отставание по ряду разделов произошло из-за «полного отсутствия специалиста по медицине и продолжительного отсутствия специалиста по агрономии» [15, л. 159]. Кроме того, «был переработан каталог по русской и иностранной периодике по специально составленной схеме и составлен ключ к нему» [15, л. 160].

На протяжении года продолжалась работа по составлению реальных каталогов в библиотеках сети (ЗИН, ИИНиТ, БИН, ГАО, ИКДП, ИЯМ и др.), где они охватывали как текущие поступления, так и засистематизированные в предыдущие периоды части фонда [16, л. 113].

В марте 1936 г. приказом дирекции в самостоятельное структурное подразделение был выделен отдел систематизации и информации (ОСИ). Заведующим был назначен В.В. Успенский. Фактически же формирование было закончено к началу мая, тогда же отдел приступил к выполнению своих функций. Штат его на первых порах был определен в количестве 13 сотрудников, ставки на протяжении всего года полностью не были заполнены. В первую половину года работало 9 человек, во вторую половину — 11. Осложняли работу и болезни сотрудников, многие из которых отсутствовали по несколько месяцев [17, л. 122].

Обязанности, возложенные на отдел, как и в случае с систематизационным отделом и подотделами НБО, выходили далеко за рамки работы над реальными каталогами. Они включали: 1. пропуск, систематизацию и вливание в каталог карточек на текущие поступления; 2. составление систематических каталогов; 3. информационную работу по теме «Хрони-

ка научной жизни капиталистических стран»; 4. комплектование библиотеки новой иностранной литературой; 5. систематизацию библиографических материалов; 6. организацию выставок; 7. составление библиографических списков тематического характера [17, л. 122 об.].

Как отмечается в отчете за 1936 г., до 60% рабочего времени сотрудников занимали «текущие поступления» (в первую очередь иностранная периодика, которой за год поступило вдвое больше запланированной цифры). Она обрабатывалась «с точек зрения: систематизации, информации, комплектования и повышения квалификации самих сотрудников» [17, л. 123]. На работу с систематическим каталогом приходилось не более 25% рабочего времени. Большие объемы работы выполнялись на договорных началах, для чего привлекались специалисты на временных условиях или по совместительству.

Необходимость изменить соотношение в пользу систематического каталога, а также расширить штат отдела как в части специалистов, так и в части технического персонала, отмечалось в отчете отдела за 1936 г. [17, л. 123 об.–124].

Вопреки всем сложностям, усилиями сотрудников, среди которых всегда недоставало специалистов того или иного профиля, были завершены и выставлены в справочном читальном зале каталоги по химии (15 000 карточек), биологическим наукам (13 000 карточек, что составляло пример 50% общего объема отдела), книговедению (16 000 карточек), философии (7000 карточек). Целый ряд других отделов (астрономия, механика, физика, география, история, марксизм-ленинизм) находились на разных этапах завершения. Для некоторых отделов в связи с отсутствием новых схем продолжали использовать десятичную классификацию [17, л. 8].

В 1937 г. через отдел прошло 66 000 библиотечных единиц при плане на включение в систематический каталог 63 300 [18, л. 1 об.], большая часть которых нашла отражение в систематическом каталоге (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты по систематизации в 1937 г.

	План	Выполнение	%
1. Книги русские	21 000	20 167	
2. Книги иностранные	16 000	9 690	
3. Журналы русские	2 300	2 100	
4. Журналы иностранные	24 000	26 900	
ИТОГО	63 300	58 857	96,5%

Со второй половины 1937 г. изменился подход к работе с текущими поступлениями. Если прежде специалист бегло просматривал книгу для систематизации при норме 3 минуты на одно издание, а в журналах просматривалась только библиография для целей комплектования, то с третьего квартала дирекция БАН обязала «просматривать иностранные монографии глава за главой, а журналы постатейно, как это требуют интересы обслуживания и установки открытой читательской выставки» [18, л. 1 об.–2]. При этом нормы были оставлены прежними, аргументом для подобного решения служило то, что установление новых норм требовало накопления достаточного объема опытных данных.

На протяжении всего 1937 г. сотрудники отдела продолжали разбор старых иностранных карточек (137 870 против 136 000 запланированных). К концу года были завершены начатые еще в два предыдущих года каталоги по астрономии и механике (~ 5 000 карточек), иностранный каталог по физике (~ 6 000 карточек), физической географии, минералогии, гидрологии (~ 9 000 карточек), почвоведению (~ 2 500 карточек). Несколько сложнее было с каталогом по биологии, который планировалось завершить в начале 1937 г. в части текущих поступлений (около 26 000 карточек), а к концу года включить и карточки старых каталогов (около 12 000 карточек). Однако с приходом нового специалиста выяснилось, что схема каталога требует более детальной проработки в части эволюционной теории, ботаники, зоологии, а также переработки по биохимии. В связи с этим составление каталога было приостановлено, основные усилия специалисты направили на разработку новой схемы, которую в начале 1938 г. планировалось представить на утверждение Президиуму Биологической группы АН [18, л. 3].

Серьезная работа была проделана по отделу «История», в частности, проведена детализация раздела региональной истории. Препятствием для дальнейшей работы стало сокращение штатов отдела, в частности, со второй половины 1937 г. на участке истории вместе запланированных 1,5 единиц осталось только 0,5 [18, л. 3об.].

В связи с неравномерностью загрузки сотрудников текущими поступлениями часть работ выполнялась сверх плана. В частности, за 1937 г. была завершена работа над каталогом по искусству и фольклору, велась работа над каталогом по философии, в каталоге по литературоведению начались работы по выделению «отдельными рубриками» литературных стилей и направлений [18, л. 4]. Значительное количество времени сотрудников продолжала отнимать работа по комплектованию БАН иностранной литературой, подготовке выставок.

Летом 1937 г. в рамках координации совместной работы БАН и Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук АН (ФБОУОН, ныне ИНИОН) по комплектованию фондов, обслуживанию и методологии библиотечной работы в соответствии со специальным постановлением Президиума АН СССР (13), принятым 15 мая 1936 г., в БАН прибыла комиссия из ФБОУОН, которая должна была изучить состояние дел с систематическим каталогом в библиотеке. Представители комиссии просматривали карточки, схемы и разделители, беседовали с В.В. Успенским и сотрудниками отдела, занимающимися разработкой схем и составлением каталога [19].

В результате работа отдела систематизации и информации подверглась серьезной идеологической критике, отмечалось, что каталог засорен «вредительской и контрреволюционной литературой» [20, л. 18]. Звучали и претензии чисто технического характера. Стремясь защитить каталог и работавших над ним сотрудников, В.В. Успенский частично признал допущенные недочеты и пообещал выполнить некоторые из указаний комиссии.

В январе 1938 г. состоялся ответный визит В.В. Успенского и И.В. Новосадского (14) в ФБОУОН. Перед ними была поставлена задача ознакомиться с реальными каталогами ФБОУОН и разработать план дальней-

ших совместных действий по объединению каталогов. Выводы, к которым они пришли, свидетельствовали, что эта работа находится на самом начальном этапе, в частности, отсутствуют единые схемы, каждая библиотека руководствуется присущими лишь ей методическими решениями, каталог ФБООН также не свободен от идеологических просчетов [21, л. 25–30]. В результате был разработан «Проект решений по вопросу о координации работ ЦБАН и ФБООН в области систематического каталога» [21, л. 31–31 об.], который представили для рассмотрения председателю Библиотечной комиссии при Президиуме АН А.А. Борисяку, одоббившему его (15).

Во второй половине 1930-х гг. кадровая ситуация в отделе систематизации и информации была не менее сложной, чем в предыдущие годы, свидетельством чему служит протокол производственного совещания отдела за первый квартал 1938 г. [21, л. 19–20]. В нем приняли участие О.Н. Григоров, К.И. Гусак, О.В. Динзе, С.Л. Дрюбина, Б.В. Злочевская (председатель), И.Ф. Карпова, Г.М. Лукомская, М.Н. Пагирева, Е.Б. Рысс, А.И. Соколова (секретарь), И.С. Степанова, Л.Я. Стребкова, Н.А. Ткачевская, С.В. Толстая, В.В. Успенский, М.Н. Файн.

Вопреки утвержденному дирекцией плану на 25 годовых штатных единиц, в отделе вместе с договорниками работало лишь 13½ — практически вдвое меньше. При этом «узким» местом продолжал оставаться участок систематического каталога. Если введенные в эксплуатацию отделы каталога продолжали достаточно стабильно пополняться, то разработка новых велась урывками. Практически остановилось составление каталога по химической технологии, философии, технике, физике [21, л. 19].

В ночь с 7 на 8-е сентября 1938 г. был арестован В.В. Успенский (16). Временно исполняющим обязанности заведующего отделом был назначен И.В. Новосадский. Именно им совместно с главным библиотекарем О.К. Ернштедт составлен отчет за 1938 г. [22, л. 87–95 об.].

Отчет содержит все штампы, характерные для выступлений и документов этого периода, начинается он словами о «вредительском руководстве бывшего заведующего» [22, л. 87] и весь строится на противопоставлении заслуг нового руководства «вредительству» старого. Главным пунктом, по которому последнему предъявлялись претензии, стало то, что за период с 1936 г. «отдел не добился разработки генеральной схемы систематического каталога». При этом о сложности этой работы и невозможности ее выполнить в условиях отдельной библиотеки, тем более в короткие сроки, говорилось еще на 1-й Всесоюзной конференции по систематическому каталогу в 1934 г. Еще одним пунктом обвинения стало то, что «отсутствовала проверка составляемых каталогов со стороны политической» [22, л. 87].

21 декабря 1938 г. состоялось заседание комиссии по систематизации фондов БАН, на котором присутствовали Ф.М. Белов, М.М. Гуревич, О.К. Ернштедт, И.А. Иоффе, И.В. Новосадский, А.М. Силин, Т.Н. Хохрякова, К.И. Шафрановский, И.И. Яковкин [23, л. 7–9]. По результатам проведенного обсуждения было решено: «1. систематизировать иностранную литературу, поступающую в Академию Наук в порядке выписки и обмена, за исключением немецких диссертаций и литературы, отражающей

продукцию той или иной страны, но по содержанию своему являющейся ненаучной; 2. систематизировать советскую литературу научного и научно-производственного характера <...> издаваемую научно-техническими издательствами и научно-исследовательскими учреждениями» [23, л. 8], что свидетельствует о вынужденном сокращении объемов систематизируемой литературы.

С апреля 1939 г. обязанности заведующего отделом исполнял П.Л. Эдельштейн (17). Подготовленный им отчет за 1939 г. свободен от идеологической истерии, он носит более сдержанный и деловой характер. Объясняя невыполнение плана, П.Л. Эдельштейн характеризует «те большие объективные проблемы, которые тормозили, а порой и срывали всю работу ОСИ» [24, л. 21], среди которых: финансовая нестабильность, влияющая на участие в работе отдела договорников; принятая последовательность составления и утверждения классификационных схем, участие в которой академических институтов порой тормозило процесс ввода их в эксплуатацию; отсутствие четких правил оформления каталога; полное отсутствие обмена опытом с другими крупными библиотеками, составляющими собственные классификационные схемы.

Из названных проблем лишь по последнему пункту на протяжении 1939 г. в той или иной степени начались изменения. Например, Объединенной междуведомственной классификационной комиссией технических библиотек в БАН был выслан для обсуждения доклад Е.И. Шамурина «Общие и вспомогательные подразделения в библиотечной классификации» [25, л. 2–9], из Государственной библиотеки им. В.И. Ленина — схема по этнографии, которая обсуждалась в Институте этнографии [25, л. 19–21].

На протяжении года в отделе продолжалась работа над схемами по следующим разделам: геологические науки (Н.Н. Янжул), гидрология (А.А. Нагель, Н.Ф. Тимофеевский), метеорология (Н.Ф. Тимофеевский), математика (О.В. Динзе), физика (Л.Д. Исаков), механика (К.В. Меликов), астрономия (В.В. Серафимов), геодезия (В.В. Серафимов), химия (И.Ф. Карпова), биологические науки (С.Л. Дрюбина), сельское хозяйство (О.Н. Григоров), техника (Ц.Б. Коган), антропология (Г.И. Петров), история (В.А. Петров, В.П. Тихомирова) [26, л. 2 об.–6]. Некоторые из ответственных исполнителей работали на договорных началах.

Каталоги составлялись по биологии, сельскому хозяйству, химии, геологии, геофизике, географии, метеорологии, гидрологии, физике, математике, астрономии, геодезии, антропологии, книговедению, языкознанию, истории ВКП(б), истории, литературоведению, социально-экономическим наукам [24, л. 24].

Всего за 1939 г. было засистематизировано 47 640 библиотечных единиц, из них: русских книг — 13 319, русских журналов — 4572, иностранных книг — 18 818, иностранных журналов — 10 931. Кроме того, велась работа с литературой, уже находящейся в фонде, но не включенной в систематический каталог — 14 952 единицы [24, л. 24].

В последующие полтора года положение дел с систематическим каталогом в БАН не претерпело серьезных изменений. Вопреки всем предпринимаемым усилиям к началу Великой Отечественной войны библио-

тека не располагала единым систематическим каталогом, охватывающим все разделы науки и практической деятельности. Причиной такому положению дел служили производимая в библиотеке структурная перестройка, кадровая нестабильность, а также все более усиливающаяся идеологизация общества в целом.

С середины 1920-х гг. до первой половины 1941 г. реальные каталоги в БАН создавались последовательно усилиями трех отделов, сотрудники которых также занимались комплектованием иностранной литературы, составлением библиографических пособий, подготовкой и организацией выставок и целым рядом других обязанностей. Ситуация в отделах была сложной: выделяемых штатных единиц не хватало для полноценного выполнения всех возложенных функций; кадровая текучка и систематическое привлечение специалистов на договорных началах или по совместительству не позволяли сформировать единый взгляд по отношению к составляемым классификационным схемам.

На протяжении рассматриваемого десятилетия в БАН использовалось несколько библиотечных классификаций: схема К.М. Бэра для продолжающихся изданий, десятичная классификация и собственные, разрабатываемые систематизаторами совместно со специалистами-предметниками, схемы. На основании последних были составлены каталоги по некоторым направлениям, которые удалось представить читателям. Лишь в 1960-е гг. после получения в качестве главного инструмента единой Советской библиотечно-библиографической классификации (ББК) в БАН началась планомерная работа по созданию Центрального систематического каталога.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Распределение обязанностей между сотрудниками подразделов НБО по работе над реальными каталогами в 1932 г. [5, л. 96–96 об., 98]

ФИО сотрудника	Виды выполняемой работы
Вольценбург О.О.	оформление предметного каталога
Гаркави Л.М.	предметизация и систематизация политической литературы на русском языке, систематизация экономической литературы
Злочевская Б.В.	расстановка карточек предметного каталога, выполнение исправлений по каталогу
Золотилов В.С.	предметизация литературы по медицине и химии, систематизация иностранной литературы
Каратаев Н.М.	предметизация литературы по географии, геологии, геодезии, предметизация картографических изданий
Кудрявцев А.Е.	систематизация [раздел не указан. — Н.Б.]
Маркевич Г.Г.	предметизация литературы по сельскому хозяйству на русском языке, систематизация литературы на русском языке по сельскому хозяйству, технике, физико-математическим наукам
Михайлова А.Я.	переписка книг, разбор карточек по первым буквам алфавита
Новоселов В.П.	оформление предметного каталога

Продолжение Табл. 1

ФИО сотрудника	Виды выполняемой работы
Петров В.А.	предметизация и систематизация исторической литературы, предметизация общественно-политической литературы
Сильвин М.А.	предметизация юридической литературы
Сухов Г.Ф.	предметизация и систематизация литературы по биологическим наукам, иностранной литературы по сельскому хозяйству
Толстая С.В.	предметизация литературы по истории и теории художественной литературы, искусству, спорту, языкознанию и справочно-библиографическому отделу
Успенский В.В.	редактирование рубрик [предметного каталога]
Шафрановский К.И.	направление и распределение книг, обработанных для реального каталога
Штейнрайх Д.И.	предметизация экономической литературы
Щукина Е.Л.	предметизация математической литературы, систематизация иностранной литературы по математике и физике

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Результаты работы по реальным каталогам за 1935 г.
[15, л. 104–105 об., 151–152]**

Название отделов	Основные виды работ	Кол-во карточек	Выполнено/ Не выполнено
1. Биологические дисциплины	1. Создать схему по физиологии и биохимии; 2. Просистематизировать весь карточный материал на русском и иностранных языках с 1917 г., включая книги, засистематизированные по схеме К.М. Бэра; 3. Расставить карточки по новым схемам; 4. Оформить каталог; 5. Составить ключи — рабочие и для пользования читателей.	10 000	<u>Выполнено:</u> 1. Переработана схема по биологии; 2. Заново составлена схема по общей биологии и зоологии (исключая физиологию); 3. Перестроен русский каталог по вновь переработанной схеме в количестве 12 ящ. 4. Перестроен иностранный каталог в количестве 15 ящ. <u>Не выполнено:</u> 1. Схема по физиологии; 2. Не составлен ключ.
2. Агрономия	1. Создать схему по растениеводству, животноводству, агрохимии, агропочвоведению; 2. Просистематизировать весь карточный материал на русском языке с 1917 г. и на иностранных с 1914 г.; 3. Расставить карточки; 4. Оформить каталог; 5. Создать ключи.	25 000	<u>Выполнено:</u> 1. Проработан материал как русский (4 ящ.), так и иностранный (3 ящ.) <u>Не выполнено:</u> 1. Не составлена схема; 2. Не составлен ключ.

Продолжение Табл. 2

Название отделов	Основные виды работ	Кол-во карточек	Выполнено/ Не выполнено
3. Геология	1. Составить ключ к каталогу; 2. Систематизировать иностранный материал, включая Бэра; 3. Расставить карточки; 4. Оформить каталог.	6000	<u>Выполнено:</u> 1. Проработан материал как русский, так и иностранный (без Бэра) в количестве 10 ящ.; 2. Составлен ключ.
За. Физико-географические дисциплины: география, почвоведение, гидрология, метеорология	1. Составить схемы; 2. Просистематизировать карточный материал; 3. Расставить карточки: русские — с 1917 г., иностранные — с 1914 г.; 4. Оформить каталог; 5. Составить ключи; 6. Завершить составление каталога.	8000	<u>Выполнено:</u> 1. Начата подготовительная работа для составления схемы; 2. Проработан материал в количестве 2 ящ. <u>Не выполнено:</u> 1. Схема не составлена.
4. Физико-математические дисциплины	1. Составить ключи к схеме по математике; 2. Составить ключи по физике и астрономии; 3. Просистематизировать весь карточный материал на русском языке с 1917 г. и на иностранных с 1914 г., включая Бэра; 4. Расставить карточки; 5. Оформить каталог; 6. Составить ключи.	10 000	<u>Выполнено:</u> 1. Составлен ключ к каталогу по математике; 2. Проработан материал по астрономии, механике, физике; 3. Схемы составлены, но не утверждены. <u>Не выполнено:</u> 1. Не закончен каталог по физике, механике, астрономии.
5. Техника	1. Привести в порядок каталог, оставив для него десятичную классификацию; 2. Расставить карточки по существующим индексам; 3. Исправить индексы путем просмотра книг по наиболее актуальным вопросам.	28 000 16 000	<u>Выполнено:</u> 1. Проверен и проработан карточный материал по технике в количестве 9½ ящ.; 2. Заканчивается углубленная переработка материала на русском (3 ящ.) и иностранных (1 ящ.) языках. <u>Не выполнено:</u> 1. Весь материал по технике остается недоступным читателям.
6. Экономика: теория экономики, история экономических учений	1. Закончить схему; 2. Просистематизировать весь карточный материал на русском языке с 1917 г. и на иностранных с 1914 г.; 3. Расставить карточки по схеме; 4. Составить ключи; 5. Оформить каталог; 6. Закончить каталог, сделать его доступным читателям.	6000	<u>Выполнено:</u> 1. Схема составлена, но не утверждена; 2. Материал проработан. <u>Не выполнено:</u> 1. Ключ не составлен, но каталог доступен для использования читателями.

Продолжение Табл. 2

Название отделов	Основные виды работ	Кол-во карточек	Выполнено/ Не выполнено
6а. Конкретная экономика. Мировое хозяйство. Промышленность. Народное хозяйство СССР	1. Составить схему; 2. Осуществить все остальные процессы, связанные с созданием каталога; 3. Создать доступный читателям каталог по новой схеме.	26 000	—
7. История	1. Просистематизировать иностранный карточный материал «по новым созданным схемам по всеобщей истории в ключах Бэра»; 2. Доработать схему; 3. Расставить карточки; 4. Составить ключи. 5. Представить читателям каталог по всеобщей истории.	28 000	<u>Выполнено:</u> 1. Просистематизирован весь иностранный материал по истории (11 ящ.) и русский материал по вспомогательным историческим дисциплинам (1 ящ.). <u>Не выполнено:</u> 1. Не закончен ключ; 2. Не включен полностью каталог Бэра.
7а. Вспомогательные исторические дисциплины. Археология. Этнография	1. Составить схемы. 2. Просистематизировать весь карточный материал на русском языке с 1917 г. и на иностранных с 1914 г.; 3. Расставить карточки; 4. Оформить каталог; 5. Составить ключи.	6000	
8. Книговедение	1. Составить схему; 2. Просистематизировать русские карточки с 1917 г. и иностранные, включая Бэра; 3. Расставить карточки; 4. Оформить каталог; 5. Составить ключи; 6. Сделать каталог доступным читателям.	22 000	<u>Выполнено:</u> 1. Составлена схема; 2. Проработан материал на русском (8 ящ.) и иностранных (3 ящ.) языках. <u>Не выполнено:</u> 1. Не составлен ключ; 2. Не включен полностью каталог Бэра.
9. История ВКП(б)	1. Закончить схему; 2. Просистематизировать по схеме карточки с 1917 г. 3. Расставить весь карточный материал; 4. Оформить каталог; 5. Составить ключи; 6. Представить каталог для использования читателями.	12 000	Работа не велась из-за отсутствия специалиста. Каталог доступен для пользования читателями.
10. Химия	Работа не была запланирована.		<u>Выполнено:</u> 1. Составлены 4 схемы; 2. Проработан материал в количестве 14 ящ.

Окончание Табл. 2

Название отделов	Основные виды работ	Кол-во карточек	Выполнено/ Не выполнено
11. Философия	Работа не была запланирована.		Выполнено: 1. Составлена схема по истории новой философии и марксизму-ленинизму; 2. Подготовлен проект схем по истории античной и средневековой философии; 3. Проработан материал по вышеуказанным разделам, как русский, так и иностранный, а также по истории науки (9½ ящ.).

Сокращения

- АПУ — алфавитно-предметный указатель
 БИН — Ботанический институт АН
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ГАО — Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория АН
 ЗИН — Зоологический институт АН
 ИИНиТ — Институт истории науки и техники АН
 ИКДП — Институт книги, документа и письма АН
 ИЯМ — Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН
 ПК — предметный каталог
 СК — систематический каталог
 ЦБАН — Центральная Библиотека Академии наук

Примечания

1. К этому времени во II (Иностранном) отделении имелся лишь архаичный систематический каталог в фолиантах, а I (Русское) отделение не располагало систематическим каталогом вовсе. Кроме того, в библиотеке скопился так называемый нешифрованный фонд объемом более 1 млн библиотечных единиц, который образовался из литературы, поступившей с 1917 г.

2. Подробнее о создании отдела и работе в 1920-е гг. см.: Бекжанова Н.В. Систематический каталог Библиотеки Российской академии наук: начальный этап создания (1924–1929 гг.) // Библиотековедение. 2019. Т. 68, № 2. С. 195–204.

3. В протоколе в качестве примечания было указано, что «1. в новый десятичный каталог вводятся предметные слова, в пределах этих предметных слов карточки расставляются хронологически. 2. все исправления системы вносятся в “Мануал десятичной классификации”, о них дается знать в 1-е отделение БАН, и они отмечаются особо, как материал для улучшения десятичной классификации» [1, л. 1].

4. Индексы классификации К.М. Бэра до 1917 г. использовались в качестве шифров для расстановки во II (Иностранном) отделении. Эта часть иностранного фонда в настоящее время сохранила историческую расстановку и носит неофициальное название «Бэрвский фонд».

5. Схедография — устаревший термин, использовавшийся для обозначения деятельности по составлению библиотечного описания и формирования каталожной карточки.

6. Шмойш Фанни Исидоровна (1885 г., г. Новорадомск Петроковской губернии — ?) — в БАН работала с октября 1929 г. по сентябрь 1933 г. (подробнее см.: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 848. (Великая Россия: рос. биогр. энцикл.; т. 14)).

7. Для создания карточного систематического каталога в середине 1920-х гг. было решено использовать карточки малого алфавитного каталога на шифрованный фонд, в который входили издания до 1914 г. включительно.

8. Как становится ясно из отчетов, в этот период для обозначения разделов использовались индексы и названия классификации К.М. Бэра.

9. С конца 1920-х гг. в БАН велась работа по реорганизации структуры библиотеки, в результате чего с 1930 г. начался переход на функциональную систему. 1 июня 1930 г. в БАН были созданы четыре отдела: 1. отдел приемки, инвентаризации и хранения с подотделами обработки обязательного экземпляра и хранения; 2. отдел каталогизации; 3. отдел научно-библиографический, реального каталога и комплектования; 4. отдел выдачи. В результате в БАН было ликвидировано деление на отделения, библиотека стала единым организмом с общим административно-хозяйственным аппаратом. В последующие годы структура БАН неоднократно трансформировалась.

10. Гусак Клара Исааковна (1894 г., г. Умань Киевской губ. — 1956 г., Ленинград) — руководила НБО до марта 1936 г., когда возглавила отдел обслуживания, а в 1938 г. — отдел сети специальных библиотек ленинградских учреждений АН СССР (подробнее см.: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 1. С. 206. (Великая Россия: рос. биогр. энцикл.; т. 13)).

11. Проходил в Москве с 16 января по 10 февраля 1934 г.

12. Документы, связанные с подготовкой и проведением конференции, сохранились лишь частично. Обнаруженный в СПбФ АРАН фрагмент стенограммы опубликован в сборнике «К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы» (СПб., 2018. С. 56–140).

13. Результатом совместной работы должен был стать и единый систематический каталог.

14. Новосадский Игорь Всеволодович (1907 г., С.-Петербург — 1941(1942?)) — в БАН работал с февраля 1930 г. по апрель 1942 г., когда был уволен как ушедший добровольцем в РККА. Занимался теорией построения классификационных рядов (см. подробнее: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. СПб., 2014. Кн. 1. С. 534–535. (Великая Россия: рос. биогр. энцикл.; т. 13); Дымская Д.Д. Книга как форма идеологии: Игорь Всеволодович Новосадский и его методы построения классификации книг // Румянцевские чтения-2021: материалы междунар. науч.-практ. конф. (21–23 апр. 2021 г.) / РГБ, Библ. ассамблея Евразии. М., 2021. Ч. 1. С. 274–279).

15. В силу разных причин общая работа длилась недолго. В мае 1938 г. ФБОУН на правах отделения была присоединена к БАН, но уже в 1939 г. обе библиотеки были признаны самостоятельными в организационном плане.

16. Подробнее об обстоятельствах ареста, пребывания в заключении и освобождении см.: Успенская Н.В., Успенская А.В. Вместо послесловия. Братья Успенские: воспоминания Наталии Всеволодовны и Анны Всеволодовны Успенских (дочерей Всеволода Васильевича Успенского) // Успенский В.В. Петербургские зодчие / рис. В. Морозова. Санкт-Петербург, 2002. С. 185–220.

17. Эдельштейн Петр Львович (1898 (1900?) г., г. Киев — ?) — в БАН работал с сентября 1937 г. по 1941 г., когда ушел в Народное ополчение (см. подробнее: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 861–862. (Великая Россия: рос. биогр. энцикл.; т. 14)).

Список источников

1. Протоколы совещаний сотрудников отдела систематизации II Отделения по вопросу о переходе на систематизацию по десятичной классификации // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 16. 2 л.
2. Протокол совещаний сотрудников отдела приемки и инвентаризации и отдела систематизации и комплектования по производственным вопросам // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1930). Д. 8. 7 л.
3. Месячные отчеты о работе отделов II Отделения // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1930). Д. 18.
4. Планы, отчеты, программы, сметы и протоколы совещаний научно-библиографического отдела и подотдела реального каталога // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1931). Д. 17. 146 л.
5. Квартальные планы и отчеты научно-библиографического отдела и его подотделов // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1932). Д. 15. 26 л.
6. Протокол заседания и стенограмма доклада «О реальных каталогах в системе Академии наук» // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1933). Д. 8. 81 л. (Опубликовано: К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: сб. док.: коммент. изд. / БАН, Отдел науч. систематизации литературы. Санкт-Петербург, 2018. С. 14–55).
7. Планы, отчеты с объяснительными записками к ним и протоколы заседаний Научно-библиографического отдела // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1933). Д. 18. 89 л.
8. Переписка по научным и научно-организационным вопросам и «проект схемы классификации наук для систематического каталога» // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1934). Д. 10. 245 л.
9. Годовые и квартальные отчеты отделов БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1934). Д. 13. 156 л.
10. Лицевые счета по заработной плате. 1933 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 4 л. Д. 1. 226 л.
11. Лицевые счета по заработной плате. 1933 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 4 л. Д. 2. 195 л.
12. Лицевые счета по заработной плате. 1934 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 4 л. Д. 3. 408 л.
13. Лицевые счета по заработной плате. 1935 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 4 л. Д. 4. 443 л.
14. Лицевые счета по заработной плате. 1936 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 4 л. Д. 5. 485 л.
15. Годовые планы БАН, полугодовые и квартальные планы и отчеты отделов БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1935). Д. 15. 169 л.
16. Полугодовые, квартальные и месячные отчеты отделов БАН и отдельные планы // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1935). Д. 20.
17. Годовой отчет БАН, отделов ее и сети спец. библиотек... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1936). Д. 20. 207 л.
18. Годовые отчеты отделов БАН и ленинградской сети спец. библиотек // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1937). Д. 21. 159 л.
19. Дымская Д.Д. Сотрудничество Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук в области систематизации в 1930-е гг. // Наука и библиотека: сб. науч. тр. / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург, 2021. Вып. 3. С. 29–33.
20. Записки и заключения Комиссии по обследованию систематического каталога БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 47. 51 л.
21. Протоколы производственных совещаний отдела систематизации, тезисы доклада по систематическому каталогу и отчет о командировке в Фундаментальную библиотеку Отделения общественных наук (Москва)... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 43. 31 л.
22. Годовые отчеты отделов БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 32. 128 л.
23. Протоколы совещаний при дирекции БАН и Комиссий по систематизации фондов // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938). Д. 3. 28 л.

24. Годовые отчеты отделов БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1939). Д. 18. 56 л.

25. Записки, тезисы доклада, выписки из протоколов и переписка по составлению систематических каталогов // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1939). Д. 11. 32 л.

26. Отчеты отделов БАН за 1-й квартал 1939 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1939). Д. 24. 71 л.

BEKZHANOVA N. Activities of departments of the Academy of Sciences Library on the creation of real catalogs in the 1930s

Bekzhanova Nailja — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher, Department of Systematic Catalog, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, bekzan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article describes the activities of the departments of the Academy of Sciences Library, whose functional responsibilities included the creation of real catalogs in one of the most difficult periods in the history of systematization in the USSR — in the 1930s. This was a time of increasing political pressure, when the dependence of the systematic catalog on the dominant ideology in the state was most clearly demonstrated. Based on documents preserved in the St.-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the process of developing library classifications and compiling a systematic catalog in the RASL is presented.

Keywords: Academy of Sciences Library, RASL, scientific bibliographic department, department of systematization and information, library classifications, real catalogs, systematic catalog, subject catalog, history.

УДК 001.891.32
ББК 83.3(2)

М.П. Лепехин

О ПОЭТЕ ИВАНЕ БЕЗДОМНОМ В ОКРУЖЕНИИ ПСИХИАТРОВ*

Лепехин Михаил Пантелеевич — старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mpl2612@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье содержатся указание на конкретных прототипов поэта Ивана Бездомного и трех психиатров — персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Также уточнены детали пребывания С.А. Есенина в психиатрических клиниках в 1924–1925 гг.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, С.А. Есенин, М.И. Чуванов, прототип, психиатрия.

Данная статья посвящена указанию реальных прототипов в текстах М.А. Булгакова. Всё современное булгаковедение как историко-литературная субдисциплина основано прежде всего на исследованиях Лидии Марковны Яновской (1926–2011), Елены Андреевны Земской (1926–2012), Анатолия Петровича Кончаковского (род. 1938), Юрия Григорьевича Виленского (1931–2020), Мариэтты Омаровны Чудаковой (1937–2021), Бориса Сергеевича Мягкова (1938–2003), Всеволода Ивановича Сахарова (1946–2009) и Евгения Александровича Яблокова (род. 1956). Целью статьи является указание ряда подробностей, ускользнувших от их внимания. Ранее в ИРЛИ автором были прочтены доклады о реальных прототипах профессора Преображенского (слеплен из нескольких персонажей), доктора Борменталья (сплав двух человек), омолодившегося сладострастника (лицо конкретное). Подобный аналитический метод применен к рассмотрению темы, указанной в заглавии.

Начнем с поэта

На происхождение омонима *Иван Бездомный* указал Мягков — под этим псевдонимом в 1923–1924 публиковался в «Гудке» некий рабкор-железнодорожник из Пензы — его тексты правил Булгаков [1, с. 116].

Чудакова пришла к выводу, что «Иван Бездомный» есть соединение в одном лице двух совершенно разных персонажей, как то, Ивана Ивановича Старцева (1896–1967) и Ивана Приблудного (Яков Петрович Овчаренко; 1905–1937) [2, с. 165–166]. Иные предположения ею не рассматривались.

Ранее сюжет «Булгаков и Есенин» рассмотрела Яновская, пришедшая к выводу о невозможности говорить о личном знакомстве при несомненном интересе Булгакова к Есенину. Данный вывод был сделан после

* Статья представляет расширенный текст доклада Международной научной конференции «Русская литература и психопатология» (Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 07.10.2024). Публикуется в авторской редакции.

бесед с Л.Е. Белозерской, лично знакомой с поэтом и весьма почитавшей его талант. (В отличие от Булгакова, которого интересовал Есенин, но вовсе не его стихи). По мнению Яновской, для Л.Е. «Булгаков был только муж, зато Есенин — Поэт» [3, с. 192]. Выскажем предположение, что пренебрежение к творчеству мужа («Ну ты же не Достоевский» — сказала Л.Е. супругу при посторонних) и ее нескрываемая симпатия к стихам Есенина (т.е. *дурновкусие* с точки зрения М.А.) послужили одной из причин разрыва Булгакова со второй женой.

Наиболее подробно сюжет «Булгаков и Есенин» рассмотрел Валерий Алексеевич Мешков (1948–2018) [4]. Все последующие тексты на эту тему в значительной мере пересказывают статью Мешкова, причем акцент в них делается на их общности в *бездомности* и *травли критикой*. Данный вывод весьма некорректен. *Бездомность* не мешала Есенину комфортно проживать в Москве. Что касается *травли критикой*, то термин *есенинищина* появился после гибели поэта для обозначения подражательности как в словесности, так и поведении: склонность к скандалам, пьянству, всплеск подражательных самоубийств — в то время как бранная *булгаковищина* возникла уже в начале литературной известности драматурга и использовалась в его травле. В *есенинищине* власть усмотрела протест тех, кто «отраженно пережил драму Есенина как свою собственную» [5, т. 2, с. 222]. В *булгаковищине* травлили не примкнувшего к своре победителей одинокого чужака, выставив заведомым врагом советской власти как написанное им, так и его самого.

Постараемся дополнить сюжет «Булгаков и Есенин» указанием еще на четыре имени.

Первое имя — **Михаил Иванович Чуванов** (1890–1988), которого автор статьи знал в последние 13 лет его жизни, с 1975 не реже раза в год навещая в Ухтомской. (В 2014 опубликовал о нем и об его отношениях с БАН статью [6]). Глава Московской Преображенской старообрядческой общины весьма был известен как владелец коллекции рукописей и старопечатных книг. Меня Чуванов интересовал прежде всего, как собеседник — воспоминатель многих московских реалий 1910–1950-х годов. Есенина и Булгакова М.И. хорошо знал — первого по учебе на историко-философском отделении Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского (1913–1914), второго — по работе в «Гудке», где М.И. служил зав. производством (1922–1926).

Вопреки распространенному мнению, газетную поденщину в «Гудке» Булгаков отнюдь не ненавидел, а относился к ней как временному удобному способу официального взаимоотношения с окружающим миром. Это были служба в престижном железнодорожном ведомстве, членство в профсоюзе, небольшой, но стабильный заработок, возможность самостоятельного труда.

Тема «Булгаков и Чуванов» была затронута Кончаковским [7, с. 225], беседовавшим с Михаилом Ивановичем и записавшим по памяти его рассказ о поездке в Сергиев Посад за книгами. Я беседовал с Чувановым много раз, и о Булгакове он рассказывал более обстоятельно: всё то требует отдельной публикации. Для настоящей статьи укажу лишь то, что на мой вопрос: *был ли Булгаков лично знаком с Есениным* — Михаил Иванович ответил: «По-моему, нет, я бы знал». По мнению Чуванова

ва, Булгаков не раз наблюдал Есенина, но от знакомства воздерживался по причине того, что поэт всегда был облеплен людьми, даже подойти к нему было затруднительно. Зачастую Есенин бывал в подпитии, посему излишне резок в общении, в особенности с незнакомыми. Напротив, Булгаков был крайне застенчив; небольшой рост (ниже Есенина и тем более Чуванова) компенсировал необычайно тщательно подобранным костюмом и подчеркнутой деликатностью манер. Согласно Чудаковой, среди авторов «Гудка» ближайшими приятелями Булгакова были Катаев и Олеша [2, с. 316]. Согласно же Чуванову, от Катаева, Петрова, Олеси и Славина Булгаков был незримо отделен, несмотря на постоянное благожелательное общение: «Все они очень злые были, постоянно друг друга высмеивали», а самым близким для Булгакова в редакции «Гудка» был Ильф. Яновская тому нашла объяснение: «Ильфу была присуща какая-то загадочная внутренняя свобода, безошибочность в нравственном отношении к жизни, к литературе» [8, с. 258]. Именно это сближало его с Булгаковым.

Совокупность мемуарных свидетельств о Булгакове свидетельствует: при подчеркнутой светскости манер (прежде всего это простота поведения и непринужденность в общении) он предпочитал по преимуществу наблюдать, чем беседовать. (Тем более первому проявлять инициативу знакомства для него было бы маловероятно). Потребность в знакомстве со стороны Есенина при гипертрофированном эгоцентризме была невозможна: он находился на вершине славы, а Булгаков для него был всего лишь фельетонистом одной из ведомственных газет, к его стихам безразличной — а посему и сам Булгаков стал бы персоной заведомо бесполезной.

Вместе с тем Чуванов указал, что сам Есенин необычайно интересовал Булгакова (личность в отличие от творчества). Он дважды подробно о нем расспрашивал Чуванова (до и после гибели), особенно интересовала учеба в университете Шанявского 18-летнего юноши, круг его интересов, отношение к религии, бытовые привычки. Напомню, что в протяжении полутора лет два типографских рабочих, Есенин и Чуванов, были очень дружны. Первая жена Есенина, А.Р. Изряднова, работала в типографии И.Д. Сытина и училась вместе с ними. К сожалению, не знаю судьбу исследования Ю.А. Паркаева (1941–2013), не один раз переспрашивавшего Чуванова о Есенине.

Выскажем субъективное мнение: Есенин, несомненно, интересовал Булгакова как объект наблюдения и изучения, но без какой-либо личной к нему симпатии, настолько оба были лично несовместимы почти во всем. Если В.Ф. Ходасевич испытывал к чуждому ему Есенину соперничество как к поэту, то Булгаков был его бесстрастным созерцателем. Той завистливой неприязни, которая отличала многих его столичных коллег по писательскому ремеслу, Булгаков к Есенину не испытывал. Ранее, в «Собачем сердце» он дал не менее двух явных отсылок к личности поэта. 1) Восприятие членом домоуправления Вяземской Айседоры Дункан олицетворением роскоши: незадолго до создания повести та проживала в особняке А.К. Ушкова (Пречистенка, 20) совсем рядом с квартирой Н.М. Покровского (Обухов пер., 9), где с ноября 1924 проживал Булгаков, т.е. там, где происходит действие повести. 2) Мечта

П.П. Шарикова о *лаковых ботинках* — непременно атрибуте парадного костюма Есенина. (Помимо сундука с одеждой Есенин привез в Ленинград два чемодана с обувью. На вертикально поставленном сундуке поэт повесился в лаковых ботинках — они пропали из номера вместе с пиджаком после увоза тела).

Более того: исследователям тема «Булгаков и Есенин» и сюжетно, и концептуально должна быть несравнимо менее занимательна, чем «Булгаков и Маяковский». Насколько то известно автору статьи (не *булгаковеду*), рассмотрение тройственных взаимоотношений (реальных и реконструируемых) прозаика-неудачника Булгакова с младшими возрастом, но старшими литературными чинами поэтами-ровесниками Есениным и Маяковским еще не проводилось. Возьмем на себя грех публикации собственных выводов. Так, если успех *горлана-главаря*, в чем бы таковой не выражался — в отзывах критики или в выигрыше в биллиард, Булгаков подсознательно соотносил с собой, то на Есенина смотрел лишь как на интересный объект, вполне пригодный для последующего описания, без малейших к нему чувств соперничества/сопереживания. Отсюда *Иван Бездомный*, сюжетно значимый даже не как собеседник, а всего лишь как адресат высказываний Мастера.

В отличие от Булгакова и Маяковского — Есенин не был азартен, многие поступки его были следствием продуманного расчета, даже при очевидной для него самого явной несообразности. (Как, например, замысел издания в Ленинграде двухнедельного журнала литературного содержания под своим редакторством). В отличие от Есенина, несмотря на громадьё планов, Булгаков и Маяковский являлись ждавшими успеха реалистами, вполне представлявшими себе отношение литературного плебса к немногим патрициям, и потому не терзавшими себя размышлениями о подлинном отношении к ним коллег. Пьяницами оба не были, творили на трезвую голову, от приливов вдохновения зависели минимально; степень самодостаточности у Булгакова была несравнимо выше, чем у Маяковского — по любому поводу рефлексировавшего Есенине в той связи вспоминать излишне... Выскажем кощунственную гипотезу: помнивший наизусть почти все стихотворения А.К. Толстого брутальный Маяковский был несравнимо ближе и понятнее Булгакову, чем кумир власть предрежащих и публики херувимообразный великовозрастный рязанский отрок-самоучка. Гипотеза еще кощунственнее: если самоубийство Маяковского (судя по сделанному на похоронах Ильфом фотоснимку) воспринималось Булгаковым личной трагедией, то такой же поступок Есенина рассматривался им с точки зрения непрaktикующего врача всего лишь как клинический случай чужого пациента — и не более того.

В словах «кумир власть предрежащих» автор статьи не допустил эпатижа: Есенин в самом деле был весьма почитаемой иконой молодой советской литературы. С симпатией относился Троцкий, внешне сочувственно — Луначарский и Дзержинский. Восприятие же советских властителей к Маяковскому было гораздо более сложным и настороженным, но то сюжет особого рассмотрения. (Для понимания реалий 1925 года следует подчеркнуть, что Троцкий тогда воспринимался главенствующей фигурой в большевистской иерархии).

Три текста Булгакова — «Мастера и Маргариту», «Собачье сердце» и «Театральный роман» следует рассматривать прежде всего сквозь призму его личных взаимоотношений с конкретными коллегами по литературному и театральному ремеслу.

Второе имя — **Петр Михайлович Зиновьев** (1882–1965).

Третье имя — **Дмитрий Сергеевич Озерецковский** (1899–1995).

Четвертое имя — **Лидия Эдуардовна Шидловская** (1885–1949).

О них (все трое — психиатры) будет рассказано далее.

Вернемся к теме «**Булгаков и Есенин**», где остался неисследованным психиатрический аспект, исключительно важный для понимания роли **Ивана Бездомного** в романе.

Как Есенин 26.11.1925 вторично попал в психиатрическую клинику?

Начнем с предыстории. 06.09.1925 Есенин и С.А. Толстая поездом возвращались из Баку в Москву. Есенин один отобедал в вагоне-ресторане, во время трапезы употребив бутылку портвейна. (Толстая была в купе). По возвращении в вагон случился конфликт с дипкурьером А.М. Рога, ехавшим в соседнем купе, куда ошибочно зашел Есенин. В ответ на замечание пьяный поэт покрыл дипкурьера площадной бранью и угрожал нанести оскорбление действием, о чем был за пятью подписями пассажиров и проводников сразу был составлен акт. Главную активность у подписантов проявил Ю. Левит — протеже Л.Б. Каменева, начальник отдела благоустройства Моссовета. Было то между Тулой и Серпуховым; к Москве Есенин уже проспался и ничего не помнил.

Адольф Рога представил начальству рапорт; НКВД (управделами С. Дмитриев) 08.09 просил губернского прокурора привлечь к ответственности Есенина, *напавшего на дипкурьера*. 17.09 Есенина вызвали повесткой в отделение ОГПУ на Курском вокзале по возбужденному делу, но на допрос он не явился, т.к. повестки не получил, в тот день находился на обследовании по поводу туберкулеза, получив путевку в санаторий имени Артема Сергеева (быв. Надеждинский) в Фирсановке. Есенин туда не поехал, поскольку на следующий день зарегистрировал брак с С.А. Толстой. Вторую половину сентября и начало октября Есенин вел обычный образ жизни. Тем не менее, между 25 и 30 сентября, узнав, что его разыскивают, Есенин в 8 часов утра пришел домой к Изрядновой (Сивцев Вражек, д. 44, кв. 14) и сжег большую часть архива.

Между тем по указанию зам. губпрокуратура Р. Герчикова помощник прокурора Краснопресненского района 3.10 возбудил против Есенина дело по обвинению в хулиганстве. 15.10 дело было передано в Лубянский нарсуд с указанием, что обвинение будет поддерживать губпрокурор. 17.10 нарсудья В.С. Липкин поручил начальнику 480/м произвести дознание, на что он 19.10 сообщил о невозможности установить местонахождение Есенина. 20.10 поэт был принят во Всероссийский союз писателей (№ 81). 21.10 в ответ на запрос следствия МУР дал справку о несудимости Есенина и предпринял меры к его обнаружению — именно тогда поэт и узнал о возбужденном уголовном деле. (Поскольку его стали искать уже не по месту жительства, но и в редакциях).

В ответ были приняты защитные меры. По просьбе А.К. Воронского 25.10 Хр. Раковский послал письмо председателю ОГПУ Ф.Э. Держин-

скому и просил его «спасти жизнь известного поэта Есенина — несомненно, самого талантливого в нашем Союзе» помещением его в Надеждинский санаториум для туберкулезных. При этом было указано: «...несчастье в том, что он, вследствие своего хулиганского характера и пьянства, не поддается никакому врачебному воздействию». Рекомендация: «Мы решили, что единственное еще остается средство заставить его лечиться — это Вы. Пригласите его к себе, проберите хорошо и отправьте вместе с ним в санаториум товарища из ГПУ, который бы не давал ему пьянствовать <...> Жаль парня, жаль его таланта, молодости. Он много еще мог дать, не только благодаря своим необыкновенным дарованиям, но и потому, что, будучи сам крестьянином, хорошо знает крестьянскую среду» [9, т. 5, кн. 1, с. 483] Дзержинский с этим согласился — секретарь В.Л. Герсон два дня пытался дозвониться до Есенина, но не преуспел. 27.10 начальник 48 о/м постановил взять у Есенина подписку о невыезде. Герсон всё же смог связаться с Есениным и 28.10 тот предстал перед консилиумом врачей Кремлевской больницы, подтвердившим крайнюю необходимость срочного лечения его в Фирсановке. По возвращении домой Есенин получил повестку в 48 о/м, куда на следующий день явился, изложив участковому надзирателю С. Шувалову свою версию конфликта, подтвердив, что «был пьян, а со мной ехала трезвая жена». С Есенина была им взята подписка о невыезде, после чего поэт был отпущен. Последующую неполную неделю Есенин провел весьма буйно.

В конце октября — начале ноября имели место три конфликта Есенина сразу после употребления очень небольшого количества спиртного (дважды — вина, один раз — пива): а) дебош в квартире Н.Н. Асеева; б) драка с Б.Л. Пастернаком в редакции «Красной Нови»; в) бурное выяснение отношений с Л.Ф. Файерштейном в ГИЗе. Почти сразу Есенин внезапно уехал в Ленинград (03–06.11), где *мимоходом* (en toutes lettres!) решил утопиться, но мгновенно раздумал, представив неэстетичность именно такого способа ухода из жизни. И.И. Уваров был неприятно поражен настроением и внешним видом поэта: «От былого здоровья, удачи осталась только насмешливая улыбка, а волосы, те прекрасные золотые волосы, совсем посерели, перестали виться, глаза тусклые, полны грусти, красноватые больные веки и хриплый еле слышный голос. — Сереженька, что с тобой? — Болен я, вот думаю лечиться скоро в Москве у лучших профессоров». По словам Н.А. Клюева, «одна шкура от человека осталась» [9, т. 5, кн. 1, с. 509, 511]. В Ленинград Есенин прибыл не для суицида, а с целью подготовки переезда из Москвы: решение покончить с собой пришло внезапно и столь же быстро прошло.

В данной статье автор не намерен рассматривать вопрос о том, что именно спровоцировало экспромтные попытки суицида, незавершенные и состоявшиеся: тема требует отдельного рассмотрения.

После возвращения 11.11 Есенин нанес визит А.В. Луначарскому с тем, чтобы заручиться поддержкой в прекращении уголовного дела. Покаяние Есенина было искренним и происходящее он излагал весьма объективно: «Я считаю, что я сам неплохой человек, но когда я пьян, я ничего не понимаю, я не помню, что я говорил. А уже был судебный процесс — ославили на всю Россию антисемитом. Теперь опять в суд зовут. А я просто еще не могу оторваться от этой подлой водки» [9, т. 5,

кн. 1, с. 518]. На следующий день нарком направил судье личное письмо с просьбой прекратить дело. К его письму было приложено и ходатайство И.В. Вардина — члена Московского горкома РКП(б), редактора еженедельника Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) «Красная печать». Инициатива влиятельных заступников успеха не имела: дело было прекращено лишь 12.11.1926, т.е. 11 месяцев после гибели Есенина.

Три дня спустя нарком и поэт встретились в мастерской Г.Б. Якулова. Есенин был настолько нетрезв, что Г.А. Бениславская записала: «Сергей — хам. При всем его богатстве — хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь — чем он для меня отличается от Приблудного? — такое же ничтожество, так же атрофировано элементарное чувство порядочности: вообще он это искусно скрывает, но тут в гневе у него прорвалось» [11, с. 523]. Последняя встреча Есенина с Луначарским позднее имела следствием весьма равнодушное (если не более) отношение наркома к памяти поэта.

16.11 Есенин вечером ненадолго заехал в Дом Герцена, открытый 1.11 после длительной реконструкции, и ему понравилась обстановка. (Напомню, что особняк был предоставлен Всероссийскому союзу писателей). В тот визит его увидел Булгаков. Отмечу, что это был понедельник — на это стоит обратить внимание, поскольку в этот день было принято собираться и вход в ресторан был строго по членским билетам — в отличие от иных дней недели. (Проверку билетов Булгаков обыграл в романе). Есенин принял предложение выступить в Доме Герцена 22.11 на литературном вечере, открытом для публики. Выступление прошло без инцидентов: Есенин был трезв.

За день до того Есенин обсудил с сестрой Екатериной состояние дел и по ее совету согласился залечь на стационарное лечение в психиатрическую больницу с тем, чтобы избежать суда. Как сам поэт указал в ходе визита к Луначарскому 11.11, он опасался судебного преследования по обвинению в антисемитизме. (Тем более, что по Москве уже ходили слухи об *избиении им в поезде дипломата Левина*).

Опасения Есенина были небезосновательны: прецедент подобного рода у него уже был. 20.11.1923 вместе с А.А. Ганиным, С.А. Клычковым и П.В. Орешиним по доносу М.В. Родкина он был задержан в пивной и доставлен в 47 о/м, Все обвинения Родкина в антисемитской агитации поэты отвергли, однако 21.11 секретный отдел ОГПУ возбудил против них дело по обвинению в возбуждении антисемитской розни (ст. 85 УК РСФСР). В дело вмешался зам.прокурора Московской губ. Р. Герчиков, взявший дело под контроль — в частности, выразив недоумение, почему поэты были отпущены чекистами под подписку о невыезде. Инициированная Л.С. Сосновским и Демьяном Бедным травля поэтов в прессе завершилась 10–13.12 товарищеским судом, где все обвинения в антисемитизме не нашли подтверждения: коллеги выступили в защиту поэтов. А.Б. Мариенгоф отметил: «Есенин в этом году совершенно спился, близок к белой горячке и не может быть рассматриваем и судим как нормальный человек — его просто нужно лечить». Поэтам вынесли порицание

за хулиганство. В тот же день 13.12 Есенин поступил на лечение в санаторий имени Е.Л. Шумской (Большая Полянка, 52), где пробыл до 31.12; будучи здоровым, он вел активную творческую жизнь, принимал посетителей, но выпады в прессе по «делу четырех поэтов» продолжались [9, т. 4, с. 134–141, 154–159; 13, т. 7, кн. 2, с. 213–215, 356–359, 429–430, 515–519]. 20.1.1924 Есенин был доставлен в 46 о/м за то, что выйдя на прогулку из санатория, в кафе «Домино» выкрикивал антисемитские лозунги — Есенин то отрицал: «...немного выпил, ничего не помню» [12, с. 71–72].

Вновь в больнице Есенин очутился 13.02.1924 после получения им рваной раны левого предплечья в результате падения на стекло. Он был доставлен в Шереметевскую больницу (ныне Институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского), откуда 09.03 был переведен в Кремлевскую больницу, где пробыл до 20.03. В тот же день Есенин впервые посетил психиатрическую клинику 1-го МГУ, где был принят П.Б. Ганнушкиным и сразу получил справку: «РСФСР Наркомпрос Директор Психиатрической Клиники 1-го Моск. Университета 29-III-1924 Сергей Александрович Есенин 28 лет. Страдает тяжелым нервно — психическим заболеванием <...> выражающимся в тяжелых приступах расстройства настроения и в навязчивых мыслях и влечениях. Означенное заболевание делает гражданина Есенина не отдающим себе отчета о совершаемых им поступках. Профессор Ганушкин» [10, с. 82]. Текст напечатан на машинке; подписи нет; название болезни было выскоблено; по ксерокопии Э.А. Хлысталов приводит дату 29.03 [12, с. 81–82]. Впервые этот документ был опубликован в 1969 Е.И. Наумовым, не указавшим местонахождение подлинника [14, с. 424].

Данное свидетельство, вероятно, представляло для Есенина некую индульгенцию: согласно Хлысталову, значительная часть из 13-ти возбужденных следственных дел была связана с юдофобскими высказываниями, сделанными нетрезвым поэтом [12, с. 16–141].

Согласно Ходасевичу, «...Есенин впал в злобу. Он снова запил, и его пьяные скандалы сперва приняли форму антисемитских выходок. Тут отчасти заговорила в нем старая закваска, и злоба Есенина вылилась в самой грубой и примитивной форме. <...> Начались кабацкие выступления характера антисоветского <...> так “крыть” большевиков, как это публично делал Есенин, не могло и в голову прийти никому в советской России, всякий сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян. Относительно же Есенина был только отдан в 1924 году приказ по милиции — доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода. Вскоре все милиционеры центральных участков знали Есенина в лицо. Конечно, приказ был отдан не из любви к Есенину и не в заботах о судьбе русских писателей, а из соображений престижа: не хотели подчеркивать и официально признавать “расхождения” между “рабоче-крестьянской” властью и поэтом, имевшим репутацию крестьянского» [5, т. 4, с. 148].

Поздним вечером 26.11.1925 Есенин был принят в психиатрическую клинику 1-го МГУ (с 1887 памяти А.А. Морозова; с 1938 больница имени С.С. Корсакова 1-го Московского медицинского института (Медицинской академии имени И.М. Сеченова); адрес: Божениновский пер., 9 (сейчас: ул. Россолимо, 11 стр. 9).

Клиника имела достаточно примечательную славную сорокалетнюю историю. По воле вдовы А.А. Морозова, страдавшего душевным расстройством, в 1882 были начаты работы по созданию образцовой психиатрической клиники — не только лучшей в Москве, но не уступающей самым совершенным зарубежным. Была приобретена усадьба с парком, спроектировано и выстроено здание клиники. С.С. Корсаков (1854–1900), установив особо доверительные отношения с Ж.Ж.В. Маньяном (1835–1916), положил в основу лечебного процесса его идеи нестеснительной психиатрии. В 1887 клиника была открыта; торжество почтили визитом психиатрические светила Европы, в саду росли деревья, посаженные Ж. Маньяном, Р. фон Крафт-Эбингом, Ч. Ломброзо, Г. Маринеску. (Неизвестно, кем из них был посажен увековеченный Есениным клен). Открытие образцовой психиатрической клиники совпало со всероссийским съездом врачей — в итоге в начале XX века на средства московского купечества создали клинический городок на Девичьем поле, подчиненный медицинскому факультету Императорского Московского университета.

Что представляла собой клиника в ноябре 1925 года?

Судя по групповой фотографии, врачебный персонал состоял из 26-ти человек: профессора, приват-доцента, ассистентов и ординаторов [15, с. 17]. Для сравнения: в 1887 было 11 ассистентов и 28 ординаторов, в 1939 — 24 и 63. Средний медицинский персонал составляли: надзиратель (т.е. старшая сестра), фельдшера и сестры; младший — санитары и няни. Через клинику в 1887–1917 и в 1918–1937 прошли соответственно 7115 и 16 673 студентов-медиков [15, с. 22–23].

Во главе клиники с 1918 находился Петр Борисович Ганнушкин (1875–1933), культовая для Москвы личность [16; 17]. Традиционное мнение о нем как об ученике С.С. Корсакова нуждается в уточнении: наставником его всё же был гениальный и скромный С.А. Суханов (1867–1915). (Сознательно сей сюжет о борьбе административных самолюбий московской психиатрической среды 1900–1910-х обойдем, поскольку он уведет в сторону от указанного в заглавии). Отметим, что П.Б. был первым психиатром, публично признавшим советскую власть и выразившим желание сотрудничать с большевиками — при его авторитете в Москве остракизма медицинской общественности этот достаточно экстравагантный по меркам начала 1918 года поступок не вызвал, а со стороны власть предержащих ему было оказано всяческое содействие во всех его замыслах и начинаниях. Слава и востребованность с начала 1920-х стали для Ганнушкина тяжким испытанием. Воспринимаемый главой новой советской психиатрии, во всем поддерживаемый властями, он страдал от невозможности в полной мере лично возглавить все те административные преобразования, план которых им был предложен применительно к своей сфере деятельности. Познания его почти не находили печатного воплощения; к завершению главного труда П.Б. приступил уже будучи тяжелобольным. «Клиника психопатий» увидела свет с припечатанным некрологом автора [18]. Этой книгой в 1933 завершилась 38-летняя издательская деятельность Сабашниковых. В последние годы Ганнушкин сильно страдал от ожирения и стенокардии; скончался 57-ми лет, на 11 лет пережив учителя Корсакова, но полностью повторив клиническую картину его угасания.

Вторым по старшинству лицом в клинике в 1925–1930 являлся приват-доцент кафедры психиатрии МГУ Петр Михайлович Зиновьев (1882–1965). Выдающийся русский психиатр до сих пор остается фигурой недооцененной; ряд трудов его не опубликован до сего дня. Человек исключительной личной порядочности и храбрости — добровольцем отправился на Великую войну, заслужив редкие для военврача награды — ордена Св. Георгия IV степени, Св. Станислава III степени с мечами и бантом, Св. Владимира III степени. После окончания в 1908 медицинского факультета МГУ, бывший учеником Н.Н. Баженова, В.П. Сербского, В.А. Гиляровского — Зиновьев был самостоятелен как в поступках, так и в научных исканиях [19]. Не признав возможным быть под жестким административным диктатом Гиляровского, перешел в клинику Ганнушкина, став ближайшим его сподвижником. Зиновьев — автор книги «Душевные болезни в картинах и образцах: Психозы, их сущность и формы проявления» (М., 1927), до войны имевшей репутацию лучшего популярного руководства по психиатрии для лиц, не являвшихся психиатрами.

Будучи выдающимся врачом-практиком и одновременно наставником, Зиновьев стал одним из создателей т.н. «Московской психиатрической школы 1920–1930-х годов» (при условности данного термина). Следовал психиатрическим принципам Ганнушкина, как то создание новой системы государственной профилактики психических заболеваний на ранней стадии в сочетании с т.н. «малой психиатрией», т.е. диагностикой и лечением пограничных состояний.

Научные интересы Зиновьева находились на стыке патопсихологии с психиатрией, анатомией, психологией, генеалогией, евгеникой, патографией; особо занимали вопросы творческой гениальности. (Автор монографии: «Патография Гоголя»; М.В. Сабашников не смог опубликовать ввиду запрета цензуры). Знаток истории медицины; автор многих статей в БМЭ-1, БМЭ-2, БСЭ-1, БСЭ-2 на темы психиатрии. Редактор высочайшей квалификации — бытует мнение, что именно Зиновьев завершил монографию Ганнушкина — П.М. довел ее до совершенства и снабдил пространным некрологом автора.

Зиновьев в 1936–1939 возглавлял кафедру психиатрии Азербайджанского мединститута, которую оставил Озерецковскому. До конца жизни сохранял завидную работоспособность, являясь консультантом нескольких больниц Москвы. Пользовался непререкаемым нравственным профессиональным авторитетом; прекрасно знал литературу по психиатрии отечественную и зарубежную; был доступен и доброжелателен к коллегам и больным. В историю психиатрии вошел как создатель термина «вялотекущая шизофрения» — но его ошибочно связывают с именем А.В. Снежневского (1904–1987) и соотносят с практикой советской репрессивной психиатрии. (В мировой психиатрии употребление этого термина не принято). Ср. в романе: «Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения». В клинике Зиновьев был вторым по значимости лицом после Ганнушкина — именно на П.М. была им возложена вся повседневная административная работа клиники. Что касается описанной в романе процедуры торжественного осмотра, то она дает четкое указание на парадные выходы Ганнушкина.

Именно Зиновьев отдал распоряжение о приеме Есенина и об условиях пребывания, а также руководил его лечением, если таковое вообще было при *нестеснении* именитого пациента.

Упомянем трех ординаторов:

Лидия Эдуардовна Шидловская (1885–1949). Она осуществляла надзор за больными: функции соответствуют действиям женщины-врача в романе.

Александр Яковлевич Аронсон (1893–1937). Он осуществлял уход и повседневный надзор за Есениным. В списке врачей клиники [15, с. 22–23] не упомянут, т.к. 28.10.1937 был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР: главный психиатр Первомайского района Москвы был обвинен в антисоветской агитации.

Дмитрий Сергеевич Озерецковский (1899–1995). В качестве дежурного врача он принимал Есенина в клинику, неоднократно с ним беседовал и по злой иронии судьбы невольно его выпустил, несмотря на то, что условия пребывания поэта были самыми благостными.

Сестры вспоминают: 1) Александра: «Клиника походила на санаторий: внизу в вестибюле стояли цветы, всюду чистота, на натертых паркетных полах лежали широкие ковровые дорожки. Отношение врачей к Сергею было очень хорошим. Ему отвели отдельную хорошую светлую комнату на втором этаже, перед окном которой стояли в зимнем уборе большие деревья. Кроме того, ему разрешили ходить в своей пижаме, получать из дома обеды». 2) Екатерина: «В больнице Сергея поместили в хорошей комнате. Он повеселел — никто его не достанет теперь. Много читал, писал чудесные стихи, играл с азартом в бильярд и строил планы на будущее» [9, т. 5, кн. 1, с. 549].

Обстановка в клинике и все методы лечения Есенина почти полностью соответствовали реалиям пребывания *Ивана Бездомного* в «знаменитой психиатрической клинике, недавно отстроенной под Москвой на берегу реки». (В действительности Психиатрическая клиника 1-го МГУ открылась 38 лет назад; реки рядом не было, но именно она была самой *знаменитой* из столичных *психиатрических клиник*. Укажем на словоупотребление *клиника*, ибо прочие психиатрические заведения именовались *больницами*).

По распространенной версии, в клинику 1-го МГУ Есенина определила Толстая личным обращением к Ганнушкину. Действительно, она проводила мужа до приемного покоя и вызвала из дома Зиновьева. Есенин был известен в клинике по пребыванию в ноябре 1924. Положить его за плату в отдельную комнату и *нестеснительно* лечить от реальных и мнимых недугов труда не составило. Клиника была бесплатной, официально внесенные в два приема (150+30) 180 рублей за месяц имели результатом комфортное пребывание. Есенину была отведена комната в спокойном отделении, где отсутствовали больные буйные, паралитики, маразматика; никто не кусался и не бросался калом — те содержались в особом флигеле в отдалении от главного здания. В *спокойном отделении* отдельное содержание и лучший уход именовались *нервнопсихиатрическим санаторием*, за пребывание в нем и взималась плата в размере 6 рублей в сутки.

Тем не менее, Есенин неоднократно говорил знакомым, что в клинику его *упрятала жена*. При сложности отношений с Толстой вряд ли бы

Есенин руководствовался ее мнением, но обратиться к ней за помощью в деликатном вопросе считал себя вправе.

В клинике Есенину помогла устроиться А.А. Берзинь. Поэта курировал ее знакомый ординатор А.Я. Аронсон — по его мнению, болезнь поэта ничего интересного в медицинском отношении не представляла. Аронсон получал от Есенина деньги, производил необходимые покупки, сопровождал во время разрешенных выходов в город и искал в случае двух самовольных отлучек. Режим Есенина был весьма свободный: его не подвергали медикаментозному лечению, не стесняли передвижений, не ограничивали в контактах. Навещали его сестры и жена — с С.А. Толстой они гуляли по саду, который в 1880-е появился благодаря Л.Н. Толстому. Соседствуя в Долгом Хамовническом переулке, он подарил часть сада клинике. К торжеству ее открытия сад был перепланирован. По договоренности Есенин должен был пробыть в клинике два месяца, но не пробыл и одного — незаметно покинув ее через этот сад.

Говоря о Берзинь, отметим, что в публикации 1970 ее воспоминаний Р.Э. Киршон были сделаны купюры, частично восстановленные А.Д. Панфиловым [10, с. 147–152].

На следующий день после помещения в клинику 27.11 Есенин написал П.И. Чагину: «Пишу тебе из больницы, опять лег. Зачем — не знаю, но, вероятно, и никто не знает. Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств. <...> Всё это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки. Не понимаю, почему Павлу Первому не пришло в голову заняться врачебным делом. Он бы смог. Он бы вылечил. Ведь его теория очень схожа с проблемами совр<еменных> психиатров. Карьера не талант и не знание. У кары лечиться — себя злить и еще пуще надрывать. Вот почему мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой» [13, т. 6, с. 228].

Есенин много работает, играет на бильярде, принимает посетителей, поток которых возрастает: так, 30.11 у него были А.Б. Мариенгоф с женой. Лечение и перемену обстановки Есенин поначалу воспринимает стоически: «Живу ничего. Лечусь вовсю. Скучно только дьявольски, но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо» — письмо 6.12 И.В. Евдокимову [13, т. 6, с. 229]. Однако уже на следующий день Есенин телеграфировал В.И. Эрлиху просьбу о приискании комнаты в Ленинграде, куда намеревается переехать сразу по выписке из клиники для редактирования журнала. С этого дня он начинает тяготиться пребыванием, особенно после получения 16.12 ответа Эрлиха: «Приезжай, я всё устрою». 18.12 Есенин пишет матери и брату Илье, где сообщает о тяге к самоубийству; в этот же день он инициирует разрыв с Толстой. 19.12 Есенин тайком через сад ушел из клиники — М.Д. Ройзман встретил его в пивной, где тот объяснил ему причину: «Сбежал! Разве это жизнь? Всё время в глазах мельтешат сумасшедшие. Того и гляди сам рехнешься!» [9, т. 5, кн. 1, с. 586]. В возбужденном состоянии Есенин пошел к Мариенгофу, где с помощью Ройзмана его нашел отчаявшийся Аронсон, однако Есенин категорически отказался вернуться в санаториум: «Флигель

сумасшедших отовсюду виден!». (NB! В ответе незнакомому Я.Е. Цейтлину 13.12 поэт также именуется клинику *санаторием* [13, т. 6, с. 231]).

Тем не менее, на следующий день 20.12 Есенин был в клинике. Берзинь посетила его; в воспоминаниях указала на слова Аронсона о суицидальных наклонностях пациента и на страх Есенина перед больными: «Я никуда не хожу, я их всех боюсь. Сегодня в женском отделении одна бегала с лезвием от безопасной бритвы, и я испугался». Есенин был в прекрасной форме, весь преисполнен надежды после полного излечения уехать из Москвы на отдых. Тем не менее, Аронсон сказал Берзинь, что Есенин безнадежен, не проживет и года. В этот день Есенина навещал В.Ф. Наседкин, накануне женившийся на его сестре Екатерине; они обсудили план совместной жизни в Ленинграде.

Утром 21.12 Есенин покинул клинику. По озвученной им самим версии — подвиг его на то ночной суицид некой девушки, которой он любовался из-за ее косы, на ней она и повесилась.

С ее стороны это была очередная попытка суицида. «Больная, прыгнувшая на окно со всей стремительностью таких случаев, в тот момент, когда была схвачена за руку, соскользнула вниз и была спасена только тем, что нерастерявшаяся сестра схватила ее за косу, намотав ее быстрым движением на руку, отчего больная, почувствовав боль, поднялась наверх и это дало возможность схватить ее под другую руку и вытянуть из окна, за которым она висела на высоте 2-го этажа» [20, с. 118]. Согласно же Хлысталову, самоубийство девушки произошло 04.12 [12, с. 93].

Согласно А.Г. Выгону, Есенин решил оставить клинику под влиянием иного больного — врача Ч. 29-ти лет, страдавшего ипохондрической формой шизофрении. Сосед-сверстник настраивал Есенина против врачей клиники, обличая их в некомпетентности [10, с. 240–241]. Данная гипотеза выдвинута была Выгоном после изучения историй болезни пациентов, находившихся в клинике одновременно с Есениным — при всем том, что таковая самого поэта не найдена. Гипотеза Выгона носит исключительно умозрительный характер.

Выскажем предположение, что версию о девушке Есенин сознательно засеял в ближайшем окружении, чтобы скрыть более прозаический повод для временного выхода за пределы клиники. У него не осталось наличных денег; к нему поступали сведения о бесконтрольном распоряжении его гонорарами по оставленным доверенностям и он осознал необходимость срочно навести порядок.

Как произошло оставление клиники? Сложности для Есенина в том не было: имея зимнюю одежду, он отправился на прогулку и через сад вышел с посетителями. Произошло это в дежурство ординатора Озерцовского и в том вины его нет. Есенин пользовался правом гулять в саду без провожатых. Намеревался ли Есенин вообще уйти из клиники, или намеревался вечером в нее вернуться, благо оставалось еще 5 оплаченных дней пребывания? Автор статьи склоняется к последнему предположению: Есенину был необходим день свободы прежде всего для временной перемены обстановки, а, главное — для похода в Госиздат для устройства денежных дел. Опыт ухода из клиники у него уже был — точно таким способом он ее покидал за день до того.

До 14 часов Есенин находился дома, затем зашел в банк, снял со счета все деньги (99 руб), напился, отправился в Госиздат (где аннулировал все выданные ранее доверенности), зашел домой к И.М. Касаткину (не застал) и поздно вечером пришел в ресторан Дома Герцена. В понедельник ресторан был переполнен (в этот день допоздна заседало правление Союза писателей, где решались все текущие вопросы). С.Б. Шерн, пытавшийся протрезвить и увести Есенина, вспоминал: «жуткое, истерзанное, измученное человеческое лицо <...> глаза были совершенно красные, веки опухшие, щеки совершенно втянулись, кожа была грязно-желтого цвета, безумный блуждающий взор». Есенин пил вино, Шерн освежил его нарзаном и увел. Есенин противился: «У меня нет дома. Вот сумасшедший дом, куда меня хотели запрятать, это мой дом» [11, с. 151]. В итоге Шерн посадил Есенина на извозчика, но поэт по дороге надебоширил и побывал в милиции; к Толстой он вернулся в час ночи и до 16 часов дня был дома в состоянии здоровом и трезвом. Далее Есенин пошел в издательство «Современная Россия», затем напился в клубе Дома Герцена. Е.Г. Сокол вспоминал, что «Есенин нервничал, как нервничал всегда, когда много пил, а он в этот день пил много, пил еще днем, там же в клубе. Днем он шумел, затевал скандал, со многими ссорился, назвал одного из писателей “продажной душой”, других — иными, не менее резкими словами. Его тогда умирили с трудом и увели из клуба» [21, с. 61].

Вечером того же дня пьяный Есенин вернулся в клуб в компании С.А. Клычкова. Тот вскоре ушел, Есенин немного отоспался и продолжал пить в обществе С.Б. Шерна, С.А. Полякова, К.А. Свирского, Е.Г. Сокола. «Вид у него был жуткий — растерзанный, лицо желтое, дряблое и глаза красные, как у альбиноса. А в клубе было распоряжение — не подавать Сергею вино. После долгих уговоров пришлось уступить. Он мог уйти в какой-либо притон» — вспомнил Шерн [11, с. 152]. Согласно Соколу, Есенин помнил происшедшее днем и оправдывался: «Ведь я же не виноват. Ведь они же меня нарочно на скандал вызывают, травят, ножку всегда подставить стараются. Завидуют они мне, и из зависти всё это. <...> Меня выводить из клуба? Меня назвать хулиганом? Да ведь они все — мразь, и подметки моей, ногтя моего не стоят, а тоже мнят о себе... Сволочи!.. Я писатель. Я большой поэт, а они кто? Что они написали? Что своего создали? Строчками моими живут! Кровью моей живут и меня же осуждают» [21, с. 64–65]. Есенин вскоре почти полностью протрезвел, но всю ночь провел в компании поэтов. В 4 часа утра Сокол привез его к Толстой; В затянувшемся на два часа прощании отметил страх одиночества Есенина. В 9 часов утра полупьяный Есенин пришел в Госиздат за деньгами для поездки в Ленинград. На укоризны И.В. Евдокимова Есенин взорвался: «Это мое дело! К черту! И лечиться я не хочу! Они меня там лечат, а мне наплевать, наплевать! Скучно! Скучно мне!» [9, т. 5. кн. 1, с. 599]. (Последний день Есенина в Москве расписан поминутно, и я не буду на том останавливаться, равно как и на совокупности причинно-следственных связей, приведших к самоубийству).

Вернемся к известнейшему поэту Ивану Николаевичу Бездомному

Превосходная степень *известнейший* дает предельно точное указание на Есенина. Почти сразу же после гибели в 1921 Блока и Гумилева имен-

но он занял главенствующее положение в неофициальной поэтической иерархии РСФСР — за ним, но со значительным отставанием в читательских симпатиях, следовали Демьян Бедный и Маяковский. *Венчальная свеча*, которую несет *Иван Бездомный*, указывает на давший повод пересудам свежезаклученный брак Есенина с С.А. Толстой. Обращение *Ивана Бездомного* к посетителям ресторана Дома Герцена: «*Братья по литературе*» соотносится с предметом насмешек мемуаристов, как то словами из отчета в «Известиях» о похоронах Есенина: «Гроб несли ближайшие друзья покойного» [9, т. 5, кн. 2, с. 85], в то время как главными действующими лицами прощания в Доме Печати были заведомые недоброжелатели поэта. Возраст *Ивана Бездомного* — 23 года, в то время как Есенину — 30 лет, но разница невелика: подчеркнута их общая *молодость*.

Указание *холост* отсылает к разрыву отношений Есенина с Толстой, причем Есенин этим событием начал бравировать еще до свадьбы — так, в июле сообщил Н.К. Вержбицкому: «С новой семьей вряд ли что получится, слишком всё здесь заполнено “великим старцем”, его так много везде, и на столах, и в толах, и на стенах, кажется даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня» [13, т. 6, с. 219].

«...рассказывать всякую чушь про дядю Федора, пившего в Вологде запоем» на первый взгляд дает отсылку к автобиографии Есенина 20.06.1924, где указан «припадочный дядя». Да, Есенин говорил о повлиявшем на него дяде с материнской стороны П.Ф. Титове, во время припадка эпилепсии опрокинувшего на себя самовар — мечтатель-алкоголик от ожогов скончался [13, т. 7, кн. 1, с. 15] — однако использован почти дословно другой текст. В книге Краснушкина при описании прибывшего из Вологды поэта Ганина указано: «Дядя нашего пациента страдает какими-то нервными припадками» [28, с. 53]. Этот сюжет будет рассмотрен далее — пока лишь отметим, что наследственность Есенина в клинике изучали.

«С конца 1880-х истории болезней («скорбные листы») в московских больницах стали включать разделы о наследственности и “признаках вырождения”, а анамнезы превратились в пространные многостраничные описания социального происхождения пациентов и событий, предшествовавших болезни» [22, с. 38]. Отсюда и расспросы врачей *Ивана Бездомного* о девиантном поведении его родственников.

Беседа Мастера с *Иваном Бездомным* об его стихах удивительно точно передает отношение Булгакова к поэзии Есенина. По мнению Чудаковой: «Реконструкция главы [редакции 1928 года — М.Л.] “Интермедия в Шалаше Грибоедова” позволила увидеть, что эта глава была опорной, фундаментальной в замысле романа — сформировалась сразу и мало менялась на протяжении всех редакций» [2, с. 404]. Следует подчеркнуть реплику «даже Есенина», чтобы сделать вывод об отношении Булгакова к поэту.

В подсознании интеллектуально развитых современников Булгакова этот фрагмент соотносился с главнейшей книгой т.н. «Серебряного века» — «Мелким бесом» (1907). Ср.: диалог Людмилы Рутиловой и Саши Пыльникова: «А какой у вас любимый поэт? — строго спросила Людмила. — Надсон, конечно, — ответил Саша с глубоким убеждением в невозможности иного ответа» [23, с. 115]. По мнению М.М. Пав-

ловой — лучшего знатока всех реалий жизни и творчества Ф.К. Тетерникова, «влияние Надсона заметно сказалось в раннем поэтическом творчестве Сологуба (мотивы усталости, разочарования, предчувствия близкой смерти» [23, с. 787]. Влияние это продолжалось до начала XX века, однако (насколько автор статьи себе его представляет) для поэта Федора Сологуба 1910-х, равно как для ценителя поэзии М.А. Булгакова соответственно Надсон и Есенин стали олицетворением всепроникающей поэтической пошлости, равно как и триумфа авторов в недоразвитом читательском восприятии.

Уже в самом начале дана отсылка к внешности Есенина и его поэзии — «плечистый, рыжеватый вихрастый молодой человек», автор «большой антирелигиозной поэмы об Иисусе Христе», несовершенство которой было вызвано «изобразительной силой таланта» автора и «полным незнакомством с вопросом, по которому он писал». «Иисус у него получился, ну совершенно живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисус». Без труда угадывается *златоглавый* автор сказки «Иисус-младенец», переизданной в 1921 отдельной книгой, которую в последней автобиографии октября 1925 года поэт отнес к тем сочинениям, которые казались ему несвоевременными. «От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции» [13, т. 7, кн. 1, с. 20]. Укажем: Берлиоз выговаривает Бездомному именно за то, что «выходит по твоему рассказу, что он действительно родился». Напомним, что именно в 1925 году, когда, по мнению автора статьи, Булгаков задумал роман, его весьма увлекла полемика в антирелигиозной периодике об историчности личности Иисуса Христа. Разумеется, был знаком Булгаков и с «Инонией», однако вселенский размах нового духовного учения «пророка Есенина Сергея» входил в столь явное противоречие с пьяными ресторанными дебошами поэта, что поэма могла воспринималась лишь сознательным кощунственным эпатажем.

Согласно Ходасевичу, «Есенин в “Инонии” отказался от христианства вообще, не только от “исторического”, а то, что свою истину он продолжал именовать Иисусом, только “без креста и мук”, — с христианской точки зрения было наиболее кощунственно. Отказался, быть может, с наивной легкостью, как перед тем наивно считал себя христианином, — но это не меняет самого факта. <...> С “Инонией” он высказался весь, до конца. После нее ему, в сущности, сказать было нечего. Слово было за событиями». — «Он думал, что верует во Христа, а в действительности не веровал, но, отрекаясь от Него и кощунствуя, пережил всю муку и боль, как если бы веровал в самом деле» [5, т. 4, с. 138, 149].

В черновиках романа указание на Есенина дано еще более узнаваемо: «”Бейте, граждане, арамея!” — вдруг взвыл Иванушка <...> Вот тогда только на Иванушку догадались броситься... Воинственный Иванушка забился в руках. “Антисемит!” — истерически прокричал кто-то. “Да что вы” — возразил другой, — “разве не видите, в каком состоянии человек! Какой он антисемит! С ума сошел человек!” — “В психиатрическую скорей звоните!” — кричали всюду» [1, с. 133–134]. Очевидна отсылка не только к скандалам в пивной (т.н. «дело четырех поэтов») и в ка-

фе «Домино» (дебош Есенина и Ганина, во время которой выкрикивали антисемитские лозунги) и к репутации Есенина как юдофоба, но также и к реальному поводу помещения Есенина в клинику.

Отметим: роковой треугольник (Булгаков — Есенин — т.н. «еврейский вопрос») требует гораздо более тщательного рассмотрения, чем то возможно в рамках данной статьи. Видным культурологом М.Н. Золотосовым (род. 1954) уже была предпринята попытка изучения данной проблемы [24], не встретившая сочувственного отклика в т.н. «научной среде» ввиду излишней ее декларативности и публицистичности. Разбор книги М.Н., предпринятый Яновской, показал несостоятельность подхода, основанного на *нравственной оценке* (ввиду своеобразия личности автора), а не строго фактографического [3, с. 175–180].

Переместимся к Грибоедову

По нашему мнению, именно эти три визита Есенина в ресторан Дома Герцена были использованы Булгаковым: весьма вероятно, что он находился там в указанные два дня. *Ивана Бездомного* увезли за полночь, в приемную знаменитой психиатрической клиники он был доставлен в полвторого ночи. Доставивший его поэт, *бездарность Сашка Рюхин*, списан с А.А. Жарова — к кулачку, *тщательно маскирующемся под пролетария*, Булгаков никогда не испытывал ничего кроме брезгливости. Фраза: *«Иконка то больше всего их и испугала»* отсылает к восприятию советской критикой религиозных мотивов в поэзии Есенина. Мысли Рюхина при встрече с памятником Пушкина дают явные отсылки к двум опубликованным в 1926 текстам: а) воспоминаниям Шерна о ночной прогулке с Есениным к этому монументу, причем Есенин смог дойти лишь до памятника Тимирязеву, после чего уехал на извозчике [11, с. 151]; б) сделанному в октябре 1925 Есениным признанию: «В смысле формального развития теперь меня тянет всё больше к Пушкину [13, т. 7, кн. 1, с. 20]. Ср. мнение В.Ф. Ходасевича о Есенине: «Перед смертью он духовно и поэтически *эмигрировал к Пушкину*» [5, т. 2, с. 372]. На своеобразии того тройственного союза, который невольно образовали Есенин, Маяковский и памятник Пушкину, обратила внимание Яновская [3, с. 174–175].

Указанием на памятник Пушкину в романе дана отсылка и к похоронам Есенина: Булгаков при любви к *зрелищам*, вероятнее всего, присутствовал в многотысячной толпе, под знаменами Союза поэтов и Союза писателей, за гробом проследовавшей от Дома Печати к памятнику Пушкину. После того, как при склоненных знаменах гроб трижды обнесли вокруг монумента, процессия пошла к Дому Герцена, затем к Камерному театру. Около 14 часов Есенин был предан земле на Ваганьковском кладбище — при этом поэты не только читали посвященные Есенину стихи, но и клали их в гроб [9, т. 5, кн. 2, с. 86–88].

Если в реальности Есенин бежал из психиатрической клиники, сильно напился, пришел в ресторан, откуда был увезен другом-поэтом — то в романе действие происходит в обратном порядке: *Иван Бездомный*, имевший вид безумца, приходит в ресторан, откуда поэт-ненавистник доставляет его в сумасшедший дом. (Как отмечено выше, описание клиники соответствует в ряде подробностей содержанию в таковой Есе-

нина). «Реальные кошмары повседневности представлены иронично, вскользь и как будто легко. Булгаковские перевертыши — мир, опрокинувшийся в зеркалах его романа <...> Это легкое, ироническое освещение невыносимо трагических реалий эпохи — одна из важнейших черт романа. Кажется, писатель смотрит на мир сверху» [8, с. 257–258].

Согласно Яновской, к главному роману Булгаков приступил в 1928 или 1929 гг. [8, с. 21]. Данное мнение повторено Чудаковой: «Достоверным представляется лишь то, что именно в этом [1928 — М.Л.] году был начат роман, ставший впоследствии романом «Мастер и Маргарита». Сам Булгаков на титульном листе рукописей более поздних редакций выставлял начальной датой 1928 год» [2, с. 392]. Выскажем предположение, что ряд событий 1925 года, причем не только пребывание Есенина в клинике, послужил внешним толчком в том же году к замыслу романа, однако *начало работы* над ним относится к 1928 году.

Что же касается двух иных составляющих образа *Ивана Бездомного*, то несомненна роль Ивана Приблудного для подчеркивания интеллектуальной девственности, непосредственности восприятия мира и искренности чувств в сочетании с добротой. Современниками он воспринимался как подражатель Есенина и одновременно один из постоянных его спутников, взявший на себя роль ученика-телохранителя и соавтора ресторанных дебошей. Заметим, что непродолжительное время (1926–1929) Приблудный был женат на Наталье Зиновьевой (1906–2006; во 2-м браке Милонова), дочери лечившего Есенина психиатра; знакомство произошло в Высшем литературно-художественном институте в 1924. Как будет показано ниже (раздел «Казус Краснушкина») возраст и некоторые детали биографии Ивана Приблудного (23 года) и *Ивана Бездомного* совпадают. Обучение Ивана Николаевича Понырева в Историко-литературном институте дает отсылку к учебе Ивана Приблудного в 1923–1925 в Высшем литературно-художественном институте, куда его принял В.Я. Брюсов без экзаменов.

Бесспорно, Иван Старцев вполне может служить образцом благой эволюции легкомысленного поэта в серьезного исследователя-библиографа, но едва ли следует вслед за Чудаковой преувеличивать его значимость для создания образа *Ивана Бездомного* кроме отдельных деталей. Для Булгакова знакомство со Старцевым осталось лишь эпизодом в начале московского периода его жизни — и не более того.

Напомню, что благодаря рассказу Чуванова и личным наблюдениям Булгаков имел возможность сравнить две ипостаси Есенина — раннюю, когда не по летам серьезный молодой подчитчик в типографии тянулся к знаниям, и позднюю, когда главный поэт России вступил на стезю саморазрушения и в 30 лет завершил свой жизненный путь. Таков слепленный Булгаковым из лично известных ему современников поэт *Иван Бездомный*.

Согласно П.В. Палиевскому (1932–2019), именно *Иван Бездомный* есть главный герой романа [25, с. 194–195]. Согласиться с этим нельзя: главные герои суть Иешуа Га Ноцри и Мастер. В равной степени очевиден и вероятен композиционный параллелизм подлинного или мнимого ученичества: Иешуа Га Ноцри & Левий Матвей / Мастер & Иван. Субъективизм трактовок романа и объективное комментирование его реалий

должны происходить независимо друг от друга — к сожалению, многим *булгаковед*ам это пришло непонятно.

Вернемся в психиатрическую больницу, куда поэт был помещен

Опыт соотнесения ее с конкретным лечебным заведением предпринял Мягков: перечислив ряд больниц 1920–1930-х гг., от итоговых выводов он воздержался [1, с. 155–168]. Указания на университетскую клинику сделано не было. Отмечу, что, как и в рассмотрении вопроса о передвижениях *Ивана Бездомного*, в гипотезах Мягкова вся фактография подчинена топографии. Выводы Мягкова о трех прообразах клиники Стравинского были повторены Яблоковым [26, с. 311].

Укажем на некорректность построений Мягкова. 1) Соотнесение *Ивана Бездомного* с Есениным дает точное указание на университетскую клинику. 2) В романе Булгаков описал идеальную психиатрическую больницу, тогда в Москве не существовавшую. Если не принимать во внимание относящееся к жанру фантастики описание условий ухода и лечения больных и обратить внимание лишь на топографию, то есть воспользоваться методикой Мягкова, то данный вывод напрашивается сам собой. Из всех московских больниц того времени выход к реке имела лишь больница имени Медсантруд (так! — *М.Л.*) — расположенная в бывшей усадьбе И.В. Баташева на Вшивой горке, краем сада она спускалась к Подгорской набережной. Едва ли Булгаков был в ней: в годы написания романа больница была передана ОГПУ, став ведомственной. На закрытой охраняемой территории парка проводились захоронения жертв казненных чекистами: в частности, здесь были погребены А.А. Ганин и пять его поделщиков по сфабрикованному Я.С. Аграновым делу «Ордена русских фашистов». (Ныне ГKB № 23 имени И.В. Давыдовского — Яузская ул., 11).

Методологическая бесперспективность топографических разысканий начинающих *булгаковед*ов ранее уже была показана Яновской: «"Ту самую" клинику Стравинского — чтобы непременно у реки, как в романе, и за рекою — бор..."» [8, с. 521]. Тем не менее, и автор статьи повинен в этом грехе.

Выскажем предположение, что воображаемая больница была помещена Булгаковым на Саввинскую набережную, т.е. на самый край клинического городка на Девичьем поле. В период работы над романом проживавший с августа 1927 по февраль 1934 по адресу: Большая Пироговская ул, д. 35а, кв. 6 автор имел обыкновение во второй половине дня совершать прогулку одним и тем же маршрутом: Малым Саввинским переулком спускался к реке, далее по Саввинской набережной доходил до Новодевичьего монастыря, затем по Погодинской улице возвращался. (Частично повторяя схему передвижений иного *Булгакова*, столь поразившего его персонажа хроник А.В. Чайнова). Во избежание не критического использования данной гипотезы *булгаковед*ами особо подчеркнем, что она — не более чем предположение автора статьи, вызванное тем соблазном «мнимой и реальной узнаваемости булгаковских пейзажей», которая переходит в «радостную узнаваемость», при всем том, что «пространства в сочинениях Булгакова очень существенно изменены» [8, с. 516–517].

Следует согласиться с Яновской: «На карте реальной Москвы Булгаков воздвигал свои дома там, где ему было нужно, и поселял в них своих героев, сообразуясь ни с чем иным, как со своим художественным воображением» [8, с. 47].

Перейдем к психиатрам. Таковых в романе трое

а) «Несомненно главный, доктор Александр Николаевич Стравинский, профессор, тщательно, по-актерски обритый человек лет сорока пяти, с приятными, но очень пронзительными глазами и вежливыми манерами. Вся свита оказывала ему знаки внимания и уважения, и вход его получился поэтому очень торжественным». Мастер именуется Стравинского «гениальным психиатром».

Всесоюзную известность *булгаковеду* Мягкову принесла в 1985 статья в «Советской культуре» под интригующим названием: «Кто вы, профессор Стравинский?» [27]. В статье было проведено отождествление А.Н. Стравинского с известным советским психиатром Е.К. Краснушкиным (1885–1951): совпадали возраст, внешность, начальственные манеры, манера беседы с пациентом, а также его знакомство с Булгаковым — впрочем, в достаточной степени светское (через Якулова в начале 1920-х). Все сведения Мягкова почерпнул из бесед с сыном Е.К. — профессором МГУ радиофизиком П.Е. Краснушкиным (1913–1983). В *булгаковедении* версия Мягкова никогда не подвергалась сомнению, несмотря на отрицательный разбор ее Яновской [8, с. 521–523].

Тем не менее, оба текста нуждаются в уточнениях. Если согласиться с предложенным временем и местом (конец 1925, психиатрическая клиника 1-го МГУ), то начальником в клинике Краснушкин не был, занимая в ней всего лишь должность ассистента при Ганнушкине: в обязанности входила помощь в организации учебного процесса (1919–1925). Лечебной нагрузки в клинике Е.К. не имел. Главными местами его службы в 1925 были Мосгорздрав (где он курировал психиатрию в местах лишения свободы; в 1919–1931 заведовал Кабинетом по изучению личности преступника; консультант ряда больниц), Институт судебно-психиатрической экспертизы имени В.П. Сербского (в 1921 — один из его создателей; несколько административных должностей) и кафедра судебной психиатрии факультета общественных наук МГУ (1920–1930 — сверхштатный профессор). К пребыванию Есенина в клинике Е.К. никакого отношения не имел, в лучшем случае сопровождая Ганнушкина на демонстрации больного. (Если допустить, что в отношении Есенина она вообще была — пересказ З.М. Агеевой рассказа *очевидицы* [41, с. 55] следует воспринимать скептически).

Репутация Краснушкина как одного из главных столичных психиатров сложилась десятилетием позже, причем он воспринимался прежде всего, как судебно-психиатрический эксперт. (Что в итоге позволило ему участвовать в этой роли на Нюрнбергском процессе — он доказал вменяемость Р. Гесса). В случае отнесения повествования в романе к 1925 (болезнь Есенина) степень известности Краснушкина была бы преувеличенной, но к годам завершения работы над романом (конец 1930-х) она была бы оправданной.

В «Золотом теленке» из Ганнушкина и Краснушкина составлен доктор *Титанушкин*, который «не любил симулянтов». В год публикации

романа (1931) тяжелобольной Ганнушкин уже редко выходил из дома и пребывал в Москве уже в статусе фигуры сакрально-мифологической. Лечение больных осталось в прошлом: все время отнимало завершение «Клиники психопатий», административные обязанности и разборка архива. Наставление третьего (по возрасту) состава учеников проходило по преимуществу на дому. Напротив, по мере угасания Ганнушкина его ученик Краснушкин обретал известность: в начале 1930-х он уже занимал ведущее положение в судебной психиатрии, причем специализировался именно на распознавании симуляции. Как было сказано выше, из *гудковцев* именно Ильф был наиболее близок к Булгакову. Сын Краснушкина указал Мягкову на личное знакомство отца с Булгаковым.

Подробности их взаимоотношений неизвестны. В Москве *все со всеми знакомы*, однако то не свидетельствует о близости отношений. Краснушкин в силу своего статуса ведущего судебного психиатра был окружен множеством не менее преуспевших москвичей, в том числе людей творческих. Булгаков к таковым не относился: говорить об *успешности* можно лишь применительно к постановке «Дней Турбиных» в МХАТ. Достаточно замкнутый Булгаков сознательно ограничивал круг личного общения, куда с середины 1920-х уже вошел скромный психиатр Озерецковский, младший его по возрасту и по статусу. Напротив, Краснушкин в 1930-е доминировал бы в отношениях в силу возраста, статуса и присущей ему властности: едва ли бы всё это могло привлечь Булгакова. Вероятнее всего, он представлял Краснушкина лишь по рассказам знакомых психиатров Д.С. Озерецковского, С.Л. Цейтлина. Ранее Яновская после беседы с Е.С. Булгаковой категорически отвергла версию Мягкова о личном знакомстве Булгакова и Краснушкина [8, с. 521–523].

Тем не менее, в романе исключительно точно показана манера бесед Краснушкина с больными и его умение поставить «мгновенный» диагноз.

Согласно ученику и биографу В.М. Банщикovu, «Е.К. никогда не был безразличен к больному и не относился к нему с профессиональным служебным безразличием». — «Тонкий психопатолог, Е.К. отличался исключительным мастерством в области диагностики психических больных. У тех, кто присутствовал и участвовал в его клинических разборах больных, навсегда остались в памяти тонкости искусства большого мастера, без преувеличения можно сказать — художника. Его заключения о разбираемом больном отличались полнотой, ясностью, стройностью, были красивы по форме, увлекательны и убедительны. Особый интерес представлял его расспрос больного. В этом отношении он имел свою особую индивидуальную манеру, что свойственно всем крупным специалистам. Так, например, известна характеристика, которую П.Б. Ганнушкин дал мастерству расспроса больных Корсаковым, Крепелином, Маньяном. Он говорил, что Корсаков вносил в беседу с больным свою личность и свою пытливость; Крепелин бывал резок и иногда даже грубоват; Маньян — насмешлив и ворчлив. Общим для них было то, что они умело получали от больного главное, наиболее существенное. Будучи большим мастером всех этапов диагностического процесса, Е.К. всегда знал, в каком направлении надо вести расспрос, у него отсутствовал при этом шаблон. С одним он беседовал час, два; другому больному за-

давал лишь три-пять вопросов; у третьего обращал всё свое внимание на статус; у четвертого тщательно выяснял различные стороны анамнеза и т.д. Но всегда у него была простая, задушевная и глубокая беседа с больным, носящая целенаправленный и продуктивный характер» [29, с. 16–17].

Отметим, что склонность к задушевной беседе с пациентом имели как Ганнушкин, так и Зиновьев, и Краснушкин. В первую половину врачебного творчества Ганнушкина (Канатчиково дача и частная практика) известность его как понимающего доступного врача-собеседника привлекала больных со всей России, заставляя его принимать до 300 пациентов в неделю. Во второй половине (с 1918 после избрания профессором кафедры 1-го Московского университета с подчинением клиники памяти А.А. Морозова) Ганнушкин обрел статус начальника и был воспринимался прежде всего профессором, а лишь затем целителем. Больные стали служить объектом демонстраций — все лекции Ганнушкина собирали переполненные аудитории, где присутствовали не только медики, но и студенты других факультетов и сторонние слушатели. Краснушкин был ассистентом Ганнушкина именно по кафедре (при том, что профессорствовал на кафедре судебной медицины факультета общественных наук того же университета) и врачебной нагрузки в психиатрической клинике не имел. Напротив, Зиновьев подменял Ганнушкина на лекциях и заведовал лечебной частью клиники — П.М. воспринимался не помощником на лекциях, а ближайшим сподвижником Ганнушкина.

В свете вышеизложенного следует вывод: *доктор А.Н. Стравинский* соединил в себе профессоров П.Б. Ганнушкина и Е.К. Краснушкина, а также П.М. Зиновьева — в итоге получился цельный образ *гениального психиатра*.

Нарочито подчеркнуты слава и начальственный статус (Ганнушкин), а также узкая специализация *шизофрения* (Зиновьев). Внешность *Стравинского* из трех персон соответствует одному лишь Краснушкину.

б) «Федор Васильевич, доктор с опрятной острой бородкой» — в романе дано точное указание внешности Д.С. Озерецковского, конкретных функций в клинике 1-го ММИ (первичный прием, дежурство) и его манеры общения. Именно Озерецковский был тем врачом, в чье дежурство скрылся Есенин.

Д.С. происходил из духовного сословия. Фамилия образована от села Озерецкого — волостного центра Московского уезда Московской губернии (ныне в Габовском сельском поселении Дмитровского района Московской области). Расположенное на холме меж трех крупных озер, Озерецкое является одним из самых красивых мест Подмосковья. По указу царя Петра I в 1703–1708 гг. был воздвигнут храм во имя Святителя Николая Чудотворца. В 1722 Озерецкое было подарено царем Феофану Прокоповичу, а по его кончине перешло в Коллегию экономии. Настоятелем храма был иерей Иаков Озерецковский (1726–1798) — впоследствии игумен Макарий, настоятель Лукиановой пустыни Суздальской епархии. Сыновьями его были академик Н.Я. Озерецковский (1750–1827), первый обер-священник армии и флота П.Я. Озерецковский (1758–1807) и участник Соборания, старающегося о переводе иностранных книг священник К.Я. Озерецковский.

На генеалогическом форуме историк рода поставила под сомнение родство иерея Иакова Озерецковского с пономарем того же храма Иваном Ивановичем Озерецковским (1806–?). Причиной сомнений ее явилась уверенность, что село Озерецкое Московского уезда Московской губернии и одноименное в Дмитровском районе Московской области суть два разных села. (Д.С. Озерецковский родство с Н.Я. Озерецковским воспринимал как данность). Одним из сыновей пономаря И.И. Озерецковского, был Константин (1830–1868), диакон Успенского храма с. Петрово-Дурнево Звенигородского уезда, имевший сына Сергея (1857–1902), учителя 1-го Красносельского мужского городского училища. У последнего 31.01.1899 родился сын Дмитрий, герой настоящего повествования. В раннем возрасте он осиротел. Исключительное влияние на формирование его интересов оказал другой сын пономаря И.И. Озерецковского — создатель русской военной психиатрии как научной дисциплины Алексей Иванович Озерецковский (05.03.1851 — август 1933). По окончании Вифанской духовной семинарии Алексей поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета; по завершении учебы *лекарь с отличием* был определен в Московский военный госпиталь, где в 1859 *отцом русской психиатрии* И.М. Балинским (1824–1902) было создано психиатрическое отделение, с которого начинается история мировой военной психиатрии.

В 1891 А.И. Озерецковский защитил диссертацию «Об истерии в войсках» (М., 1891). Первый в мире доктор — военный психиатр впервые описал то, что сейчас именуют *военным неврозом* и *посттравматическим стрессовым расстройством* (ПТСР). (Термин *военный невроз* впервые употребил немецкий врач Хонигман в 1908, анализируя опыт Русско-японской войны. В 1919 З. Фрейд сделал этот термин общепринятым. В 1923 Э. Крепелин ввел понятие *травматический невроз*, которое в 1927 П.Б. Ганнушкин развил в концепцию *нажитой психической инвалидности*. В английской медицине само понятие *военного невроза* было воспринято скептически: статья Майерса в «Lancet», посвященная *shellshock* (1915), подверглась критике). Во время Русско-японской войны Озерецковский и П.М. Автократов (1856–1915) создали военно-психиатрическую службу в действующей армии. После 1905 Озерецковский заведовал госпиталями в Казани и в Тифлисе. Кавалер орденов до Святого Станислава 2 ст. включительно; действительный статский советник, С 1917 в отставке, вернулся в Москву. Брат Михаил (1838–1920), заштатный диакон, уступив ему комнату в своей квартире (3-я Мещанская ул, 63), возвратился в Озерецкое. До конца долгой жизни А.И. работал психиатром в родном Главном военном госпитале. Согласно Ю.А. Александровскому, А.И. был удостоен звания Героя труда [30, с. 229]. Вместе с А.Я. Кожевниковым и С.С. Корсаковым в 1890 создал Общество невропатологов и психиатров при Московском университете. Был лично знаком с Э. Крепелином и В.М. Бехтеревым; ряд работ был написан в соавторстве. Страстный библиофил. Был женат на дочери обер-офицера Л.А. Бартеневой (1851–?); брак бездетен.

Возвращение А.И. в Москву в 1917 совпало с окончанием внучатым племянником Дмитрием 2-й гимназии (с золотой медалью) и поступлением на медицинский факультет Первого Московского университе-

та. По завершении учебы (1922) Дмитрий был принят в клиническую ординатуру, где сразу вошел в круг ближайших учеников Ганнушкина (т.н. «12 апостолов», которые дневали и ночевали в клинике, занимаясь во внедежурное время реферированием зарубежных психиатрических журналов). Самовольный уход Есенина из клиники в дежурство Озерецковского имел следствием немедленный перевод в Донскую психиатрическую лечебницу (тогда — Московскую специализированную психиатрическую клиническую больницу № 8 имени З.П. Соловьева), куда на должность заведующим его пригласил главврач В.А. Гиляровский (1875–1959), научный руководитель Д.С. В клинике на Девичьем поле Озерецковский продолжал бывать ввиду того, что именно там в те годы была лучшая в Москве специализированная библиотека, выписывавшая едва ли не все в мире журналы по психиатрии.

После защиты в 1939 докторской диссертации «Клиника и патогенез навязчивых состояний» [31] Д.С. был приглашен заведовать кафедрой психиатрии Азербайджанского медицинского института, которую возглавлял в 1939–1958. В 1948–1958 главный психиатр Министерства здравоохранения Азербайджанской ССР. Даже несмотря на то, что до него в Баку работали С.Н. Давиденков и П.М. Зиновьев — именно Д.С. создал азербайджанскую психиатрию, поскольку врачи следующего поколения были его учениками: он был также деканом лечебного факультета и проректором по научной работе. Под руководством Д.С. была создана республиканская психиатрическая больница в Машгалы — в СССР считалась образцовой. Заслуженный врач Азербайджанской ССР. В честь 70-летия Д.С. в Баку был издан сборник [32]. Азербайджанские психиатры, прибывая в Ленинград, считали своим почетным долгом нанести Озерецковскому визит. «По признанию одного из бывших офицеров НКВД, который осуществлял надзор за деятельностью Д.С. в Азербайджане, весьма популярные у студентов лекции профессора, посещаемые им по долгу службы, произвели на него настолько сильное впечатление, что побудили его изменить профессию и стать психиатром» [33, с. 101].

После кончины Н.Я. Озерецкого (ученик Ганнушкина) ввиду невозможности за три года найти ему замену среди ленинградских психиатров в 1958 Д.С. Озерецковский был приглашен возглавить кафедру психиатрии 1-го Ленинградского медицинского института, став четвертым ее заведующим. (Основана в 1900 В.М. Бехтеревым. Вторым (1918–1943) был П.А. Останков (1868–1949), третьим (1943–1955) Н.Я. Озерецкий (1893–1955), одновременно в 1943–1949 бывший ректором). Кафедру в ЛМИ Д.С. возглавлял до 1971.

Известно, что первый московский адрес Булгакова, где он переночевал в сентябре 1921, было общежитие студентов-медиков клиники на Девичьем поле (ныне Малая Пироговская, 18), куда его определил Н.Л. Гладыревский [26, с. 98–99]. Личное знакомство Озерецковского с Булгаковым произошло в 1924 во время пребывания его в хирургической клинике профессора А.В. Мартынова п.п. удаления аппендицита.

С середины 1920-х Озерецковский пребывал в общении с Булгаковым, во время проживания на Пироговской (1927–1934) неоднократно заходил к нему после клиники: пеший путь занимал не более четверти часа. Булгаков воспринимал Озерецковского в качестве постоянно-

го врача-консультанта — дружеское общение (оба были страстными книголюбителями) не препятствовало обращению за медицинскими советами, не связанными со специализацией Д.С. Отношение *лекаря с отличием* Булгакова к собственному здоровью — отдельный сюжет: достаточно упомянуть, лишь то, что впервые артериальное давление он измерил в возрасте 48-ми лет. Общение прекратилось осенью 1939 после отъезда Озерецковского в Баку.

В 1958 Озерецковский был избран заведующим кафедрой психиатрии ЛМИ, которой руководил до 1971; преподавал до начала 1980-х. В лекциях не раз рассказывал о лечении Есенина и иных знаменитостей, категорически отказываясь опубликовать те лекции, ссылаясь на некие *этические нормы*. Знавшие Д.С. свидетельствуют об его исключительном даре повествователя. Ср.: «Булгаков был ни с кем не сравнимый рассказчик, но устные его рассказы — за исключением буквально крох — практически невозможны» [8, с. 142]. То же можно сказать и про рассказы Озерецковского.

Несмотря на принадлежность к т.н. «московской психиатрической школе», т.е. к Ганнушкину и его окружению, воспринимавшей себя последователями Крепелина и Корсакова, Озерецковский сумел не войти в методологическое противостояние с «ленинградской психиатрической школой», лишь в частных беседах позволяя иронию о диковинном сочетании Кречмера с Павловым в ее методологии. Учеников Озерецковский именовал *правнуками Крепелина*. Свое положение в Ленинграде Озерецковский соотносил со своим любимцем В.Х. Кандинским: волею судеб питомец московской психиатрической школы (т.е. основывавшейся на терапевтической практике) был заброшен в столицу, где держался в стороне от санкт-петербургской психиатрической традиции (в основу которой была положена академическая созерцательность), не вступая с коллегами (все — ученики И.П. Мержеевского и И.М. Балинского) ни в какие споры на медицинские темы [34]. Озерецковский публичными дискуссиями не пренебрегал, неизменно одерживал в них верх, но делая это максимально деликатно по отношению к противнику.

В последние годы Озерецковский был знаком с историком медицины В.И. Дедюлиным (1926–2002), который безуспешно пытался направить его на стезю мемуариста, но в том не преуспел. Вспоминал и рассказывал Д.С. по-прежнему с удовольствием. По словам В.И., повествование Д.С. сводилось по преимуществу к разбору клинических случаев — личные биографические подробности он опускал, а общим теоретико-методологическим построениям и вовсе был чужд. (Знакомство было следствием разысканий В.И. об истории франко-русских медицинских связей — в частности, клинику на Девичьем поле В.И. воспринимал как акт переноса вольнолюбивой французской идеи *нестеснительной психиатрии* на русскую почву: Д.С. был тому свидетелем).

В.И. поведал мне о Д.С. уже после его кончины, в конце 1990-х: поводом к беседе послужила продажа части библиотеки Д.С. в букинистической лавке. Судьба его архива автору статьи неизвестна — знаю лишь, что у Д.С. был сын Сергей, потомственный психиатр.

Последний по времени ученик Озерецковского историк кафедры В.В. Дунаевский (1945–2020), полвека там преподававший, оставил ме-

муарные свидетельства об учителе [33, с. 96–101]. Как мне поведал В.В. при покупке книги, Д.С. скептически воспринял статью Мягкова в «Советской культуре» [27], однако возражать не стал по своему принципу *не вступать в полемику*. Своего небрежения в том, что *упустил Есенина* — Озерецковский не отрицал, но и виноватым себя не считал: Есенину была предоставлена возможность в саду гулять без сопровождения, пребывание его в клинике было лишено не только малейшего стеснения, но и строгого контроля. Поскольку питался Есенин отдельно от больных, то хватились его лишь во второй половине дня.

(В 2024 со слов Д.С. рассказанное Дунаевским подтвердил психиатр А.А. Васильев в беседе с автором статьи).

в) Третий упомянутый в романе психиатр (женщина) не назван по имени — это врач Лидия Эдуардовна Шидловская (1885–1949), окончившая естественное отделение Высших женских курсов. Автор книги: «Очерки по уходу за душевно-больными: На основании личного опыта работы в психиатрических учреждениях» — с предисловием учителя-коллеги-подруги Ю.А. Флоренской (1884–1947) под редакцией П.Б. Ганнушкина руководство было издано в 1927 М.В. Сабашниковым. [20]. В книге содержится описание повседневной жизни клиники во время пребывания в ней Есенина.

Мог ли Булгаков быть знакомым с кругом сотрудников Ганнушкина помимо Озерецковского и посещения клиники на Девичьем поле? Вполне. 5.11.1924 он заключил договор с «Издательством М. и С. Сабашниковых» на издание «Белой гвардии» отдельной книгой. 19.11 М.В. Сабашников написал Булгакову письмо с предложением обсудить возможность сокращения текста — в итоге 31.12 по инициативе автора договор был расторгнут [35, с. 396–397].

В те годы «Издательство М. и С. Сабашниковых» являлось ведущим в публикации книжных новинок медико-биологической тематики. Выпускник естественнонаучного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета М.В. Сабашников (1871–1943) пребывал в давнем дружестве с Ганнушкиным, а в середине 1920-х ввел его в состав того неофициального редсовета из семи известных ученых, который определял издательскую программу [36, с. 143].

Психиатрия издавна занимала значимое место в тематике изданий Сабашниковых. Еще в 1900 братья напечатали «Судебную психопатологию» В.П. Сербского, весь доход от издания передав московским психиатрическим лечебницам. В 1926–1933 под редакцией Ганнушкина вышли три выпуска «Трудов Психиатрической клиники (Девичье поле)», но посвященный памяти его самого вып. IV (1934) издал уже Биомедгиз. В 1925–1928 М.В. Сабашников с намерением подкормить столичных интеллектуалов и извлечь выгоду из публикации востребованных книг по биологии и медицине издал серию «*Homo sapiens*», а также ряд книг вне ее. Среди них: «Эволюционная идея в биологии» Ю.А. Филипченко (1923; 1925), «О продлении жизни. (*Vivre*)» С.А. Воронова (1923); «Пересадка семенных желез» С.А. Воронова (1923; 2-е изд. 1925), «Евгеника» Т.И. Юдина (1925; 2-е изд. 1928), «Судебно-психиатрические очерки» Е.К. Краснушкина (1925), «Культура и вырождение» О. Бумке (1926), «Душевные болезни в картинах и образах» П.М. Зиновьева (1927), «Очер-

ки по уходу за душевно-больными» Л.Э. Шидловской (1927), «Психологическая классификация личностей» Е.А. Петровой (1927), «Судебная психиатрия» Н.П. Бруханского (1928). Без интеллектуальных бестселлеров той эпохи невозможно постичь затронутые в «Собачем сердце» и в «Мастере и Маргарите» сюжеты. Как уже ранее было указано, в романе содержится прямое заимствование из книги Краснушкина.

В завершение сюжета «Сабашниковы и психиатрия» укажем, что в квартире М.В. с начала 1920-х проживал его двоюродный брат видный психиатр И.М. Сабашников (1855–1931) [37, с. 581]. Коллега и сподвижник своего свойственника В.Х. Кандинского, ученик И.П. Павлова до революции занимал ряд важных медицинских административных постов. Контора издательства находилась в квартире издателя (Новинский бульвар, д. 8, кв. 7) и посему вполне вероятно личное знакомство И.М. Сабашникова и М.А. Булгакова.

Что касается сюжета «Есенин глазами психиатров», то едва ли Булгакову остались неизвестными опубликованные в «Клиническом архиве гениальности и одаренности» Г.В. Сегалина (1878–1960) статьи И.Б. Галанта (1883–1978) «О душевной болезни С. Есенина» [38], Н.А. Юрмана (1868–1938) «К патографии Сергея Есенина» [39] и скончавшегося в 24 года смоленского психиатра В.С. Гриневича (1904–1928) «Искусство современной эпохи в свете психопатологии» [40]. Рассмотрение их в статье излишне, поскольку ни один автор Есенина не наблюдал и все их выводы имеют характер умозрительных построений.

Издававшийся в Свердловске в 1925–1930 Сегалиным и Галантом «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии), посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренности творчества, так или иначе связанным с психопатологическими уклонами» вряд ли вызвал сочувственный интерес *лекаря с отличием* Булгакова, настолько журнал был декларативен, вторичен и эклектичен по первому впечатлению. Выскажем гипотезу, что патография творчества в наблюдениях врачей психиатрической клиники на Девичьем поле была Булгакову несравнимо ближе, чем упражнения на заданную тему в «Клиническом архиве». Тем не менее, закрытый в *год великого перелома* провинциальный журнал сыграл весьма важную роль в пробуждении интереса советских врачей и литературоведов к психологии творчества — даже сейчас он воспринимается символом полнейшей раскрепощенности отечественной психологической мысли 1920-х годов.

Сюжет «Личность Есенина с точки зрения психиатрии» независимо друг от друга был рассмотрен А.Д. Панфиловым (есениновед-любитель) [10] и З.М. Агеевой (психиатр с большим стажем) [41; 42] вне связи с именем Булгакова. Панфилов использовал советы заместителя директора клиники А.Г. Выгона, указавшего на то, что история болезни Есенина в архиве отсутствует. Согласно Агеевой, история была изъята в 1937, однако на чем основано это утверждение, не указано. Обе книги Агеевой носят по преимуществу характер более популярно-публицистический, чем медицинский.

Автору статьи представляется очевидным: создававшийся в течение почти полутора десятилетий роман был значим для Булгакова возмож-

ностью в той или иной форме высказать свои взгляды как на общие проблемы бытия, так и на частные вопросы современной ему столичной литературной жизни. Будучи *лекарем с отличием* (что тщательно скрывал), Булгаков рассматривал феномен Есенина прежде всего с медицинской точки зрения — зависимость от личных симпатий/антипатий у врача была минимальной. Маловероятно, что лекции по психиатрии, прочитанные в Императорском университете Святого Владимира невропатологом М.Н. Лапинским (1862–1947), смогли бы увлечь Булгакова. Ранее этот курс читал великий И.А. Сикорский (1842–1919) — в политизированном Киеве 1910-х отношение к этим двум деятельным членам Киевского клуба русских националистов было неоднозначным. Не имеется свидетельств об оказанном ими влиянии на Булгакова, как и о знакомстве его со столь яркой личностью, как переехавший в 1915 в Киев В.Ф. Чиж (1855–1922): известный психиатр был назначен уполномоченным Российского Красного Креста и заведующим психиатрическим отделением госпиталя. (В том, что Булгакову была известна его книга «Болезнь Н.В. Гоголя» (М., 1904) — сомнений нет).

Во время учебы психиатрия не стала для Булгакова профилирующей дисциплиной; как врач он специализировался на более востребованной в те годы венерологии. Учебником Булгакову, вероятно, послужило руководство Ф.Е. Рыбакова «Душевные болезни» (М., 1916): при неприятии личности его автора психиатрической общественностью Москвы — лучшее руководство в 1910-е для врачей широкого профиля. Психиатрическое образование в 1920–1930-е было дополнено общением с Озерецковским и его коллегами, а также чтением некоторых вышеуказанных книг.

Казус Краснушкина

О круге чтения Булгакова написано достаточно много, однако эта тема вызывает суждения весьма противоречивые — достаточно сравнить мнения на сей счет Кончаковского, Чудаковой и Яновской. В нашей статье рассмотрим один частный случай, как то почти дословное заимствование Булгаковым из изданной Сабашниковым книги Краснушкина «Судебно-психиатрические очерки» (1925; закончена 12.10.1925 (с. 4); на обложке 1926). Впервые на это обстоятельство указал Мягков, не указав реального прототипа — внимание его привлек лишь «литератор, поэт; 23 лет», увидевший черта [1, с. 161].

В главе «Шизофрения. Старческое слабоумие» содержится описание двух клинических случаев. Больные суть: «Г., 31 год, крестьянин по происхождению, литератор по профессии» и «П., 23 лет, тоже литератор, поэт, обвиняемый по одному и тому же делу, что и первый». Точное указание возраста и инициала фамилии позволяет безошибочно опознать А.А. Ганина и Ивана Приблудного. В анамнезе биография Ганина совпадает полностью. Что же касается Приблудного (указавшего в качестве фамилии псевдоним), то он дал волю фантазии: «рос в семье с материальным достатком, учился в гимназии, кончил ее в 18 лет», в то время как родился в бедной крестьянской семье, по окончании трех классов земской школы был батраком и пастухом, а затем вместе с бродячим цирком пошел искать лучшей доли. Возраст двух Иванов, Приблудного и *Бездомного*, (23 года) полностью совпадает.

О Ганине. «Осенью 1923 года приехал в Москву, встретился с приятелями-поэтами, пьянствовал почти каждый день. В 1923 году судился за антисемитизм. Ни комнаты, ни койки своей не имел, ночевал где придется у разных знакомых из литературной братии <...> 9 декабря 1924 под арестом доставлен в Институт. Голова завязана простыней, на груди носит бумажный крест, утверждает, что это костюм мудрого Люцифера с тремя узлами: узлом мудрости, узлом счастья и узлом жизни <...> Всем доволен, особенно тем, что имеет свою койку, ибо тогда был бы без квартиры» [28, с. 54–55].

О Приблудном. «Летом 1924 года вечером у себя в комнате однажды увидел черта, который назвал себя по фамилии, вел с ним беседу; черт уговаривал его бежать по улице с топором. Больной взял топор и побежал по Тверской, был арестован и направлен в Донскую психиатрическую лечебницу, где пробыл с неделей. Еще в мае 1924 года у него появилась мысль совершить что-нибудь “необыкновенное”. Это определило его участие в инкриминируемом ему деянии. 2-го ноября он был арестован. В камере к нему явился черт, который уговаривал его задушить трех соседей. Соседей он душить не стал, но повесился сам. 28-го ноября был доставлен в Институт. Себя он считает Савонаролой, в нем три лица, он — Савонарола, потому что ему явился черт; у него в космическом масштабе анархия, победа духа над плотью, прийти к небытию, чтобы не было однообразия и пошлости, суеты сует, это — трагедия века, надо находить формулу, истину, необходим новый Магомет-Христос. Мы как-то стукнулись лбом о стену и сами не замечаем, если и выйду на свободу, я найду эту формулу, надо найти выход, так нельзя, как лопнет — повсюду наркоз, труд, наука и искусство — наркоз, все же они красный наркоз. Это горе от ума; кто задается вопросами, тот несчастный; сам он пережил уже всё, он уже в прошлом, он уже был рожден римским императором, потому что у него гегемонический характер <...> Больной этот ведет себя манерно, закатывая глаза, поднося руку к голове, как бы отдавая честь» [28, с. 56–57].

Итоговый вердикт Краснушкина в отношении поэтов гласил: «Здесь происходит расщепление психических процессов. По этой характерной для описываемой болезни черте она носит название шизофрении: “шизо” — означает расщепление, “френос” — душа, ум» [28, с. 57]. Шизофрению Краснушкин трактовал как «болезнь по преимуществу юношеского, молодого возраста» [28, с. 53], сюжетно и композиционно противопоставляя ее старческой деменции — сославшись при этом на авторитет Э. Блейлера, впервые в 1908 шизофрению описавшего и предложившему это название. Уточним, что в середине 1920-х ведущим специалистом по шизофрении был Зиновьев; Краснушкин имел специализацию судебного психиатра, главной задачей его было определение вменяемости и симуляции. В своих трудах он подчеркнуто ссылался прежде всего на Блейлера, а не на Крепелина — тем самым перенеся научный спор двух европейских светил на российскую почву. (В клинике ориентировались на Крепелина). Как уже было сказано, *доктор Титанушкин* составлен из Ганнушкина и Краснушкина, причем последний преобладал. На это дано точное указание: симулянты обсуждают «Аутистическое мышление» Э. Блейлера, впервые опубликованное в 1912

в «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen». (Разумеется, в РСФСР оно было известно прежде всего по соответствующей главе в его «Руководстве по психиатрии», переведенном и изданном в Берлине в 1920). Выскажем предположение, что *доктор Титанушкин* явился следствием бесед Булгакова с Ильфом.

Рассмотрим обвинения Ганина и Приблудного в антисемитизме. Ганин и 14 его подельников (без Приблудного) были арестованы ОГПУ 11.11.1924 по сфабрикованному СО ОГПУ делу «Ордена русских фашистов». Предпосылкой дела явился дебош 20.1.1924, когда Ганин вместе с отлучившимся из нервного санатория Есениным учинили пьяный дебош в кафе «Домино» — избili швейцара, официантов и посетителей, выкрикивая при этом антисемитские лозунги. Вся история фабрикация дела Я.С. Аграновым к настоящему времени достаточно изучена. Допросы сопровождались пытками, в результате чего Ганин был приведен в такое состояние, что был признан невменяемым. Ввиду невозможности открытого судебного заседания с согласия Президиума ВЦИК дело рассматривалось во внесудебном порядке. 30.03.1925 Ганин и пятеро подельников были приговорены к ВМН и в тот же день расстреляны, двое были сосланы на Соловки, один освобожден, судьба пятерых неизвестна. Есенин по данному делу привлечен не был [27].

Прочитав следственное дело «Ордена русских фашистов» бывший следователь по особо важным делам Э.А. Хлысталов (1932–2003) пришел к выводу: «Фамилия одного арестованного мне неизвестна — возможно, он агент ГПУ, согласившийся давать чекистам нужные показания против своих товарищей» [12, с. 101]. Текст Краснушкина не оставляет сомнений в том, что *слабым звеном* чекисты избрали Ивана Приблудного и не ошиблись. В исследованиях, ему посвященных, не упоминается ни арест по делу «Ордена русских фашистов», ни Институт судебно-психиатрической экспертизы. Приблудный был самым молодым из арестованных, имел пролетарское происхождение, участвовал в Гражданской войне на стороне красных, сочувствовал большевикам; кроме того — был весьма доверчив, дорожил хорошим к себе отношением. Для поднаторевших в склонении к сотрудничеству чекистов *обработать* Приблудного труда не составило. Выскажем предположение, что вывод из дела был обусловлен вербовкой в качестве осведомителя. Традиционно мнение о том, что сексотом ОГПУ Приблудный стал только лишь во второй половине 1920-х годов. Сопоставление фактов позволяет отнести начало *сотрудничества* к рубежу 1924–1925 гг. Независимо от текста Краснушкина на 1925 год указал В.И. Кузнецов (1942–2012) [43, с. 307]. Литературовед Кузнецов был первым, провозгласившим в 1990-е *тезис* об убийстве Есенина чекистами — ранее Хлысталов выдвинул его в качестве *гипотезы*. «Но лучше об этом не думать, ибо кто знает, что скрывалось у Есенина за этой манией преследования и что это была за болезнь...» — заключил излишне много знавший А.К. Воронский [44, с. 170].

Весной 1931 Приблудный сознательно пошел на разрыв отношений с *органами*. («...преувеличивая политическое значение поступающих в его распоряжение агентурных данных о нелояльном поведении тех или иных лиц...»). Почти сразу началась его травля в печати. Приблуд-

ный был арестован; 17.05.1931 выслан на 5 лет в Астрахань. В 1935 он вернулся в Москву; не имея пристанища, некоторое время жил у бывшей жены в квартире П.М. Зиновьева. (Бездомность преследовала Ивана до конца жизни). Вновь арестован по обвинению в подготовке террористического акта и расстрелян 13.08.1937 вместе со своим покровителем Воронским.

Отметим: «Судебно-психиатрические очерки» представляют переработанный курс судебной психиатрии, который Краснушкин прочел в 1923–1924 работникам московских пенитенциарных учреждений. Едва ли этот краткий курс претендовал на научное значение или практическое применение: это занимательное чтение, не более того — но оно содержит те драгоценные крупинки реальной истории, которые едва ли можно найти в ином месте.

Согласно Яновской, с Краснушкиным Булгаков лично знаком не был, а при завершении работы над романом он пользовался библиотекой психиатра С.Л. Цейтлина (1878 — после 1944), высоко оценившего профессионализм автора: «Я поражаюсь интуиции М.А. Он так изумительно разбирается в психологии больных, как ни один доктор-психиатр не мог бы разобраться» [8, с. 521–523]. Хронологически данный эпизод относится к 1937, т.е. тогда, когда работа над романом вступила в завершающую стадию, а привычного в общении Озерцовского рядом уже не было: переезд Булгакова с Большой Пироговской затруднил частое общение. Тем не менее, реалии 1925 года в памяти автора начатого в 1928 романа не изгладились.

Итогом наблюдений, воспоминаний и размышлений Булгакова стало в достаточной степени объективное описание без труда узнаваемого Есенина, сочувственно изображенного в образе больного поэта *Ивана Бездомного*.

Наиболее авторитетным трудом, сводящим воедино все комментарии к роману, является «Путеводитель» Г.А. Лескиса и К.Н. Атаровой. Вопросы, рассмотренные в публикуемой статье — там принято считать уже решенными. Прототипом *доктора Стравинского* со ссылкой на статью Мягкова указан Краснушкин [43, с. 408–411]. Что касается *Ивана Бездомного*, то оговорено: «Духовная эволюция этого персонажа столь непохожа на судьбу указанных “прототипов”, а сами “прототипы” настолько отличаются друг от друга, что сопоставление с ними образа Бездомного в целом представляется малопродуктивным, несмотря на совпадение тех или иных деталей» [43, с. 66]. Впрочем, авторы ввели в сонм составляющих *Ивана Бездомного* также Ивана-дурака и Иоанна Крестителя [44, с. 68]. Такое вот *булгаковедение*...

Автору статьи известно, что в интеллектуальной среде давать ссылку на труды Б.В. Соколова, первого доктора филологических наук по разделу *булгаковедения*, а priori считается верхом неприличия. Библиографической полноты ради пренебрежем тем негласным запретом. В последнем итоговом труде почтенный автор представил версию прототипов *Ивана Бездомного* и *доктора Стравинского*, не утруждая себя ни аргументацией, ни ссылками на труды иных лиц. Так, по мнению Соколова, «поэт А.И. Безыменский (1898–1973) был одним из прототипов Ивана Бездомного» [45, с. 142]. «Одним из» — остальные не указаны вообще. «Прототипом Алек-

сандра Рюхина послужил Маяковский» [44, с. 202–204] — несмотря на ряд прямых отсылок к личности А.А. Жарова (1904–1984) опубликованное ранее наблюдение не учтено. Как указывает Соколов, профессор Стравинский «вероятно, имеет прототипом Г.И. Россолимо (1860–1928) <...> и доктора-психиатра Равино из рассказа А.Р. Беляева (1884–1942) “Голова профессора Доуэля” (1925)». Что касается больницы, то Соколов соотносит с Московской областной (ныне Химкинская городская № 1; Правобережная ул, 6а) [44, с. 267–268]: выбрана из указанных в книге Мягкова трех лечебниц. Вступать в полемику считаем излишним, но считаем допустимым привлечь внимание к новым открытиям в популярном жанре современности *лубочном литературоведении*.

Итоговые выводы статьи: 1. Булгаков фактографически точно описал пребывание Есенина в психиатрической больнице глазами лечащего врача (одного или двух — несущественно). 2. Столь же точно описаны бегство поэта из больницы и учиненный им дебош в Доме Герцена (но в обратном порядке) 3. Три психиатра из романа имеют реальных прототипов. 4. *Иван Бездомный* сотворен Булгаковым сочетанием Есенина, Приблудного, Старцева и Ганина — последнего М.А. едва ли встречал. 5. Вопрос о личном знакомстве Есенина и Булгакова остается открытым (автору представляется маловероятным), но Мастер весьма пристально и пристрастно наблюдал за Поэтом, их диалог послужил основой главной сюжетной линии романа.

В статье не были рассмотрены: 1. Отношения Есенина с властью держащими, чекистами, коллегами-литераторами (1924–1925). 2. Его юдофилия/юдофобия. 3. Частные особенности алкоголизма Есенина. 4. Некоторые подробности его самоубийства. 5. Роль мифотворчества в создании биографии Есенина. 6. Отсутствие достоверных биографий Есенина и Булгакова, а также кризис историографии российской психиатрии. 7. Процесс прогрессирующего превращения *булгаковедения* в массовое паранаучное увлечение.

Автор статьи постарался доступным языком изложить очевидное для него сцепление фактов, ранее ускользнувших от внимания исследователей. Автор допускает вероятность того, что статья будет бесполезна даже тем профессиональным ученым литературоведам, узкие специальности которых суть *булгаковедение* и *есениноведение*. Впрочем, если статья вызовет интерес того неведомого *тайного друга*, для которого творил Булгаков — это будет высшей наградой автору.

Список источников

1. Мягков Б.С. Булгаковская Москва: литературно-топографический очерк. Москва: Московский рабочий, 1993. 222 с., 10 л. илл.
2. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Москва: Колибри; Азбука-Аттикус, 2023. 831 с., 16 л. илл.
3. Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. Москва: Параллели, 2002. 415 с., 8 л. илл.
4. Мешков В.А. Булгаков и Есенин: доклад на Первых Крымских Булгаковских чтениях (Евпатория. 28.11.2009). Режим доступа: <http://esenin.nlv.ru/Esenin/article-16.htm>. Дата обращения: 01.12.2024.

5. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Москва: Согласие, 1996–1997. Т. 2. 1996. 573 с. Т. 4. 1997. 741 с.
6. Лепехин М.П. О поступлении в Отдел рукописной и редкой книги БАН собрания М.И. Чуванова // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2 (46). С. 14–26.
7. Кончаковский А.П. Легенды и были дома Турбиных. Киев: Факт, 2008. 635 с.
8. Яновская Л.М. Последняя книга, или Треугольник Воланда. Москва: ПРОЗАиК, 2013. 751 с.
9. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. В 5 т. 7 кн. Москва: ИМЛИ, 2002–2018. Т. 5, кн. 1: Январь — 23 декабря 1925. 2013. 831 с. Т. 5, кн. 2: 24 декабря 1925 — середина 1926. 2018. 1159 с.
10. Панфилов А.Д. Есенин без тайн. Москва: Центрполиграф, 2005. 414 с.
11. С.А. Есенин: Материалы к биографии / Сост., подг. текста, примеч. Н.И. Гусевой, С.И. Субботина, С.В. Шумихина. Отв. ред. Н.Б. Волкова. Москва: Историческое наследие, 1992. 448 с.
12. Хлысталов Э.А. 13 уголовных дел Сергея Есенина. Москва: Яуза; ЭКСМО, 2006. 512 с.
13. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7 т. 9 кн. Москва: Голос; Наука, 1995–2004. Т. 6: Письма. 1999. 815 с. Т. 7, кн. 1: Автобиографии... 1999. 559 с.
14. Наумов Е.И. Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. Ленинград: Лениздат, 1969. 494 с.
15. 50 лет психиатрической клинике имени С.С. Корсакова / 1-й Московский медицинский институт / Под ред. М.О. Гуревича и А.О. Эдельштейна. Москва: ПММИ, 1940. 307 с., 1 л. фронт.
16. Памяти Петра Борисовича Ганнушкина. Москва; Ленинград: Биомедгиз, 1934. 444 с., 1 л. фронт., 5 л. илл. (Труды Психиатрической клиники I ММИ. Вып. IV).
17. Гериш А.Г. П.Б. Ганнушкин. Москва: Медицина, 1975. 63 с.
18. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика / С портретом автора и некрологом. Москва: Север, 1933. VII, 142 с., 1 л. фронт.
19. Зиновьев П.М. Душевные болезни в картинах и образах: Психозы, их сущность и формы проявления / Под ред. и с предисл. П.Б. Ганнушкина. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1927. II, 192 с. (Переизд. с предисл. В.Г. Остроглазова. Москва: Медпрессинформ, 2007).
20. Шидловская Л. Очерки по уходу за душевно-больными: На основании личного опыта работы в психиатрических учреждениях / Под ред. Ю.А. Флоренской. Предисл. П.Б. Ганнушкина. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1927. 178 с., 2 л. табл.
21. Сокол Е.А. Одна ночь. (Из воспоминаний о Сергее Есенине) // Памяти Есенина. Москва, 1926. С. 59–72.
22. Погорелов М.А. Психиатрия, наследственность и душевные болезни: Практики маргинализации «опасных» индивидов в Москве на рубеже XIX и XX веков // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 2 (37). С. 34–44.
23. Сологуб Федор. Мелкий бес / Издание подготовила М.М. Павлова. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 890 с., 1 л. фронт., 24 л. илл.
24. Золотоносов М.Н. «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма. Санкт-Петербург: ИНАПресс, 1995. 93 с.
25. Палиевский П.В. Пути реализма: Литература и теория. Москва: Современник, 1974. 220 с.
26. Яблоков Е.А. Москва Булгакова. Москва: Кучково поле, 2020. 367 с.
27. Карохин Л.Ф. Алексей Ганин — друг Сергея Есенина. Санкт-Петербург: Облик, 1999. 112 с.
28. Краснушкин Е.К. Судебно-психиатрические очерки. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1925. (Обложка: 1926). 114 с.
29. Краснушкин Е.К. Избранные труды / Предисл. В.М. Банщикова. Москва: Медгиз, 1960. 608 с., 1 л. фронт.
30. Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии. В 3 т. Москва: Гэотар-Медицина, 2013. Т. 3: Психиатрия в лицах. 764 с.
31. Озерцовский Д.С. Навязчивые состояния. Москва: Медгиз, 1950. 168 с.

32. Аваскулиев А.А. Профессор Д.С. Озерецковский и азербайджанская психиатрия // Вопросы психоневрологии. Баку, 1969. Вып. 5: Юбилейный сборник, посвященный 70-летию со дня рождения, 50-летию врачебной, научной и педагогической деятельности профессора Д.С. Озерецковского. С. 5–11.
33. Дунаевский В.В. По ту и по эту сторону безумия: Психопатологический роман. Санкт-Петербург: Гиппократ, 2006. 286 с.
34. Озерецковский Д.С. Научная деятельность В.Х. Кандинского // Вопросы клиники и лечения психических заболеваний: Материалы к юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию [2-й психиатрической] больницы [Ленинграда] (22–23 декабря 1965 г.). Ленинград, 1965. С. 100–105.
35. Булгаков М.А. Белая гвардия / РАН. Издание подготовила Е.А. Яблоков. Москва: Ладомир; Наука, 2015. 823 с., 1 л. фронт., 12 л. илл.: влож.: 1 л. карт.
36. Белов С.В. Книгоиздатели Сабашниковы / Предисл. Д.С. Лихачева. Москва: Московский рабочий, 1974. 176 с.
37. Санкт-Петербургская психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца: К 140-летию / Под общей ред. С.Я. Свистуна. СПб.: Коста, 2012. Т. 1. 584 с.
38. Галант И.Б. О душевной болезни С. Есенина // Клинический архив гениальности и одаренности. 1926. Т. II. № 2. С. 115–132.
39. Юрман Н.А. К патографии Сергея Есенина // Клинический архив гениальности и одаренности. 1927. Т. III. № 1. С. 82–94.
40. Гриневич В.С. Искусство современной эпохи в свете психопатологии // Клинический архив гениальности и одаренности. 1928. Т. IV. № 1. С. 34–50.
41. Агеева З.М. Патография Сергея Есенина. Москва: У Никитских ворот, 2015. 195 с.
42. Агеева З.М., Смолин Г.А. Тайна гибели Сергея Есенина: Дожить до декабря. Москва: Родина, 2022. 464 с.
43. Кузнецов В.И. Тайна гибели Есенина: По следам одной версии. Москва: Современник, 1998. 333 с., 8 л. илл.
44. Гусяров Е.Н., Карпухин О.И. Есенин в жизни. Калининград: Янтарный сказ, 2000. Т. 2. 392 с.
45. Лескис Г.А., Атарова К.Н. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Москва — Ершалаим. Москва: БСГ-Пресс, 2014. 573 с.
46. Соколов Б.В. Полный лексикон великого романа «Мастер и Маргарита». Москва: Вече, 2024. 559 с.

LEPEKHIN M. About the poet Ivan Bezdomny surrounded by psychiatrists

Lepekhin Mikhail — Senior Researcher, the Research Department of bibliography and library science, Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mpl2612@yandex.ru

ABSTRACT

The article contains an indication of specific prototypes of the poet Ivan Bezdomny and three psychiatrists — characters in the novel by M.A. Bulgakov “The Master and Margarita”. The details of S.A. Yesenin’s stay in a psychiatric clinic in 1924–1925 are also clarified.

Key words: M.A. Bulgakov; S.A. Yesenin; M.I. Chuvanov; psychiatry; prototypes.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 11

Выпускающий редактор *О.В. Холмогорова*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 16.12.2024
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 12,6 (579,5 тыс. зн.). Заказ № 114

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)